

Пол Стюарт, Крис Риддел

Опасный рейс

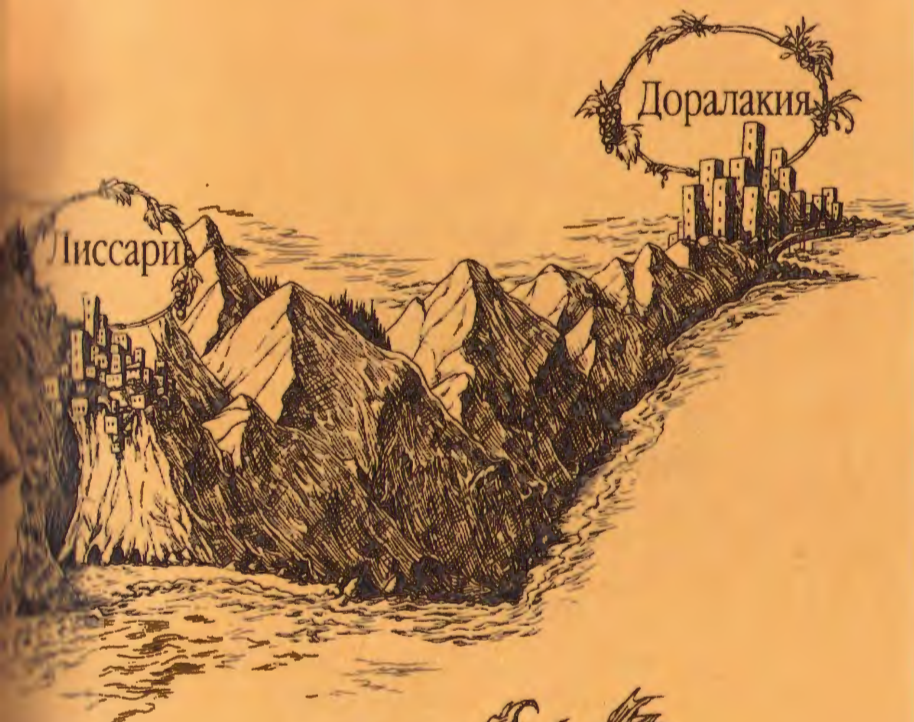

от создателей бестселлера
«ВОЗДУШНЫЕ ПИРАТЫ»

Месаполи

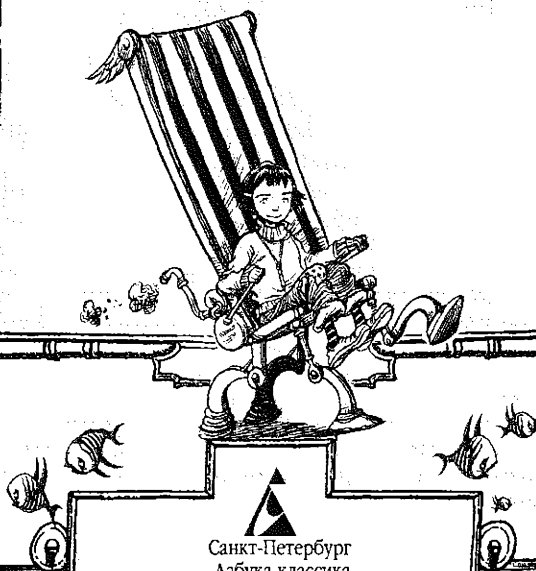
Федрун

Побережье
Далькреции

Пол Стюарт, Крис Риддел

Опасный рейс

Санкт-Петербург
Азбука-классика
2007

УДК 82-93
ББК 84.4 Вл
С 88

Paul Stewart & Chris Riddell

CORBY FLOOD

Text and illustrations copyright © Paul Stewart and Chris Riddell, 2005

The rights of Paul Stewart and Chris Riddell to be identified as the authors of this work have been asserted in accordance with the Copyright, Designs and Patents Act 1988.

All rights reserved

Перевод с английского Михаила Шермана

Художник Крис Риддел

Оформление Олега Рябова

Стюарт П., Риддел К.

С 88 **Опасный рейс: Повесть / Пер. с англ. М. Шермана. — СПб.: Азбука-классика, 2007. — 240 с.: ил. ISBN 978-5-352-02146-0**

Авторы бестселлеров «Воздушные пираты» приглашают в новое удивительное путешествие. На пароходе «Гармония» вам будут гарантированы компания, с которой не соскучишься, и тайны, о которых лучше не знать.

Однажды, гуляя по палубе, Корби слышит очень печальную песню, доносящуюся из грузового трюма, и ей становится ясно, что в трюме томится пленник. Пытаясь разгадать тайну, Корби случайно узнает о злодейских планах некоторых пассажиров. С этого момента приятное путешествие превращается в опасное приключение. В результате череды головокружительных событий Корби оказывается в деревянном ящике, среди консервных банок, в совершенно неизвестном месте...

ISBN 978-5-352-02146-0

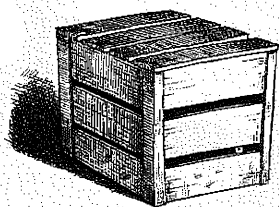
© М. Шерман, перевод, 2007

© «Азбука-классика», 2007

Джулии — Пол Стюарт
Анне, матери моей жены, — Крис Риддел

1. Печальнейшая из песен

Здесь тихо и темно, а земля колыхается и раскачивается у меня под ногами. Иногда я спотыкаюсь, но не падаю, потому что заточен внутри этого дерева, в крошечной тьме. Я так тоскую по солнечному свету!

Как я здесь оказался? Удастся ли вспомнить?..

Ах да... Я шел по дорожке, усеянной лепестками. Сладкие лепестки были так хороши, они просто таяли во рту... А потом я вдруг попал в это дерево и очутился в ловушке.

И вот, солнца больше нет — лишь безмолвие, темнота, покачивание. Мне так грустно. Мое сердце настолько переполнено грустью, что наверняка разорвется...

Буду петь, чтобы печаль могла выйти наружу. Может, если я буду петь, лес прекратит раскачиваться и колыхаться, а солнце вновь выглянет, и мое сердце не разорвется... хотя бы пока.

Пароход «Гармония», мерцая огнями, скользил по морю, озаренному лунным светом. Над трубами поднимались клубы белого дыма, борта сияли множеством иллюминаторов, а на палубах толпились нарядно одетые пассажиры: они дышали свежим воздухом и смотрели на звезды.

Это было так чудесно. Так волшебно...

Корби Флад протянула руку и дотронулась до стекла на поблекшем плакате. Она принялась водить пальцем по буквам, нарисованным поверх звездного неба над роскошным кораблем.

«Пароход „Гармония“» — императрица морей, — прочла она. — Насладитесь незабываемым путешествием на борту самого современного чуда морской техники! Бороздите океаны и исследуйте волшебство берегов и островов, которые повстречаются на вашем пути! Прямо сейчас закажите место на фешенебельный круиз с заходом в десять портов — и бесплатно получите знаменитый путеводитель Хоффендинка».

Корби сильнее стиснула потрепанную книгу в кожаном переплете, зажатую под мышкой.

— Разрази меня гром, если это не один из тех самых путеводителей Хоффендинка, — произнес мрачный голос.

Повернувшись, Корби обнаружила у себя за спиной капитана Бориса Бельведера. Капитан, которого до сих пор никто не видел в хорошем расположении духа, был еще мрачнее, чем обычно. Благодаря обвисшему лицу и поникшим усам он больше всего походил на крайне расстроенного моржа.

— Вот уж не думал, что на борту осталась хотя бы одна из этих книг, — сказал он. — Бедная старушка «Гармония» теперь едва ли останавливается хоть в каком-то мало-мальски интересном месте. На самом деле она уже и вовсе нигде не останавливается! Из Дандуна в Высокую Бухту без остановок, а затем назад... — Его глухой

голос звучал скорбно. Было видно, что капитану жаль свой корабль. — Хуже того, — вздохнул он, — перевозка грузов — вот все, на что мы со старушкой «императрицей морей» теперь годимся. Это, да еще парочка случайных пассажиров, которым нечем заплатить за что-нибудь получше... — При этих словах он неодобрительно оглядел Корби сверху донизу.

— А мне кажется, это ужасно милый корабль, — сказала она. — И после того как моего отца постигло великое разочарование... — Голос Корби задрожал, но она судорожно сглотнула и продолжила: — Мама говорит, мы должны научиться во всем находить хорошее и стараться не падать духом. — И Корби многозначительно (как ей хотелось надеяться) посмотрела на капитана.

— Гм, да уж... — Капитан отвернулся. — Иногда, девочка, такое легче сказать, чем сделать. Особенно когда трюмная помпа сломана, а твой старший механик, да еще и его помощник нашли себе работенку получше. — Капитан обвел угрюмым взглядом облупившуюся краску, ржавые поручни и исцарапанную палубу старого парохода. — А чего еще ждать, когда вокруг все разваливается, — добавил он. — Автоматические зонты от солнца, саморегулирующиеся поручни,двигающиеся ветроломы... — Его рука описала широкую дугу. — «Гармония» годится только для свалки, — пробормотал он, сокрушенно качая головой. — Так же, как и я!

— Хорошие новости, капитан, — послышался гладкий, будто отполированный голос.

Старик и девочка, одновременно повернувшись, увидели старшего помощника капитана, лейтенанта Жон-Жолиона Сластворта-Хруста, который стоял позади них и учтиво улыбался.

— Артуру удалось починить трюмную помпу, — сказал он. — То есть, по крайней мере, пока что она работает...

— Хорошие новости? — произнес капитан Бельведер. — Как сказать, Сластворт-Хруст, как сказать... — Капитан развернулся и медленно зашагал прочь. — Если понадобится, я в своей каюте, — добавил он мрачно, — хотя кому и зачем я мог бы вообще понадобиться?

Жон-Жолион повернулся к Корби и обнажил зубы в фальшивой улыбке.

— А как поживает сегодня юная мисс Корби Флад? — спросил он.

— Спасибо, хорошо, — сказала Корби.

— А ваши великолепные мама и папа?

— Тоже хорошо.

— А четверо ваших неугомонных братьев?

Корби кивнула. Они оба знали, что в семье Флад был лишь один человек, который действительно интересовал лейтенанта.

— Все как всегда, — сказала она. — И, опережая ваш вопрос, точно так же обстоят дела и у моей «очаровательной старшей сестры Серены».

Жон-Жолион осклабился.

— Рад это слышать. Передавайте ей мои наилучшие пожелания, — сказал он, поворачиваясь на каблуках. — И надеюсь, мы все увидимся за обедом.

Корби улыбнулась, но стряхнула с лица улыбку тут же, как только уверилась, что лейтенант ее больше не видит. Открыв путеводитель Хоффендинка и взяв карандаш, свисающий со шнурика на шее, она принялась писать...

ОТШЕЛЬНИЧЕСКИЕ ОСТРОВА

Эти миниатюрные скалистые островки, числом до нескольких сотен, долгие годы были населены рыбаками-отшельниками. Они как нельзя лучше подходят для небольшого пикника. Выясните у капитана время приливов и отливов и всегда держите наготове надежную весельную шляпку на случай непредвиденных ситуаций.

Вот некоторые из наиболее интересных островов:

Мортимеров Утес — очень скалистый остров. По преданию, там живет русалка, столь устрашающая, что способна одним своим видом буквально до смерти напугать любого.

Стефанова Шерсть — остров, покрытый мягким серым мхом, слоем толщиной до пяти футов. На острове водятся мохнатые крабы.

Фабский Старикан — знаменит своей колонией гнездящихся синехвосток. Не пропустите.

Старушка Сюзанна

НА ЧТО СТОИТ ПОСМОТРЕТЬ:

Летучая ночная рыба Витта, она же *Рыба Любви*? — лунными ночами можно видеть, как эти необыкновенные рыбы плавают косяками у самой поверхности воды. Купаясь в отблесках лунного света, Рыбы Любви устраивают тщательно отрепетированные представления, выпрыгивая из воды и совершая в воздухе фигуры высшего пилотажа.

Легенда гласит, что каждый, кому доведется увидеть полет Рыбы Любви, тотчас же сам влюбляется.

Заметки

Лейтенант Джон-Жоллон Слэтворт-Хруст

Хорошее

Изысканные
манеры

Плохое

Грызет свои противные
ногти

~~Много улыбается~~

Много улыбается

Красавчик (если
когда-то вам так же
правятся)

Вечно подлизывается

Слишком намаженные
волосы

Всегда
спрашивает, как
дела

Никогда не слушает
ответов

Очень красивая
форма

Интересуется только
Сереной

Всегда пытается
произвести на нее
впечатление своими
рассказами о том, какой
он хороший, умный и
замечательный.

Написав это, Корби задумчиво посмотрела на море. «Как странно, — подумала она, — делать заметки о людях, обитающих на корабле, вместо того чтобы писать обо всех этих интересных местах, упомянутых в путеводителе Хоффендинка».

Поднимаясь на борт парохода «Гармония», Корби была просто окрылена тем, что по дороге домой, в Высокую Бухту, собственными глазами сможет увидеть все эти интереснейшие достопримечательности. Впрочем, Корби не могла назвать Высокую Бухту домом в полном смысле этого слова. Единственный дом, который у нее когда-либо был, — это большое белое бунгало в Дандуне, где она родилась восемью годами раньше. А что же касается достопримечательностей, то довольно скоро Корби поняла, что ей останется лишь вглядываться в горизонт, когда корабль будет мимо них проплывать.

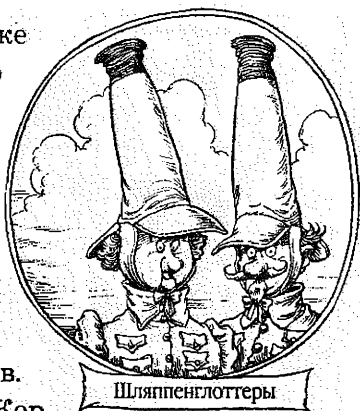
Но все же она хотя бы могла прочесть о них в путеводителе. Корби прищурилась, пытаясь разглядеть крошечное черное пятнышко на горизонте.

«Может, это Мортимеров Утес, — думала Корби. — Или Стефанова Шерсть? Но корабль проплывает слишком далеко даже для того, чтобы пытаться угадать». Она тяжело вздохнула.

Тут Корби услышала приглушенное бормотание и шаркающие шаги, доносящиеся с лестницы, ведущей из кают вниз.

«Ага! Это Шляппенглоттеры!» — подумала Корби, захлопывая путеводитель Хоффендинка.

На верхней площадке лестницы действительно показались мистер и миссис Шляппенглоттер. На обоих были высокие, сужающиеся кверху шляпы с завязками и тесные, доходящие до щиколоток пальто со множеством карманов.

Всякий раз, повстречав Корби, мистер Шляппенглоттер щелкал каблуками и вежливо кивал, а миссис Шляппенглоттер улыбалась. А еще они никогда не упускали случая обменяться с Корби любезностями — и в этом-то и заключалась основная проблема: как бы Корби ни прислушивалась, ей ни разу, ни единого разу не удалось понять, о чем они ей толкуют.

Иногда слово брал мистер Шляппенглоттер, и тогда его жена понимающе улыбалась, как если бы он излагал наиумнейшие вещи. Но Корби слышала лишь невнятное бормотание. А иногда говорила миссис Шляппенглоттер, и ее муж неистово кивал, соглашаясь с ней. Но опять же Корби слышался лишь негромкий шелест.

Однажды, уловив момент, Корби ответила, что у нее «все в порядке, спасибо», но оба Шляппенглоттера поглядели на нее так, словно сочли, что та не в себе. Брови мужа поползли вверх, а улыбка застыла у его жены на губах, после чего странная парочка продолжила свой маршрут, на ходу

обмениваясь замечаниями, которых Корби, конечно же, разобрать не могла.

«Нет, для всех будет лучше, если мне удастся избежать этой встречи», — подумала Корби, ныряя в дверь, ведущую на располагающуюся вдоль правого борта палубу.

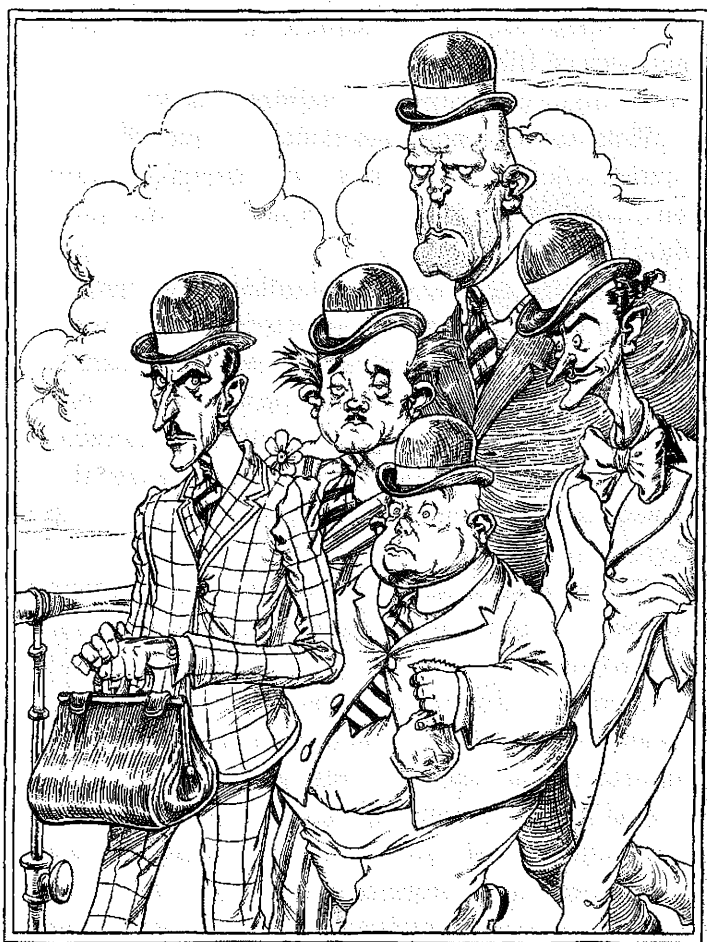
Снаружи оказалось тепло.

С безмятежного неба светило солнце, особенно яркое после полутьмы коридора. Корби, сощурившись, почти вслепую двинулась вперед и тут же споткнулась обо что-то находившееся у нее на пути.

Это была нога, а точнее, пара ног, принадлежавших человеку из каюты 21. Он сидел в шезлонге, и на нем были темные очки, белый костюм и синие туфли. Человек из каюты 21 всегда носил темные очки, белый костюм и синие туфли и сидел в том же самом кресле на той же самой палубе каждый день, если только не находился в каюте 21.

— Прощу прощения, — вежливо сказала Корби, хотя вовсе не считала случившееся своей виной. Более того: сказать по правде, она считала, что это как раз человеку из каюты 21 следовало бы извиниться перед ней.

Но он никогда сам не извинялся и не реагировал на извинения Корби. Было невозможно определить, слышал ли он ее или хотя бы отдавал се-

бе отчет в том, что произошло. Таков был человек из каюты 21. Он целыми днями сидел в своем шезлонге на палубе, глядя на море, и никто не мог сказать, высматривает ли он на горизонте острова или же созерцает волны, а может, и попросту спит.

«Стоило ли, — подумала Корби, — избежать встречи со Шляппенглоттерами только лишь для того, чтобы споткнуться о человека из каюты 21?»

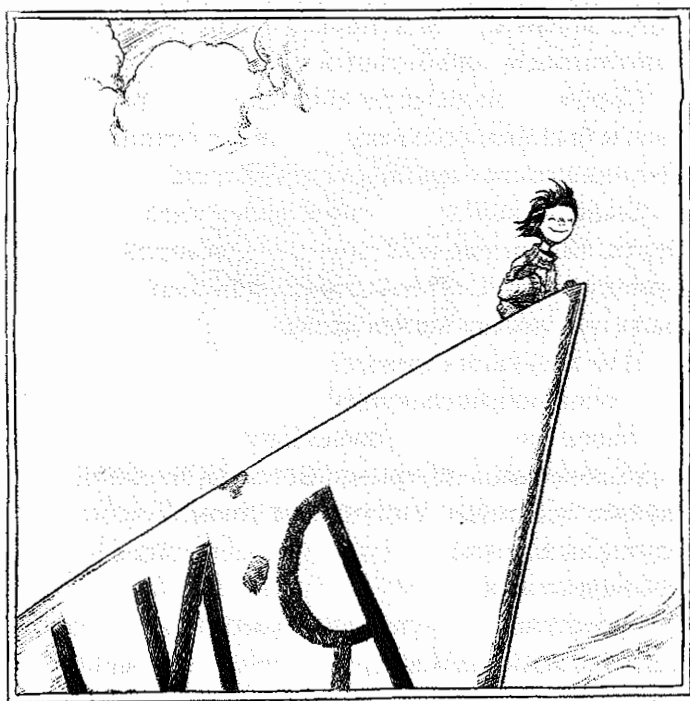
Покачав головой, она пошла по палубе вдоль правого борта, мимо труб, спасательных шлюпок, множества лестниц и трапов, по направлению к носу корабля.

Именно там когда-то располагались действительно большие каюты — каюты с гигантскими гостиными, спальнями размером с танцевальные залы и огромными ванными комнатами. Теперь каюта 21 была единственной из оставшихся на корабле больших кают. Остальные снесли, чтобы освободить место для чудовищных размеров грузового трюма.

Корби вышла на нос корабля, где, как обычно, не было ни души. Именно поэтому ей и нравилось здесь бывать.

Шляппенглоттеры редко отходили далеко от своей каюты; то же относилось и к человеку из каюты 21. Что же касается семьи Корби, то они всегда были слишком заняты, чтобы тратить время на пустые прогулки. Оставались еще пятеро злобещего вида джентльменов в элегантных костюмах и шляпах темно-зеленого цвета, которые устроили всю эту суматоху из-за погрузки своего багажа, когда садились на корабль в Дандуне. Они не только держались все время вместе, но и всякий раз замолкали, когда Корби или кто-нибудь другой проходили мимо.

Больше всего Корби нравилось стоять у самого борта, так чтобы ветер мог играть ее волосами,

а солнце светило прямо в глаза, и глядеть, как заостренный, выступающий нос корабля вспарывает набегающие на него бирюзовые волны. Ей чудилось, что это лезвие ножа, которое идеально ровно разрезает бесконечное волнистое шелковое полотно.

Внезапно откуда-то сзади, сквозь урчание двигателей и плеск волн, Корби послышался посторонний звук. Это был долгий печальный крик — скорбный и одновременно мелодичный. Сперва Корби подумала о чайках, но «Гармония» находилась слишком далеко от берега, чтобы

здесь могли летать птицы. И это не было ветром, свистящим в корабельных снастях...

Корби сделала несколько шагов по направлению к бывшим большим каютам и остановилась. Склонив голову набок, она прислушалась.

Было похоже, что звук доносился с левого борта. Корби сделала еще шаг, замерла и снова прислушалась. «Нет, с правого борта», — подумала она, возвращаясь назад.

Или все-таки с левого?

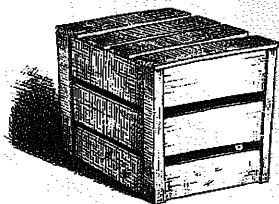
В следующую секунду она поняла, что стороны здесь ни при чем, поскольку необычный звук явно доносился из трюма. Встав на верхней ступеньке лестницы, ведущей в трюм, Корби прислушалась, склонив голову и наморщив от напряжения лоб.

Удивительный, исполненный скорби крик усиливался и затихал, то делаясь слабым и неуверенным, то вновь становясь громким и настойчивым. Громче, тише, громче и снова тише... Словно бы тоскующий волк выл на луну или одинокая певчая птица призывала свою пару.

Это была печальнейшая из песен, какие Корби доводилось слышать.

Ей ужасно хотелось спуститься вниз, чтобы все разузнать, но двери в трюм, на которых висела табличка «Каюты 22—40», были заперты, а ключ имелся только у капитана Бельведера. Вдобавок как раз в эту минуту издали донесся звук гонга, возвещающий время обеда.

2. Императрица морей

то это? Похоже на дворцовые цимбалы, только звучат они откуда-то изда-лека.

Обычно под звуки дворцовых цимбал приходила маленькая девочка со свежей и сладкой луговой травой и медовыми цветами. Но я знаю, что это не могут быть дворцовые цимбалы, потому что маленькая девочка уже не приходит...

Я пойман, заточен в ужасном пустом дереве, и маленькая девочка больше не приходит. Лишь этот странный человек с зеленой головой и скрипучими ногами. Вода, что он мне дает, затхлая, но сладкие лепестки хороши...

Его уже не было так давно, а я голоден и хочу пить... и мне грустно...

— Ну что там Артур возится? — мрачно спросил капитан Бельведер, барабанив пальцами по выдавшей виды белой скатерти.

Миссис Флад

— Пойду посмотрю, сэр, — немедленно откликнулся лейтенант Сластворт-Хруст. Он встал, наклонив свою лоснящуюся голову. — Если дамы мне позволяют...

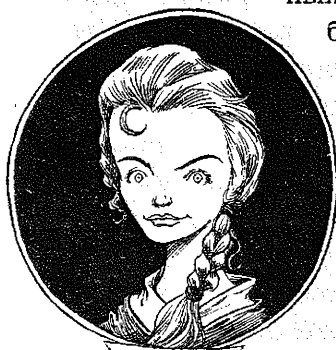
— Да-да, конечно, — сказала миссис Флад, широко улыбаясь. Когда лейтенант вышел из столовой, она повернулась к своей старшей дочери. — Такой вежливый молодой человек, не правда ли, Серена? Если бы он еще не набриолинивал так сильно свои волосы...

Корби захихикала. Услышав это, Серена одарила ее испепеляющим взглядом, а затем повернулась к матери.

— Мама, ну пожалуйста! — прошептала она, заливаясь легким румянцем. — Ты меня смущаешь.

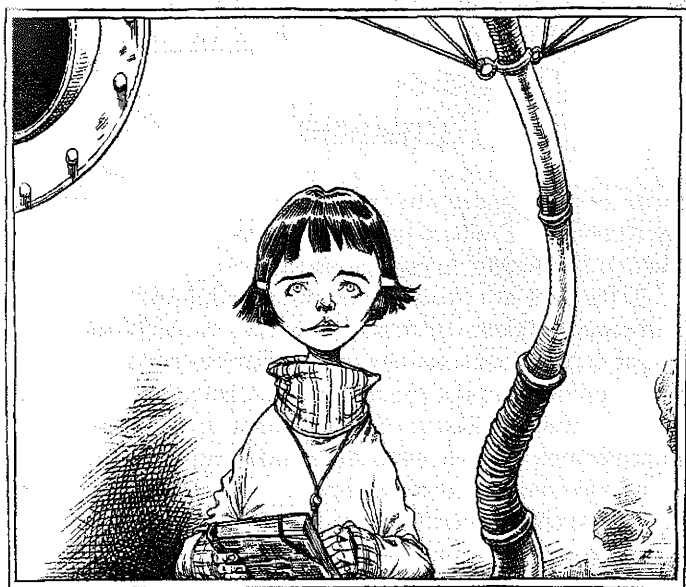
Они сидели за одним из трех круглых обеденных столов в маленькой корабельной столовой. Посреди

каждого из столов находилась большая серебристая крышка, соединенная с потолком гибкой серебристой трубой. Через несколько мгновений откуда-то сверху донесся голос лейтенанта Сластворта-

Серена

Хруста.

— Меня не интересует, что ты чинил трюмную помпу! — кричал Жон-Жолион на Артура. — Капитан желает обедать! И я, между прочим, тоже!

Корби достала путеводитель Хоффендинка и раскрыла его...

ОДИНОКИЙ РИФ

Этот остров знаменит тем, что дал приют капитану Лемюзлю Гиббону, чей корабль «Красотка Роза» двести лет назад сел здесь на мель.

Хотя всю его команду спасли, забрав на материк, капитан Гиббонс отказался покинуть любимый корабль и оставался на острове двадцать пять лет, пытаясь починить свое судно. Он жил, питаясь исключительно плюющимися труборогами и стирая белье пассажиров с проплывающих мимо кораблей в обмен на нюхательный табак и херес.

Выражения «чистый, как рубашка Гиббонса» и «чих Лемюзля в день стирки» пошли именно отсюда.

НА ЧТО СТОИТ ПОСМОТРЕТЬ:

Плюющиеся трубороги (buccinum sputis), внезапно и без каких-либо видимых причин выбрасывающие струю бледно-зеленой жидкости, обитают только на Одиноком Рифе.

Обломки «Красотки Розы» — на юго-востоке острова; на сегодняшний день — лишь несколько облепленных труборогами шпангоутов, торчащих из воды.

Дерево-дом капитана Лемюзля Гиббона — скальная сосна, на верхушке которой двадцать пять лет жил капитан Гиббонс; рекомендуется к посещению только опытным древолазам, не подверженным высотобоязни.

Бельевая бухта — песчаный пляж на севере острова, где

Заметки

Столовая парохода "Гармония"

Мистер
Бембо

Мистер
Тарамонд

Мистер
Палайкин

Столик
у двери

Мистер
Таймс-Ромэн

Серена
Тоби

Мистер
Франклин-Томпкс

мама

Я

Капитан
Бельведер

Капитанский
стол

Мистер
Мягкенько

Тудерн

Сезрик

Столик
в углу

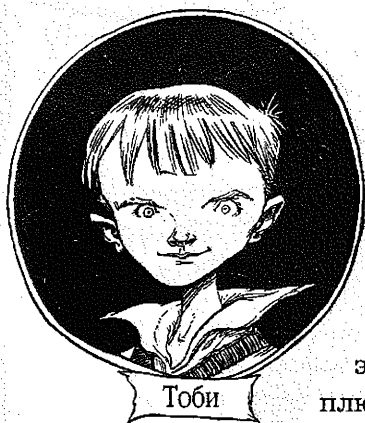
Лейтенант
Сласт-Хвост

Отсутствуют

Миссис
Мягкенько

Пана

Человек
из каюты 2

Корби закончила рисовать темные очки на лице человека из каюты 21 и задумалась. Ее взгляд упал на соседнюю страницу путеводителя.

Там, где-то далеко в море, был Одинокий Риф. «Интересно, каково это — питаться одними

плюющимися труборогами, — подумала Корби. — И что та-

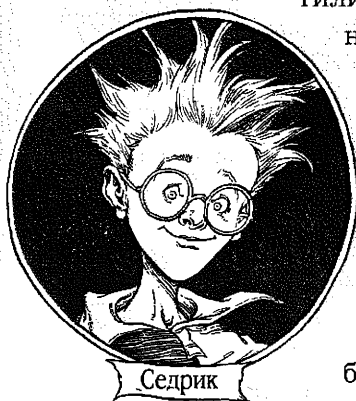
кое этот нюхательный табак?»

Она решила, что позже спросит об этом у отца; такой разговор может его взбодрить и отвлечь от своего великого разочарования...

— Тысяча извинений, — сказал лейтенант Слашворт-Хруст, заходя в столовую. — Корабельный кок говорит, что обед будет скоро подан.

Пятеро зловещего вида мужчин в элегантных костюмах, сидящие за столиком у двери, прекратили шептаться и посмотрели на лейтенанта.

— Корабельный кок! — прошептал Тоби, самый младший из старших братьев Корби, Седрику, второму по старшинству брату Корби. — Он имеет в виду Артура, третьего механика! — Все четверо братьев захихикали.

— Мальчики, успокой-тесь, — строго сказала миссис Флад.

Серена улыбнулась лейтенанту, вновь севшему за стол.

— Мы не спешим, Жон-Жолион, — сказала она ласковым голосом, одновременно слегка пихнув Корби локтем. — Убери эту книгу, — еле слышно произнесла она уголком рта.

Корби захлопнула книгу как раз в тот момент, когда капитан Бельведер перегнулся к ней через стол, сохраняя на лице отсутствующее выражение.

— Все никак не расстанешься со своим путешводителем Хоффендинка, — мрачно произнес он. — Должно быть, это последний экземпляр, оставшийся на корабле.

— Вот именно, — бархатно проговорил Сластворт-Хруст. — Я нашел его за гладильным прессом в каюте нашего бывшего эконома и подумал, что он может показаться девочке занятным. — Лейтенант кинул на Серену самодовольный взгляд.

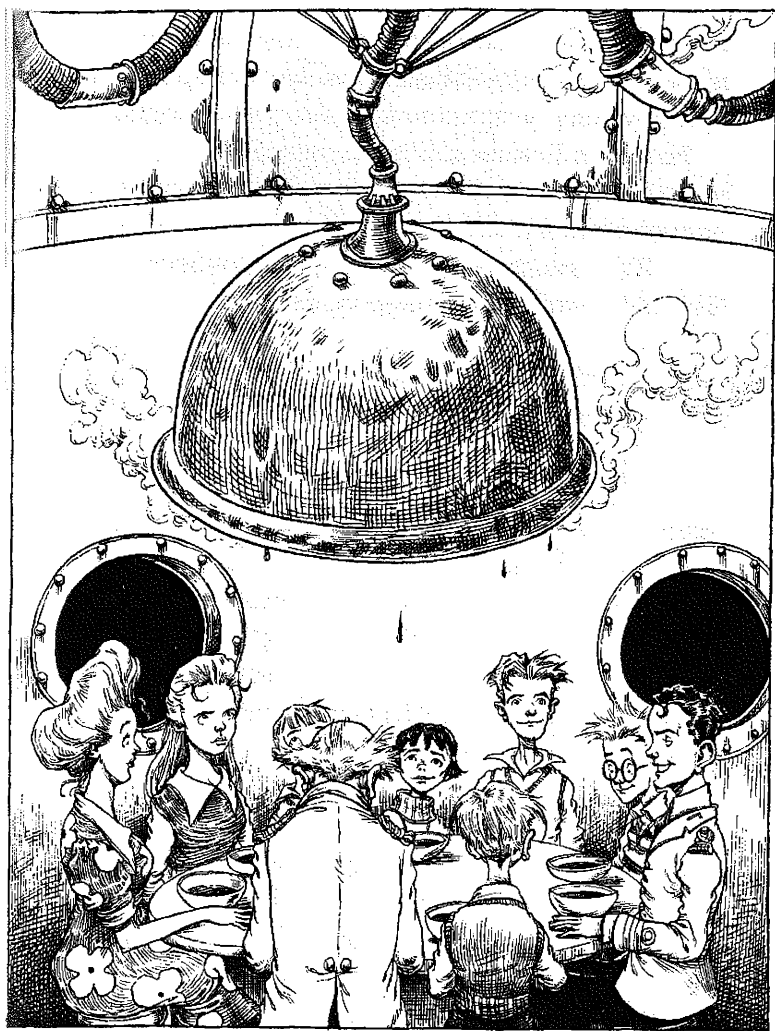
Корби нахмурилась. На самом деле все было не так: она собственными глазами видела, как в первый день путешествия лейтенант в порыве гнева чуть было не выкинул путеводитель за борт. Она едва умолила его не делать этого. В результате Корби пришлось выслушивать его сего-тования насчет того, что он, оказывается, лейте-нант, а не какая-нибудь служанка, и почему этот бездельник Артур не мог как следует прибраться в каюте эконома?..

— Да, были деньки, — сказал капитан Бель-ведер, — когда «Гармония» по праву могла назы-ваться императрицей морей...

— Ну началось, — пробормотал Сластворт-Хруст себе под нос.

— У нас был бассейн, салон красоты и мас-сажный кабинет, танцевальный зал и театр, пло-щадка для игры в кольца, площадка для керлин-га... Настоящий плавучий дворец, — сказал он, потянув себя за ус и окинув всех собравшихся скорбным взглядом. — Дворец, какого не усты-дились бы и короли. Да-да, я помню, как мы ужи-нали с самим королем Адольфусом и королевой Ритой жареным фазаном, фаршированным орк-нейскими трюфелями, а затем подавали шам-панское с ореховым мороженым. Что это был за вечер! Дайте-ка вспомнить... На нем присутство-вала знаменитая портретистка Рашель Дюбуа, оперный композитор Эдвард Т. Треллис, баро-несса Оттолайн Ффард...

В этот момент сверху раздался шипящий звук, за которым последовал нарастающий рокот,

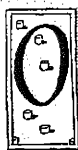
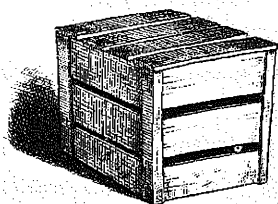

и столы — автоматические самообслуживающиеся столы производства компании «Крейн и Сыновья» — завибрировали. Затем одна за другой серебристые крышки подтянулись к потолку и на столах чудесным образом обнаружились три круглых, уставленных тарелками подноса.

Капитан Бельведер протянул руку, взял одну из тарелок, над которой поднимался пар, и печально ее понюхал.

— Томатный суп, — мрачно произнес он. — Что бы на это сказала королева Рита?

3. Палубный крокет

н здесь, тот самый, с зеленой головой и скрипучими ногами. Вода, которую он мне дает, затхлая, но я так хочу пить, что мне уже все равно.

Как я скучаю по маленькой девочке, что приходила ко мне, и по прохладным тенистым уголкам дворцовых садов, о которых знал лишь я один.

Теперь он дает мне сладкие белые лепестки. Один... второй... третий... Они восхитительны, и на какое-то мгновение я забываю, что заточен в этом пустом дереве.

— В самом деле, дорогая? — рассеянно произнесла миссис Флад. — Как интересно.

Но Корби видела, что маме вовсе не интересно. Корби вообще сомневалась, что та поняла хоть слово из ее рассказа про печальную песню, которую она слышала накануне. Все то время, что Корби просидела на палубе в кресле с ней рядом,

миссис Флад рылась в своей объемистой потропанной сумочке.

— Так что же это могло быть? — не отставала Корби.

— Что? — озадаченно спросила мама.

— Ну, этот звук, — сказала Корби, — песня...

— Пожалуйста, дорогая, не сейчас, — сказала миссис Флад, поправляя прическу и с еще большим ожесточением принимаясь рыться в сумочке. — Да где же он?! — с раздражением воскликнула она.

— Что ты ищешь? — спросила Корби.

— Да этот школьный проспект, — ответила миссис Флад.

Корби вздохнула.

Школьный проспект... Эта глянцевая голубая брошюрка, которая рассказывала родителям вроде родителей Корби, каким замечательным, оснащенным по последнему слову техники и отлично организованным местом была Школа Высокой Бухты. Именно по этой причине миссис и мистер Флад так хотели отдать туда Корби и ее братьев.

Корби никогда прежде не ходила в школу. В Дандуне всех детей Флад обучали дома частные преподаватели. Теперь же, когда их отца постигло великое разочарование, все будет совсем иначе.

— Я совершенно уверена, что утром положила его в сумочку, — сказала мама Корби. — Я определенно помню, как положила его на кресло, открыла сумку и... ну все!

Внезапно терпение миссис Флад лопнуло. Она подалась вперед, перевернула сумочку вверх дном и высыпала все ее содержимое себе под ноги. Многочисленные предметы разлетелись по палубе: темные очки в черепаховой оправе с острыми золотыми крылышками по бокам, серебряная пудреница, несколько тюбиков губной помады, связка ключей, книжечка картонных спичек, несколько мятых носовых платков, а также масса разнообразных пуговиц, монет, билетиков, булавок и прочего хлама, который, как правило,

обнаруживается на дне каждой сумочки. Добрая сотня различных предметов, все, что угодно, но только не школьный проспект.

— Ты точно его туда положила? — спросила Корби.

— Да, — сказала мама. — Я положила его на кресло, открыла сумочку и...

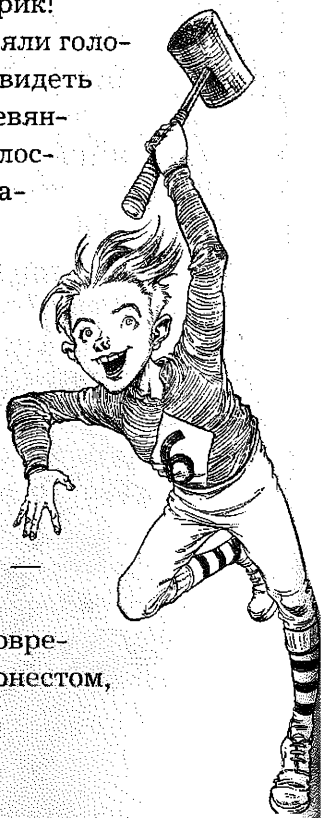
В этот момент полуденную тишину нарушили громкие голоса и топот ног.

— Давай, Седрик!

Миссис Флад и Корби подняли головы как раз вовремя, чтобы увидеть пролетающий мимо них деревянный мячик в красно-синюю полоску. За ним, дико хохоча и размахивая молотками, неслись Седрик, Губерт, Эрнест и Тоби. Седрик первым догнал мяч и что есть силы ударил по нему молотком. Мяч с грохотом врезался в металлическую стойку и, отскочив, полетел вертикально вверх.

— Ложись! — заорал он. — Атака с воздуха!

— Хватай птичку! — одновременно завопили Губерт с Эрнестом,

когда мячик достиг своей высшей точки и начал падать на палубу.

Тоби, вытянув руки, растолкал своих старших братьев и ловко поймал мяч.

— Попался! — заорал Тоби. — Видели?

— Великолепно сыграно, сэр! — заявил Губерт.

— Отличный захват! — сказал Эрнест. — Чистый, как рубашка Гиббонса!

И трое братьев, столпившись вокруг самого младшего, принялись одобрительно похлопывать его по спине.

— Поздравляю, Тоби! — сказала Корби, вскочив на ноги и хлопая в ладоши.

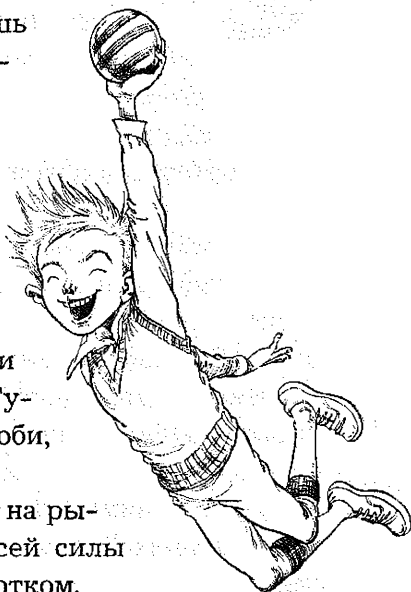
— О, привет, сестренка, — сказал Тоби, улыбаясь. — Я тебя не заметил.

Хочешь с нами? Ты будешь крайним фланговым подающим.

— Спасибо, лучше уж я как-нибудь так, — сказала Корби, которая никогда не могла понять, в чем смысл игр ее братьев. — Я тут просто...

Но ее слова потонули в гиканье и свисте, когда Губерт, вырвав мяч из рук Тоби, подбросил его в воздух.

— Мистер Джол пошел на рынок! — заорал он и со всей силы врезал по мячу своим молотком.

— Фирменный удар слева! — завопил Эрнест и припустил за мячом. Седрик и Тоби рванули за ним.

Добежав до конца палубы, буйные игроки исчезли за поворотом, и вскоре их голосов уже не было слышно. Миссис Флад повернулась

к Корби, ее глаза лучились счастьем и гордостью.

— Мои маленькие мальчики, — вздохнула она.

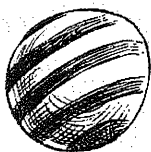
Корби улыбнулась. Пятнадцатилетний Эрнест, четырнадцатилетний Губерт, тринадцатилетний Седрик и двенадцатилетний

Тоби вряд ли уже могли называться маленькими мальчиками, и самой Корби они, конечно же, всегда казались большими. Но для миссис Флад они на всю жизнь останутся ее «маленькими мальчиками».

Тут с противоположной стороны палубы появился молодой лейтенант Жон-Жолион Сластворт-Хруст.

— Вот так-так, — сказал он, остановившись с ними рядом и уперев руки в боки. Лейтенант пристально разглядывал содержимое выпотрошенной сумочки, валяющееся у него под ногами. — Я понимаю, что эти игры на палубе могут быть весьма бурными, но то, как играют ваши сыновья...

— Нет, нет, нет, — замахала руками миссис Флад, поднимаясь с кресла. — Это не они. Это я сама. Я искала... — она прервалась и судорожно вздохнула, — школьный проспект. Я забыла, куда я его...

— Мама, мама! — Корби дергала маму за рукав, но та не обращала на нее никакого внимания.

— За этими делами все просто повыскакивало у меня из головы, — продолжала миссис Флад. — Еще утром он был у меня. Я ясно помню, как вышла, положила его на кресло, открыла сумочку и...

— Мама, вот он, — сказала Корби. — Ты все это время на нем сидела.

— Не смей меня, дорогая. Я не могла этого сделать... — Миссис Флад на мгновение умолкла. — Или могла?

Корби кивнула.

— Вот он. Школа Высокой Бухты, — сказала она. — Уголки немного помялись.

— Какое счастье! — воскликнула миссис Флад. — Корби, дорогая, ты просто сокровище. Даже не знаю, что бы я без тебя делала. А теперь, дорогая, не поможешь ли ты мне собрать все это безобразие?

Но Жон-Жолион опередил Корби.

— Позвольте мне, миссис Флад, — сказал он. — Это самое меньшее, что я могу сделать за то, что посмел предположить, что ваши сыновья устроили здесь беспорядок. Такие милые мальчики, все без исключения. Вы можете ими гордиться, да простят мне мою откровенность. — Он начал собирать предметы и засовывать их

в сумочку. — И это относится абсолютно ко всем вашим детям.

— Благодарю вас, — сказала миссис Флад. — Спасибо на добром слове.

— Школа Высокой Бухты — прекрасное заведение, насколько мне известно, — вкрадчиво произнес Жон-Жолион, глядя на проспект в руках миссис Флад. — Хотя для детей столь очаровательных и одаренных, как ваши, моя дорогая миссис Флад, — продолжал он, — вы наверняка собираетесь пригласить частных учителей, не так ли?

— Боюсь, лейтенант... — начала миссис Флад.

— Пожалуйста, зовите меня просто Жон-Жолион, — с улыбкой проговорил Жон-Жолион.

— Боюсь, Жон-Жолион, — продолжила миссис Флад, — после того, как моего мужа постигло это его... э-э-э... разочарование, боюсь, теперь частные учителя окажутся нам не по карману.

— Да-да, я вас понимаю, миссис Флад, — сказал Жон-Жолион, становясь вдруг очень серьезным. — Что же касается меня, я не намереваюсь

слишком долго оставаться скромным лейтенантом. У меня грандиозные планы, миссис Флад...

Корби решила, что с нее уже хватит.

— Пойду прогуляюсь, — сказала она и пошла вдоль по палубе.

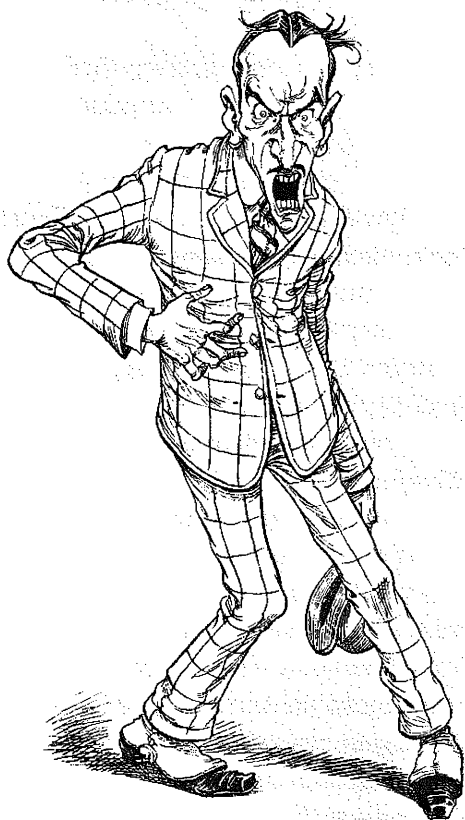
Приблизившись к трапу, ведущему на верхнюю палубу, она все еще слышала голос Жон-Жолиона:

— Однажды я стану капитаном, и не какого-нибудь там ржавого корыта, вроде «Гармонии», а настоящего океанского лайнера...

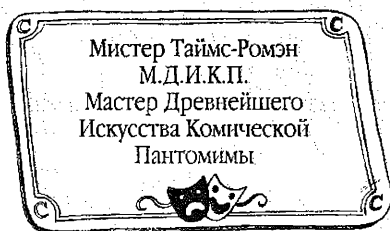
На верхней палубе, к великому удовольствию Корби, никого не было. Ни шумных братьев, ни шепчущихся Шляппенглоттеров, ни человека из каюты 21, ни тех злобещих мужчин в элегантных костюмах и котелках зеленого цвета.

Когда Корби о них вспоминала, по спине у нее всякий раз начинали бегать мурашки. На первый взгляд эти люди казались очень вежливыми, приподнимая шляпы и кланяясь каждому, кто им встречался. Но в тот день, ее первый день на борту, Корби увидела их совсем другими, когда случайно налетела на одного из них — высокого, одетого в желтый клетчатый костюм. Столкнувшись с Корби, он зацепился ногой за один из автоматических солнечных зонтиков, стоящих на палубе, и растянулся во весь рост, а четверо его компаньонов попадали за ним вслед, как кегли. Корби не хотела их обижать, но зрелище было таким комичным, что нельзя было удержаться от смеха. Тогда высокий джентльмен с искаженным от гнева лицом вскочил на ноги.

— Никто не смеется над Братством Клоунов! — прошипел он.

Это так поразило Корби, что она мгновенно перестала смеяться, а когда эти люди ушли, она заметила маленькую карточку с золотой каемкой, лежащую на палубе. Она подняла ее и перевернула.

«МИСТЕР ТАЙМС-РОМЭН, М.Д.И.К.П., — было написано там, — МАСТЕР ДРЕВНЕЙШЕГО ИСКУССТВА КОМИЧЕСКОЙ ПАНТОМИМЫ».

Корби засунула карточку в свой путеводитель Хоффендинка. Это произошло три недели назад.

Облокотившись на поручни, Корби опустила подбородок на сложенные руки и стала наблюдать за пенной струей, которую оставлял за собой корабль. Справа от Корби солнце уже опускалось в море. Слева от нее, у самого горизонта, едва виднелась полоска земли, мерцающая в золотистом свете. Это было так заманчиво!

Корби открыла путеводитель Хоффендинка...

и не забудьте посмотреть на танцующих черепах, выползающих на берег во время грозы.

ПОБЕРЕЖЬЕ ДАЛЬКРЕЦИИ

Одно из наиболее удаленных и скалистых побережий в мире, Далькреция может гордиться множеством великолепных естественных бухточек и очаровательных городков. Издавна облюбованная прогулочными катерами и яхтами, с некоторых пор Далькреция стала привлекать к себе и более крупные суда, которые останавливаются, чтобы их пассажиры могли насладиться здешним великолепием.

Густые сосновые леса и горные вершины дают приют суровым далькрецианским чабанам, которые годами пасут свои стада в полном уединении, прежде чем спуститься на побережье, чтобы поучаствовать в необыкновенном праздничном фестивале, известном как «Длиннейший вечер».

Каждый город Далькреции гордится своим особым «Длиннейшим вечером» как лучшим в своем роде и зачастую тратит годы на подготовку одного такого праздника.

НА ЧТО СТОИТ ПОСМОТРЕТЬ:

Доральские горные козлы — их можно увидеть прыгающими с высочайших утесов. Также можно наблюдать карликовых коз, лазающих по деревьям, и крайне застенчивых пещерных коз.

Далькрецианские чабаны — в характерных черных плащах и с внушительными усами, далькрецианские чабаны знамениты своей необычайной силой, выносливостью и нелюдимостью.

Заметки

Школа Высокой Бухты

Хорошее

Заведу новых друзей

интересные уроки

Мама с мамой будут
довольны если у меня
будет получаться!

Плохое

Придется заводить новых
друзей

Скудные уроки

Учителя, которые любят
командовать

Придется делать то, что
мне скажут

Директриса (судя по
проспекту - просто
чудовище!)

Школьная форма - ФУ!

Я в форме!!!!

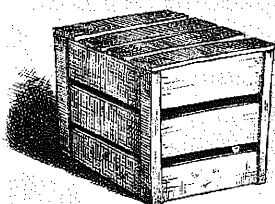

Корби отпустила карандаш, и он закачался на шнурке, висящем у нее на шее.

«Где-то там есть красивейшее побережье Далькrecии со всеми его достопримечательностями... которые я никогда не увижу, — подумала Корби. — Мне светит лишь учеба в этой мерзкой Школе Высокой Бухты».

Тяжко вздохнув, Корби захлопнула путеводитель Хоффендинка.

4. Братство Клоунов

так давно заточен в этом пустом дереве, что уже начинаю забывать... Дворцовые сады, маленькую девочку, что приходила под звуки цимбал, и пятна солнечного света в тихих уголках сада... Все...

Корби не смогла бы сказать наверняка, что именно заставило ее так поступить. Возможно, это были скрипучие шаги, донесшиеся с трапа, ведущего на верхнюю палубу, или шепчущиеся голоса, или же нечто бутылочно-зеленое, промелькнувшее лишь на секунду. Чем бы это ни было, но Корби точно знала, что совсем не хочет быть обнаруженной здесь, на верхней палубе, в совершенном одиночестве — и уж конечно, не Братством Клоунов.

В отчаянии она озиралась по сторонам. Где же здесь можно спрятаться?

Под этим креслом? Заметят. За этой белой трубой? Они сразу же ее обнаружат. А может?..

Ну конечно же! Спасательная шлюпка. Именно то, что нужно!

Корби вскарабкалась по борту лодки, которая покачивалась прямо над ее головой, и, как раз вовремя, нырнула под брезент. Скрип туфель приблизился, а шепот стал громче.

— Не-а, ошибаешься, Бембо, дружище. Здесь ни души, чтоб мне провалиться, — сказал хриплый голос.

Корби передернуло.

— Но послушай же, Франклин-Готик, — проговорил другой, тоже чуть хриловатый голос, — здесь, у поручней, определенно кто-то стоял.

— А теперь нет, а значит, и быть не могло, — слышался третий голос, высокий и нетерпеливый.

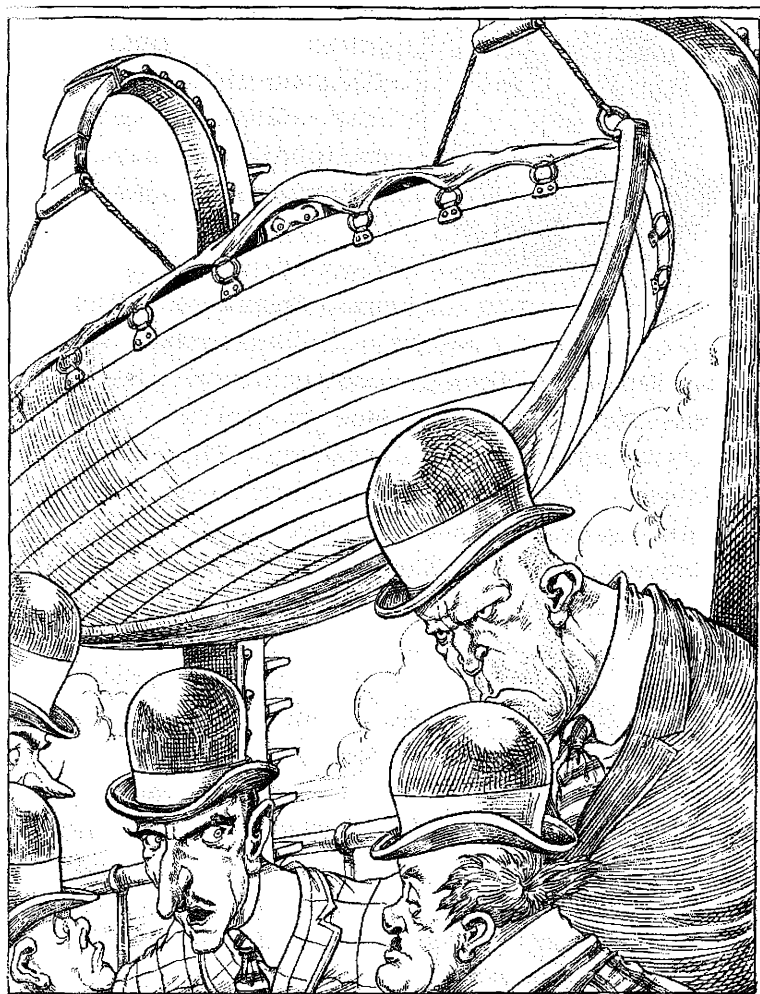
— Точно, Палатино. Мы совершенно одни. А теперь идите сюда. Встаньте полукругом. И ты тоже, Гарамонд. Хватит мечтать, соберись!

Корби узнала зловецкий голос мистера Таймс-Ромэна.

— Прости, шеф, — донесся жирный и словно бы жующий голос, очевидно принадлежащий мистеру Гарамонду. — Просто я до сих пор слышу, как он поет — вот тут, в моей голове, — свою печальную песню... И мне его уже как-то жалко...

У Корби перехватило дыхание. Так, значит, клоуны все знают об этой печальной песне!

— Да хватит тебе ныть, — со злобой сказал Франклин-Готик. — Ведь главная запара уже позади, правда, шеф? Теперь нужно просто затихариться, покуда...

Мистер Гарамонд

Наверху, в спасательной шлюпке, сердце Корби билось так сильно, что ее удивляло, как Братство Клоунов этого не слышит. Казалось, клоуны столпились возле поручней прямо под ее лодкой.

— Тихо вы, — угрожающе прошипел Таймс-Ромэн. — Да будет тебе известно, Франклин-Готик, «главная запара», как ты изволил выразиться, еще далеко не позади. А что касается тебя, Гарамонд, то не раскисай. Печальная песня — ну ты и сказанул! Все это только у тебя в голове. Помните: мы — Братство Клоунов, ясно вам? Так кто мы такие?

— Братство Клоунов! — хором прокричали остальные.

— И нам ничего не страшно, — продолжил Таймс-Ромэн, — кроме...

— ...вялых аплодисментов и метко запущенного кремowego торта! — хором докончили клоуны.

— Вот это верно! — сказал Таймс-Ромэн. — Так что не забывайте об этом! Прodelав для ди-

Мистер Франклин-Готик

ректрисы эту работенку, мы будем богаты, братья! Богаты, вы меня слышите?

— Мы тебя слышим, брат, — ответили остальные.

— Не будет больше «королей манежа» и акробатов, глядящих на нас свысока. Нам не придется разогревать

публику перед мета-

телями ножей и жонглерами.

Нет, если у нас все получится, мы сами купим весь цирк. Мы сами будем там хозяйничать — и тогда посмотрим, кто над кем посмеется!

Корби услышала, как все пятеро сдавленно загоготали.

— Все,

что нам те-

перь нужно делать, — это держать ухо востро и глаза нараспашку. И если мы заметим, что кто-то шпионит...

— Или вынюхивает, — добавил Гарамонд.

— Или подглядывает, — сказал Бембо.

— Или подслушивает, — вставил Палатино.

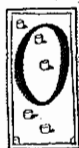
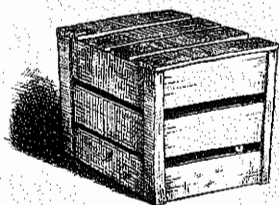
— Или сует нос не в свое дело, — прошипел Франклин-Готик.

— Тогда все мы знаем, что с ним случится, ведь так, братья?

Корби не могла этого видеть, но была уверена, что звук, который до нее донесся, был кивком четырех бутылочно-зеленых котелков. Она похолодела.

— Вот именно, — прошептал Таймс-Ромэн. — Несчастный случай. Крайне несчастный случай.

5. Происшествие в каюте

дин. Я совершенно один в этом пустом дереве. Земля все еще раскачивается, а солнце совсем не светит...

— В общем, я поговорила с этим милым молодым лейтенантом, — несколько рассеянно произнесла миссис Флад, которая сидела перед зеркалом и была очень занята своими волосами. — А он уже сам переговорил с этими странными джентльменами... как ты сказала они себя называют, дорогая?

— Братство Клоунов, — сказала Корби, холодея от ужаса. — Но, мама! Я же просила никому не рассказывать! — Корби поняла, что случилось худшее из того, что могло случиться.

Как только клоуны удалились, Корби с колотящимся сердцем выбралась из лодки и со всех ног помчалась в каюту своих родителей, которая в тот момент казалась ей самым безопасным местом на свете. Корби не собиралась ничего рассказывать,

но маме достаточно было одного взгляда на ее мертвенно-бледное лицо и дрожащие руки, чтобы понять — что-то стряслось. И Корби пришлось ей все рассказать.

— Но ведь теперь они знают, что я подслушивала!

— Ну, об этом нечего волноваться, дорогая, — ласково сказала мама, — потому что, как эти забавные джентльмены объяснили Жон-Жолиону,

то, что ты слышала, было обычной репетицией. Какой-то новый номер, над которым они работают. Они наверняка от души посмеялись, услышав о твоих подозрениях. Так что, как видишь, все в порядке. — Мама повернулась к Корби. Подняв свои волосы, она закрутила их на макушке. — Наверх? — спросила она. — Или вниз? — Она отпустила волосы, и они рассыпались по плечам.

— Думаю, вниз, — сказала несчастная Корби. — Да, определенно вниз.

Миссис Флад ласково улыбнулась.

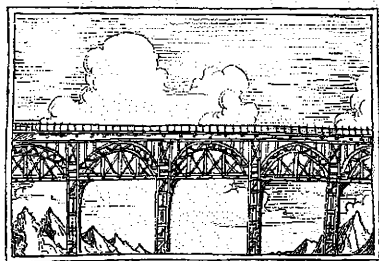
— Спасибо, милая, — сказала она, поднимая волосы и завязывая их узлом на макушке. — И кстати, раз уж ты здесь, может, попробуешь убедить своего отца подняться с постели и поужинать с нами сегодня вечером. Похоже, на мои слова он вообще не обращает внимания. В конце концов, мы должны научиться во всем находить хорошее и стараться не падать духом!

Когда Братство Клоунов идет по твоему следу, довольно трудно не упасть духом. Но Корби должна была подумать и об отце.

— Я постараюсь, — произнесла Корби со слабой улыбкой, — но вряд ли из этого что-нибудь выйдет. После своего разочарования папа, похоже, не слушает никого из нас.

— Ну ты уж постарайся, будь хорошей девочкой, — бодрым голосом произнесла миссис Флад.

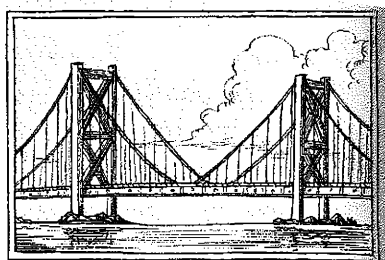
Уинтроп Флад был одним из наиболее выдающихся инженеров своего времени, прославившийся тем, что построил некоторые из самых знаменитых в мире мостов — мостов, которые

Ущелье Теринаки

ущелье Теринаки, подвесной мост через пролив Макдональда, мост над Хутенанскими водопадами, Лафайеттский консольный мост через реку Хубли и знаменитый подъемный мост в Южном заливе, который поднимался так высоко, что даже самые большие корабли могли входить в Шадракский канал.

Его последним, самым крупным и наиболее впечатляющим проектом была переправа Тамберлейн-Маркса — серия взаимосвязанных мостов, соединяющих восточную и западную стороны

Пролив Макдональда

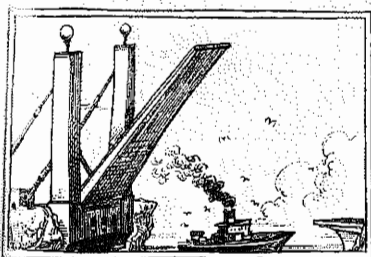
дельты Дандуна. С самого начала работе препятствовали москиты, кишмя кишящие в тамошней болотистой местности, и непредсказуемые течения. Многие предрекали, что работу закончить так и не

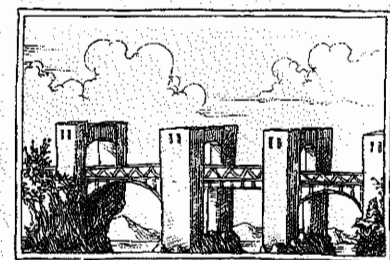
Хутенанские водопады

удастся. Однако отец Корби был твердо настроен доказать, что они не правы, и завоевать титул величайшего в мире мостостроителя.

И ему бы это удалось — в этом Корби была убеждена, — если бы не одна крошечная, но крайне важная деталь под названием «эскалирующий нарезной шкворень».

Южный залив

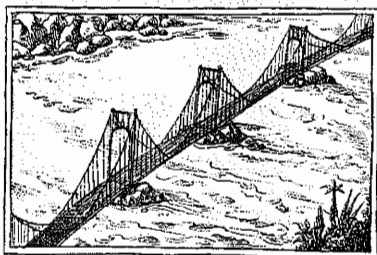

Река Хубли

Обыкновенно Уинтроп Флад лично разрабатывал и контролировал изготовление каждого элемента, используемого в строительстве его мостов.

Но как раз когда изготавливался эскалирующий нарезной шкворень, Корби заболела крупом (в то время ей был всего один год), и Уинтропу пришлось на несколько дней отвлечься от работы.

Семь лет спустя величественная переправа Тамберлейн-Маркса была готова к открытию. Бегума Дандуна, в лучшей из своих шляп, стояла, держа в руках ножницы из чистого золота, готовая

Переправа Тамберлейн-Маркса

разрезать розовую ленточку и объявить переправу открытой. Корби пришла туда вместе со всей семьей, и она до сих пор хорошо помнила, как в ту минуту гордилась своим отцом.

Тут это и случилось. Эскалирующий нарезной шкворень оказался дефектным и не смог эскалировать.

Это было очень важно, хотя, не будучи столь блестящим инженером, как ее отец, Корби не смогла бы наверняка сказать почему. Но что она могла бы сказать наверняка, так это то, что дело плохо. Переправа Тамберлейн-Маркса издавала звук, какой издавала бы сирена пожарной машины,

все глубже уходящей под воду. Затем взаимосвязанные мосты задрожали, словно стадо невидимых слонов устроило на них соревнования по прыжкам. Мосты зашатались и вздыбились. В следующую секунду раздался треск, и мосты начали разламываться пополам, один за другим, пока от переправы не остались одни лишь обломки.

Бегума отнеслась к произошедшему с полным пониманием, сказав, что никто не виноват, но Уинтроп Флад не мог не винить себя. С этого рокового дня он ни разу не взглянул на чертежи, не взял в руки карандаш и даже близко не подходил к инструментам. На самом деле он попросту слег. Со времени великого разочарования, постигшего его во время катастрофы, он лишь однажды поднимался с постели — чтобы взойти на борт парохода «Гармония» и отправиться домой в Высокую Бухту.

Мистер Флад объявил, что по прибытии домой он навсегда покончит со строительством мостов. Он больше не намерен ездить по свету со своей семьей, а вместо этого собирается пойти работать на фабрику своего зятя, Г. Г. Люскомба, и конструировать там зонтики. А его дети пойдут в школу, хотя бы этого или нет.

Корби постучала в дверь спальни.

— Папа, — позвала она, — ты не спишь?

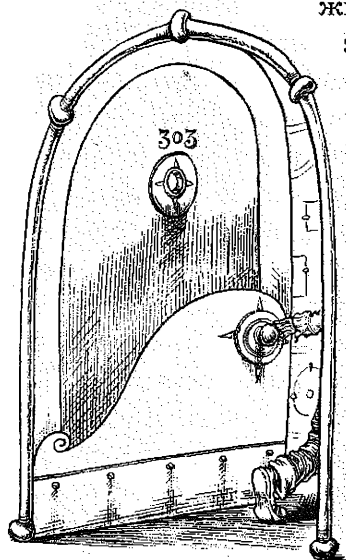
— Оставь меня в покое! — послышался изнутри хриплый голос.

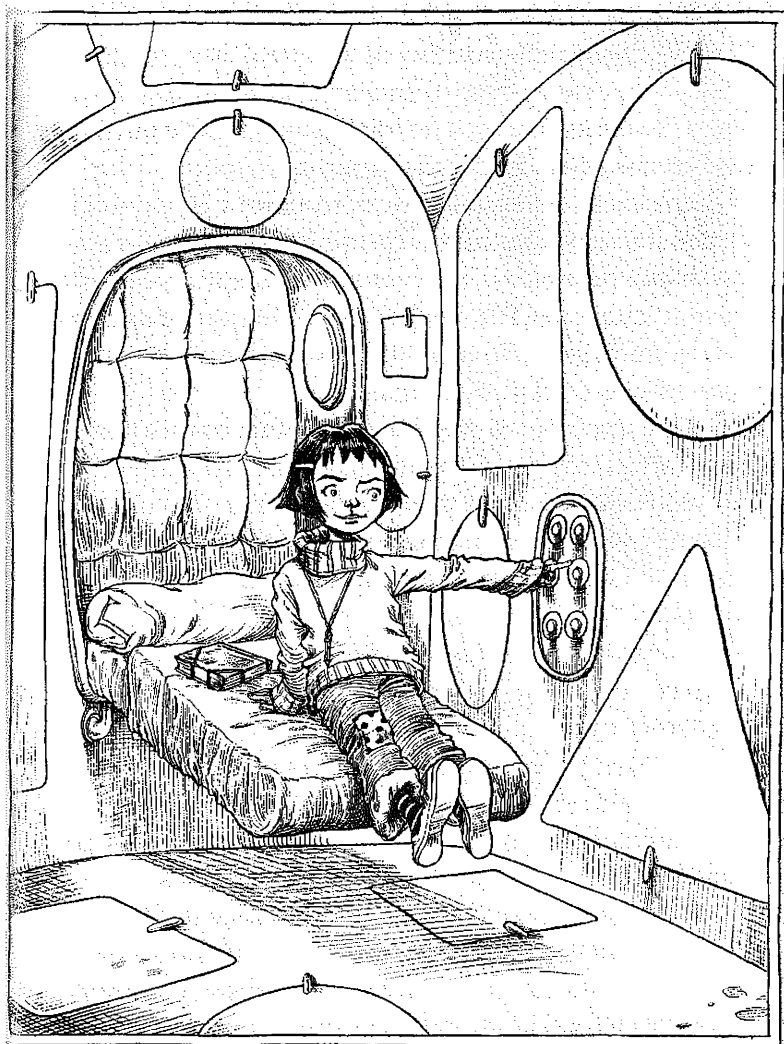
Корби решила пока не спрашивать у отца, что такое нюхательный табак.

— Как медведь с больной головой, — проворчала миссис Флад. Она повернулась к своей дочери. — Пойди-ка приведи себя в порядок. Давай-ка, давай-ка! — сказала она настолько

жизнерадостно, насколько это было возможно. Но Корби заметила, что у мамы в глазах блеснули слезы.

Подойдя к своей каюте, которую она делила с Сереной, Корби толкнула дверь и вошла. Каюта была маленькой по сравнению с роскошной каютой родителей, но все же Корби не уставала ею восхищаться. Это была одна из тех самоприби-

рающихся кают «Гармонии», которым удивлялись даже те, кого уже не могли удивить механические самоходные кресла на палубе.

В самоприбирающихся каютах все предметы — кровати, столы, буфеты, гардеробы, шкафы, книжные полки, стойки для обуви, лампы и вентиляторы, даже картины в рамах — ловко убирались, в результате чего каюта превращалась в пустую коробку. Самым интересным было нажимать кнопки на стене, что заставляло все это появляться и исчезать. Хотя Корби и находилась на борту «Гармонии» уже целых три недели, ей это пока еще не надоело.

Она протянула руку и нажала на ближайшую кнопку. Полностью заправленная кровать бесшумно опустилась к ней из стены. Довольная Корби села на кровать и потянулась, чтобы нажать кнопку прикроватного столика.

Бам!

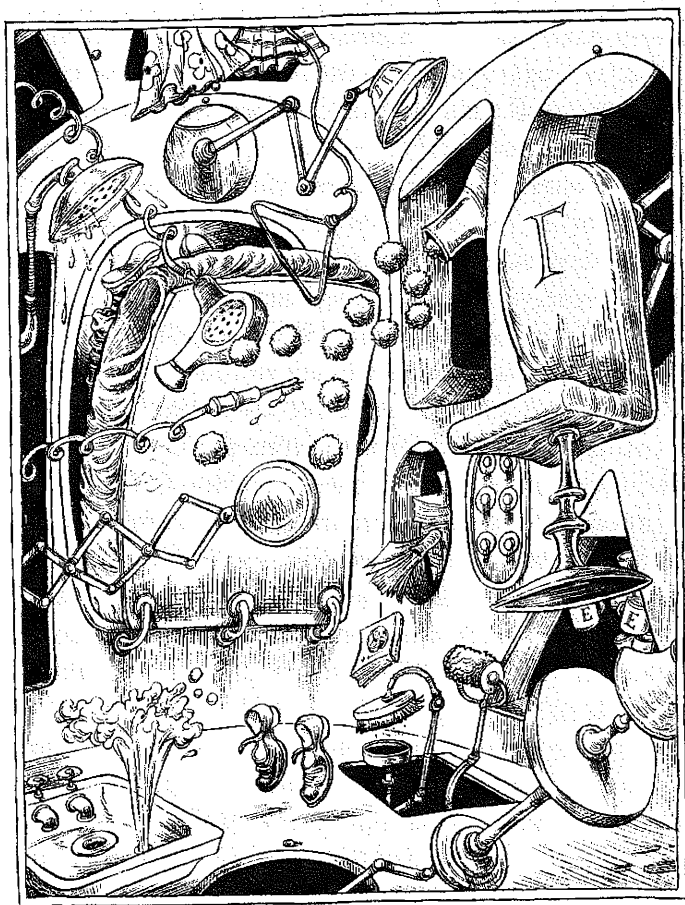
Раздался громкий металлический звук, замедившийся эхом по каюте, и кровать внезапно подпрыгнула, подбросив Корби в воздух.

— Аааа! — заорала она, осознав, что летит через комнату. — Ух! — вырвалось из нее, когда она врезалась в противоположную стену. При этом из стены выскочила маленькая ванна.

Тут же откуда-то сверху появился душ и обдал Корби сильной струей ледяной воды.

— Ай! — вскрикнула Корби и, отшатнувшись, споткнулась о раковину для мытья ног.

Из другой стенки внезапно выскочили сразу несколько предметов. Среди них была механиче-

ская зубная щетка, громко жужжащая и скребущая воздух, фен для волос, попеременно дующий горячим и холодным, и увеличивающее зеркало для бритья, то выезжающее из стены, то втягивающееся обратно на удлиняющемся кронштейне. В зеркале отразилось лицо Корби, на котором застыло ошеломленное выражение.

— Хватит! Хватиффф... — Ее крик заглушил град ватных шариков, которыми начало стрелять устройство, высунувшееся из противоположной стены.

Внезапно послышалось громкое шипение, и в ее сторону устремился разбрызгиватель одеколona, поливая все вокруг пахучей жидкостью. Корби увернулась от разбрызгивателя, споткнулась об автоматический утюг для отпаривания брюк, который выскочил из ниши возле двери, и бухнулась обратно на свою кровать.

Лишь только это произошло, раздался второй оглушительный *Бам!*, затем послышался свист, и кровать вновь подпрыгнула, на этот раз захлопнувшись в своей нише в стене и зажав Корби внутри. Из каюты до Корби доносился свист, словно закипал гигантский чайник, и этот свист становился все громче. Корби изо всех сил надавила на кровать спиной.

Кровать не открылась, но чуть-чуть отодвинулась, позволив Корби заколотить кулаками в обитую мягкой материей стену, к которой она была прижата. По другую сторону стены находилась каюта родителей, где сейчас лежал в постели ее отец.

— Папа! — кричала Корби так громко, как только могла. — Папа! Помоги! Помоги!!!

Свист все усиливался, а стены каюты вдруг затряслись и задребезжали. Она с трудом различила голос отца, донесшийся к ней с той стороны стены.

— Корби? — спрашивал отец. — Корби? Это ты?

— Помогите! — вопила Корби. — ПОМОГИТЕ!!!

Послышался грохот падающих предметов, а затем дверь в каюту рывком открыли, отчего Корби изрядно тряхнуло. Она услышала, как отец прорычал: «Не подходить!» — и пространство, в котором была зажата Корби, наполнилось скребущими и царапающими звуками, а также звуками поспешно отвинчиваемых болтов.

Что-то громко зашипело, щелкнуло, и кровать плавно опустилась на пол.

— Корби! — раздался дружный крик, и все сгруппировались вокруг девочки. Там была ее мама (с волосами наверх), ее отец (в мятой пижаме), Седрик, Губерт, Эрнест и Тоби, а позади всех стояла Серена. И все одновременно задавали ей вопросы.

— Не знаю... Понятия не имею... Ни малейшего представления... — бормотала Корби. — Сперва вроде все было нормально, и вдруг они словно взбесились: душ, зеркало, буфет, кровать...

Мистер Флад, который тем временем осматривал трубы, датчики и электрические провода в маленьком ящичке, вделанном справа от двери в стену, громко цокнул языком.

— Похоже на избыточное давление пара, — сказал он, качая головой. — Нам еще повезло, что все здесь не взлетело на воздух.

Когда до всех дошел смысл его слов, в каюте воцарилась тишина. Мысль о том, что могло бы произойти, была ужасна!

— Проблема в том, — сказал мистер Флад, с удивлением глядя на гаечный ключ, словно не понимая, как тот оказался у него в руке, — что корабль в последние годы был так запущен, что беды можно ждать в любой момент...

Переглянувшись, все вновь посмотрели на мистера Флада.

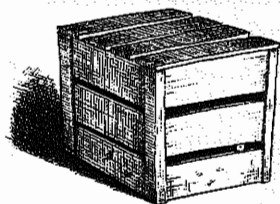
— Ну ладно, — сказал он, прочищая горло, — раз уж я все равно вылез из постели, может, от меня будет хоть какая-то польза, если я, пока не поздно, проверю еще несколько механизмов. В конце концов, я все еще инженер, а не конструктор зонтов. По крайней мере, пока...

Все сгрудились вокруг него, улыбаясь и смеясь. И одна только Корби заметила зловещую фигуру человека, прошествовавшего по коридору мимо открытой двери и лишь на секунду заглянувшего внутрь, прежде чем идти дальше.

Это был мистер Таймс-Ромэн, предводитель Братства Клоунов.

6. РЫБЫ ЛЮБВИ

так устал. Лучше я закрою глаза и буду спать. Может, когда я проснусь, то вновь окажусь в дворцовых садах. Зазвучат дворцовые цимбалы, и ко мне придет маленькая девочка...

Капитан Бельведер просунул голову в дверь каюты и скорбно качнул усами.

— Страшное дело, — произнес он в пространство. — Помню, нечто подобное случилось с Бинки Бейдербеккером вскоре после церемонии «Полпути-до-цели» в наш первый круиз. Теперь он ни за какие коврижки не приблизится даже к обычному миксеру...

Из-за его спины возникло озабоченное лицо лейтенанта Жон-Жолиона Сластворта-Хруста.

— Какой кавардак! — воскликнул он. — Моя дорогая мисс Флад, надеюсь, вы не пострадали?

Жон-Жолион протиснулся мимо капитана и схватил Серену за руку.

— Разумеется нет, глупенький, — улыбнулась Серена. — Это Корби, она...

— Слава Богу! — воскликнул Жон-Жолион. — Немедленно уходим из этого бедлама. Я позову Артура, чтобы он навел здесь порядок.

Он развернулся, потянув за собой Серену, и они вышли в коридор. До Корби донесся его голос:

— Артур! Артур! Где тебя носит, фугас тебе в глаз! Артур!!!

Тут все услышали удары гонга, созывающего на ужин.

— Идемте все вместе, — провозгласила миссис Флад. — Не позволим мелкому происшествию испортить нам аппетит.

Корби содрогнулась. Она вовсе не считала случившееся «мелким происшествием». За всем этим стояло Братство Клоунов, можно было не сомневаться. Но кто станет слушать маленькую девочку? Корби решила, что ей необходимы доказательства.

— О, Уинтроп, дорогой, — сказала ее мама, заметив мятую пижаму мужа, — пойди переоденься во что-нибудь более подобающее.

— Что-что, дорогая? — сказал мистер Флад, на секунду оторвав взгляд от сплетения трубок и проводов, которые он вытащил из стены и теперь пристально изучал. — Да-да... только одну минутку... надо проверить... ага... хмм...

Миссис Флад лишь раздраженно пожала плечами:

— Седрик! Губерт! Эрнест! Тоби! Время ужинать!

— Я бы съел лошадь, — сказал Седрик, направляясь вслед за мамой.

— Я бы съел верблюда, — сказал Губерт.

— Я бы съел слона! — воскликнул Эрнест.

— А я, — закричал Тоби, — съел бы целого толстеного кита!

Они вышли из каюты.

— А как насчет тебя, сестренка? — обернувшись, спросил Губерт.

— Да что-то я не особенно голодна, — сказала Корби. Сейчас ей меньше всего хотелось ужинать, сидя по соседству с Братством Клоунов. — Думаю пойти прогуляться.

Она оставила отца, со счастливым видом разбирающего каюту на части, и поднялась на верхнюю палубу.

Это был безупречный вечер. Воздух висел неподвижно и благоухал, а море скорее напоминало бассейн. Корби села в мягкий шезлонг и стала смотреть в подернутое дымкой небо с россыпью звезд. Затем взяла карандаш и раскрыла путеводитель Хоффендинка...

ГОРОДА ПОБЕРЕЖЬЯ ДАЛЬКРЕЦИИ

Особенный интерес представляет квартал мастеров-шляпников. Не упустите возможность примерить «федрун» — знаменитую шляпу конической формы, какие носят местные рыбаки.

«Федрун»

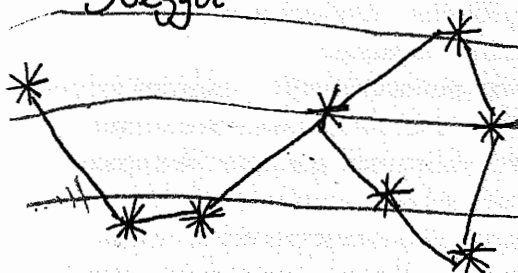

Танцующая Свинья

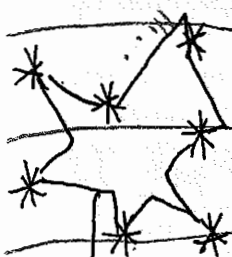
Стоит также посмотреть на прославленную Танцующую Свинью, которая знает не менее двух сотен различных танцев и выступает с ними на искрометных фестивалях «Длиннейший вечер».

Заметки

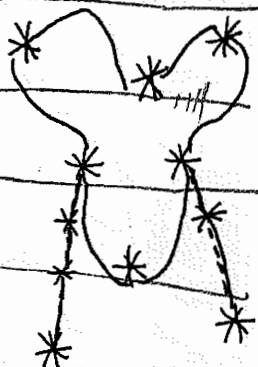
Звезды

Сбежавший
змей

Летучий
крокодил

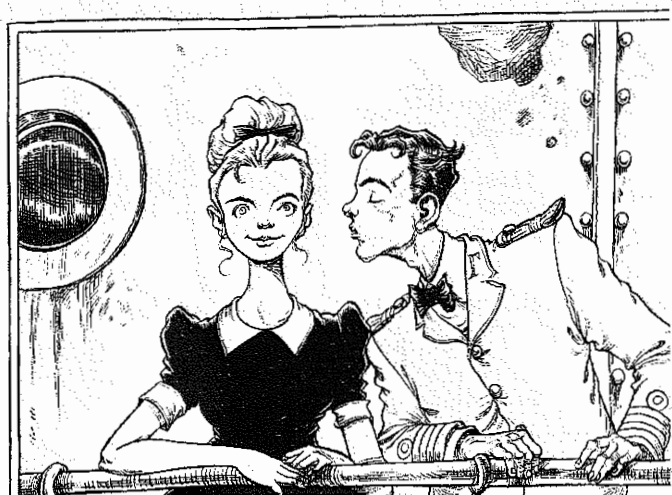
Рыдающий медведь

— Смотри! — слышалось откуда-то слева.

Корби закрыла путеводитель Хоффендинка и взглянула туда, откуда доносился голос. Там, облокотившись на поручни, освещенные дрожащим светом подвесных корабельных фонарей, стояли Жон-Жолион и Серена. Одной рукой Жон-Жолион обнимал Серену за плечи, а другой показывал куда-то вдаль.

«Как это похоже на Серену, — подумала Корби. — На палубе, под звездами... Это смахивает на сцену из тех дешевых романов, которые она все время читает, с названиями вроде „Страждущее сердце“ или „Любовь находит Летицию“. — Корби вздохнула. — По мне, так нет лучше путеводителя Хоффендинка».

— Падающая звезда, — говорил тем временем Жон-Жолион. — Ты видела?

— Н... нет, боюсь что не видела, — промурлыкала Серена.

— Ну, ничего, — сказал Жон-Жолион. — В любом случае загадай желание. Да поспеши...

Серена хихикнула.

— Как это романтично. Я загадаю, чтобы...

— Ш-ш-ш! — произнес Жон-Жолион, поворачиваясь и прикладывая указательный палец к губам Серены. — Не называй вслух, или оно не сбудется. Вдобавок, дорогая, я готов рискнуть и польстить себе, но, похоже, я знаю, что ты загадала...

— Какая самонадеянность, — пробормотала Корби себе под нос.

Закрыв глаза, Жон-Жолион начал клониться, пока его лицо не оказалось в нескольких сантиметрах от лица Серены.

Именно в этот момент раздался тихий свист и ослепительно белый метеор, возникший словно бы ниоткуда, прорезал небо сверху донизу.

— Смотри! Еще одна падающая звезда! — закричала Серена, восторженно хлопая в ладоши. — Ты видел?

Жон-Жолион открыл глаза.

— Д... да, — сказал он.

Но Корби точно знала, что он ничего не видел.

— Теперь твоя очередь загадывать желание, — сказала Серена.

— Я хочу... — произнес Жон-Жолион, снова начиная клониться к Серене, — чтобы...

— Сластворт-Хруст! — донесся голос капитана Бельведера из столовой. — Сластворт-Хруст!

Скорее сюда! Похоже, у нас проблемы с автоматическими столами! Весь наш рисовый пудинг уже на потолке... Сластворт-Хруст!!!

— Это все Артур виноват, — процедил лейтенант. — Впрочем, чего еще ждать от третьего механика? Я вернусь так скоро, как только смогу, — сказал он Серене и зашагал к столовой.

Серена повернулась и снова стала смотреть на море. Там, вдалеке над горизонтом, только что начала появляться полная луна. Сперва был виден лишь золотистый краешек, который рос по мере того, как луна поднималась, пока к кораблю через весь океан не протянулась мерцающая дорожка, будто сделанная из желтого кирпича. Корби уже собиралась присоединиться к сестре, когда за ее спиной вдруг послышался непонятный лязгающий звук.

С забившимся сердцем она обернулась, готовясь лицом к лицу встретиться с мистером Таймс-Ромэном и Братством Клоунов. Но вместо этого ее взору предстала чумазая голова, возникшая из ржавой трубы.

— Простите, если напугал вас, юная мисс, — улыбаясь произнесла голова. Голова принадлежала молодому человеку в грязной спецовке, в чем Корби убедилась, когда этот человек полностью вылез из трубы. — Я — Артур.

Молодой человек протянул Корби свою перепачканную руку.

— Так это вы Артур! — воскликнула Корби. — Третий механик!

— Так точно, мисс. Рад с вами познакомиться.

Хотя я на самом деле не столько третий механик, сколько единственный механик на этом старом бочонке. А еще корабельный кок, корабельный врач и корабельный мальчик на побегушках. Нынче так тяжело набрать команду!

И он ослепительно улыбнулся, так что Корби не смогла удержаться, чтобы не улыбнуться в ответ.

— Я как раз проверял эту впускную трубу, поскольку — не знаю, заметили вы или нет, — у нас на камбузе возникли некоторые проблемы.

— Пожалуйста, зовите меня Корби, — сказала девочка, пожимая ему руку. — И вы вовсе не единственный механик на этом «бочонке». Мой отец — инженер-механик, и, между прочим, очень хороший!

— Правда? — спросил Артур. — Если это действительно так, то передайте ему, пожалуйста, от меня, мисс Корби, что если ему вдруг захочется немного попрактиковаться, то тут есть один несчастный, замученный и перегруженный работой третий механик, которому определенно не повредит его помощь.

Артур повернулся и направился к лестнице, ведущей на нижнюю палубу.

— Хорошо, Артур, — крикнула Корби ему вдогонку. — Как только отец закончит ремонтировать мою каюту!

Но Артур ее не услышал. Он остановился как вкопанный посреди палубы и смотрел на Серену, которая стояла в нескольких метрах от него, возле поручней — там, где оставил ее Жон-Жолион. Серебристый лунный свет мерцал, отражаясь в воде, и в тот момент, когда взгляды Артура и Серены встретились, воздух наполнили хлопающие звуки тысяч крошечных крылышек.

Серена и Артур одновременно повернулись и посмотрели на море, успев увидеть, как стайка летучих ночных рыб Витта сверкающей серебристой дугой выпрыгнула из воды и вновь исчезла под ее поверхностью. На мгновение воцарилась тишина. Затем Артур протянул руку.

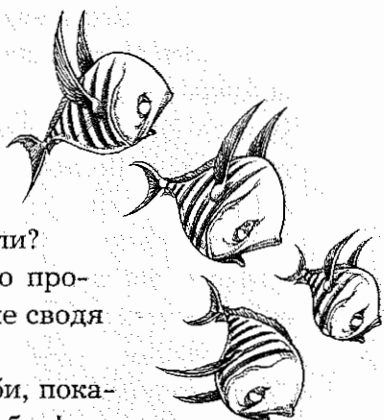
— Артур, — произнес он хрипло.

— С... С... Серена, — прошептала сестра Корби, пожимая протянутую руку.

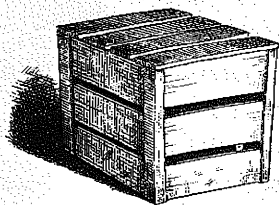
— Поразительно! — воскликнула Корби, подбегая к ним. — Вы их видели?

— Кого? — мечтательно произнесли Артур и Серена, не сводя друг с друга глаз.

— Там, — сказала Корби, показывая на море. — Рыбы Любви!

7. Загадочный стук

тот звук, он эхом отдается в лесу. Он разбудил меня здесь, в этом пустом дереве. Мне снились такие сладкие сны о дворцовых садах... А теперь мне не уснуть.

Этот звук становится все громче... Мне так страшно...

БУМ!

Корби проснулась и зевнула. Она спала в гамаке, поскольку, несмотря на все заверения отца, пока что не вполне доверяла своей кровати. Кроме того, гамак, который Седрик нашел в рундуке на палубе, был на удивление удобным.

БУМ!

Опять этот звук. Корби уже собиралась выпрыгнуть из гамака, чтобы пойти разобраться, что к чему, когда раздался стук и в каюту вошла миссис Флад.

— Ты проспала завтрак, так что я принесла тебе кое-чего перекусить, — сказала мама, про-

тягивая Корби тарелку с ломтиками ананаса и дыни и стакан охлажденного кокосового молока.

— Спасибо, — сказала Корби.

— Я поставлю это сюда, рядом с... Кстати, что это за штуковина?

— Раковина для мытья ног, — пробурчала Корби, садясь в гамаке.

БУМ!

— Ты не знаешь, что это за звук? — спросила она маму, делая глоток кокосового молока.

— Это? — бодрым голосом произнесла мама. — Это то, что твой папа называет «загадочным стуком». Он начался на камбузе вчера вечером. О Корби! — воскликнула она. — Ты пропустила такой веселый ужин! — Миссис Флад засмеялась и захлопала в ладоши. — Один из этих автоматических столов в нашей столовой вдруг начал сходиться с ума, как раз когда мы собирались приняться за десерт. Эти странные джентльмены в своих модных костюмах оказались с ног до головы в рисовом пудинге. Как они взбесились! Мне, конечно же, не следовало смеяться, но я ничего не могла с собой поделать, так же как и мои мальчики. А капитан Бельведер уж и не знал, как ему еще извиняться. Этот милый молодой лейтенант сказал, что во всем виноват Артур и что если полагаешься на третьего механика, то ничего другого ожидать не приходится.

— Артур? — произнесла Серена, появляясь в дверях. — О, я уверена, что он не виноват. — Словно бы во сне, она подошла к иллюминатору и выглянула наружу. — Должно быть, это ужас как трудно — содержать в порядке такой древний корабль.

БУМ!

— Вот буквально так и сказал твой отец, Серена. Они сейчас вместе с Артуром в моторном отсеке, пытаются разобраться с этим «загадочным стуком». — Она улыбнулась. —

И должна вам сказать, отец выглядит просто новым человеком. Давненько я не видела его таким жизнерадостным.

— Это, должно быть, влияние Артура, — сказала Серена, выводя пальцем на стекле иллюминатора большую букву «А».

— Да, пожалуй, — произнесла миссис Флад, бросив на свою старшую дочь недоуменный взгляд. — Если захотите меня видеть, то я на палубе по правому борту. Ваши братья играют на нижней палубе в корабельное регби. Надеюсь, они ею ограничатся, и я смогу от них отдохнуть. Кстати, Серена, твой юный лейтенант согласился с ними поиграть. Интересно, зачем ему это?

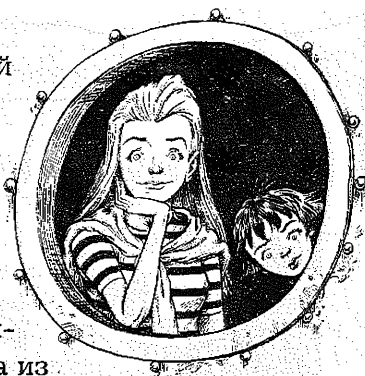
Серена, сверкая глазами, повернулась к матери:

— Мама, он вовсе не мой юный лейтенант!

БУМ!

Миссис Флад вышла, и Серена вновь отвернулась к иллюминатору. Она разглядывала едва различимый вдали скалистый берег. Корби вылезла из гамака и присоединилась к сестре.

— Выглядит так романтично, — вздохнула Серена. — Интересно, как он называется?

— Это побережье Далькреции, — сказала Корби. — Если верить путеводителю Хоффендинка, там множество разных интересных мест и удивительных достопримечательностей.

— Да-а... а мы так ничего из этого и не увидим, — сказала Серена, — потому что этот дурацкий ржавый развалюха-корабль теперь нигде и никогда не останавливается!

БУМ!

— А мой бедный, милый Артур вынужден проводить все свое время в этом кошмарном моторном отсеке с этими железяками! — сердито добавила Серена. — Ненавижу этот корабль!

БУМ!

Серена повернулась и решительно вышла из каюты. Корби взяла карандаш и раскрыла путеводитель Хоффендинка...

ГОРОДА ПОБЕРЕЖЬЯ ДАЛЬКРЕЦИИ

МЕСАПОЛИ

Месаполи находится в некотором отдалении от моря, уютно расположившись по берегам реки Меса. Все двадцать мостов через реку окажутся достойными вашего внимания, так же как и любой из домов по обеим сторонам реки.

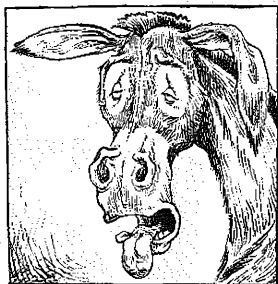
Обитатели Месаполи примечательны своим крайне малым ростом: редко кто из них достигает метра и двадцати сантиметров. Но это с лихвой компенсируется их весьма суровым характером, и другие далькрецианцы опасаются месаполийцев из-за их вспыльчивости. К счастью, они также невероятно гостеприим-

Месаполийцы

ны, по крайней мере до тех пор, пока никто не упоминает их малый рост.

Другим предметом гордости месаполийцев является их прославленный Сипящий Осел. Это существо знаменито тем, что может прокашлять «Элегию Святого Джорджа», национальный гимн Далькреции.

Сипящий Осел

Заметки

Артур

Хорошее

Плохое

Стильный чистый

Волосы

Грязноватый

не ~~на~~ помажены

(вроде бы)

Я его мало знаю и не
уверена, что он
жизнерадостный
всегда

Много улыбается

Очень много
работает

Слишком много
работает

Очень
жизнерадостный

Всего лишь третий
механик

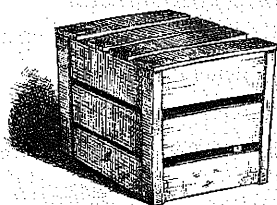
Он механик
(то есть почти
что инженер!)

«Городок с двадцатью мостами, — подумала Корби. — Как бы это, наверное, понравилось папе...»

БУМ!

На этот раз весь корабль содрогнулся, а затем резко накренился на правый борт и вновь выровнялся. Корби захлопнула путеводитель Хоффендинка, поспешно оделась и выскочила из каюты, чтобы узнать, что же там на самом деле происходит.

8. Механические кресла

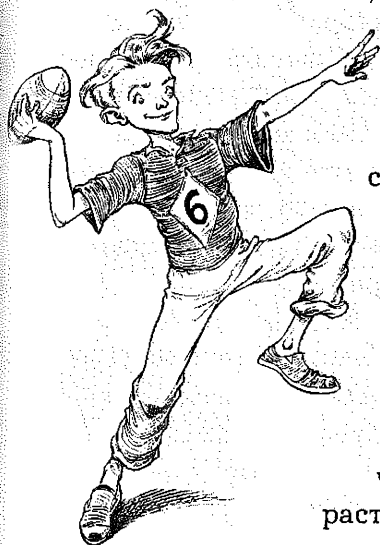

Темно, здесь так темно. Я не могу ничего вспомнить...

— К бою! — заорал Губерт, швыряя мяч через всю палубу.

— Халды-балды! — отозвались Эрнест, Седрик и Тоби, встав полукругом и сцепив руки.

Корби отошла чуть в сторону, и мяч, просвистев мимо и едва не задев ее, оказался в руках у ее братьев. Она повернулась к Губерту и успела заметить, как Жон-Жолион исподтишка сделал ему подножку, отчего Губерт во весь рост растянулся на палубе.

— Халды-балды! — хором заорали Эрнест, Седрик и Тоби, кидая мяч назад своему брату — лишь для того, чтобы увидеть, как Жон-Жолион с самодовольным видом поймал мяч и, прижав его к себе, помчался к корзине для морского регби.

— Отличная попытка, парни, — ухмыльнулся он. — Вы было почти что выиграли. — Он забросил мяч в пустую корзину. — Похоже, этот раунд за мной!

Братья Флад переглянулись. Губерт, потирая подбородок, поднялся на ноги и пожал Жон-Жолиону руку.

— Думал, тут я вас обставляю, — сказал он огорченно, хотя по выражению его лица было видно, что он заметил подножку и считает игру Жон-Жолиона нечестной. — Был уверен, как в чихе Лемюзля в день стирки.

— Надо учиться проигрывать, — самодовольно проговорил Жон-Жолион и, заметив идущую по палубе Корби, нагнал ее и зашагал с ней рядом. — Ага, мисс Флад, — с улыбкой произнес он. — Не подскажите, где бы я мог найти вашу красавицу сестру? Уверен, что на нее произведет неизгладимое впечатление то, что я не только остался в живых после игры, но даже выиграл в морское регби у ваших братьев.

Корби выдавила из себя подобие улыбки:

— Полагаю, что она с мамой, на палубе справа по борту. — Корби нахмурилась. — Я только хотела узнать насчет этого стука...

— Значит, говорите, справа по борту? — сказал Жон-Жолион, обгоняя Корби. — А что каса-

ется стука, так это забота Артура. Я ничуть не намереваюсь пачкать свои руки!

Корби вспыхнула. До сих пор она еще не была вполне уверена насчет лейтенанта Жон-Жолио-на Сластворта-Хруста, но теперь он ей определенно не нравился.

— По крайней мере, — сказала она, поспевая за лейтенантом, — похоже, что грязные руки Артура не испугали Серену, когда они встретились вчера вечером...

Внезапно остановившись, Сластворт-Хруст повернулся к Корби; его глаза сузились.

— Встретились вчера вечером? — переспросил он.

— Да, — сказала Корби. Настала ее очередь обогнать лейтенанта. Она направилась вверх по

лестнице. — Они встретились вчера вечером, когда вы ушли, — бросила Корби через плечо. — Они были словно две Рыбы Любви!

Взойдя по лестнице, она прошла вдоль палубы и уселась в механическое кресло рядом с мамой, которая, как выяснилось, спала, пряча лицо под мягкой соломенной шляпой. В одной руке она сжимала свою большую сумку, а

в другой держала открытый проспект Школы Высокой Бухты.

«Поделом этому лейтенанту, — думала Корби. — Теперь-то у него поубавится самодовольства!»

На кресле было выгравировано: **МОРСКОЕ САМОХОДНОЕ КРЕСЛО. КРЕЙН И СЫНОВЬЯ.**

Корби взялась за торчащий сбоку из кресла рычаг и нажала. Раздался негромкий свистящий звук, и кресло, приподнявшись на механических ножках, неуклюже зашагало по палубе. Корби отпустила рычаг, и, мягко скрипнув, кресло остановилось.

Невдалеке от себя Корби заметила Шляппенглоттеров. Они сидели в креслах, в своих конических шляпах и длинных пальто, увлеченные беседой. Время от времени мистер Шляппенглоттер писал что-то на крошечном клочке бумаги и передавал его жене, которая с загадочным видом изучала записку, а затем переворачивала и писала что-то на другой стороне. Записки переходили из рук в руки, и супруги не переставали шептаться, то и дело кидая быстрые взгляды в направлении носа корабля.

«Чем это, хотелось бы знать, они занимаются?» — подумала Корби.

— Виффл-виф-виф-виффл, — произнесла миссис Шляппенглоттер.

— Муммер-ммм-мум-мум, — ответил ей мистер Шляппенглоттер.

Завидев Корби, они спешно попрятали свои записки и замахали руками в знак приветствия.

— Виффл-виф-виф? — спросила миссис Шляппенглоттер.

— Мум-муммер-мум? — поинтересовался мистер Шляппенглоттер.

— Нет, спасибо, — сказала Корби. — Я как раз только что поела...

— Виф? — озадаченно спросила миссис Шляппенглоттер.

— Муммм! — сказал мистер Шляппенглоттер, пожимая плечами.

Корби потянула рычаг. Кресло двинулось вперед и, переваливаясь с боку на бок, миновало Шляппенглоттеров, завернуло за угол и...

Корби отпустила рычаг, и кресло, задрезав, остановилось.

Мистер Таймс-Ромэн смотрел прямо на Корби, и на его губах играла усмешка. Его собственное морское самоходное кресло фирмы «Крейн и Сыновья» преграждало Корби дорогу.

— Так, так, так, — произнес он своим глухим зловещим голосом. — Похоже, перед нами та самая девочка, которая подслушивала.

— Шпионила, — прошипел мистер Франклин-Готик, появляясь на своем кресле сбоку от Корби.

— Вынюхивала, — добавил мистер Гарамонд, направляя свое кресло, чтобы встать по другую сторону от Корби.

— Подглядывала, — проговорил мистер Бембо.

— Совала свой нос, — добавил мистер Палатино, вместе с мистером Бембо заходя на своих креслах Корби за спину.

Корби сглотнула. Братство Клоунов окружило ее со всех сторон. Пять пар холодных, жестких глаз не мигая смотрели на нее; от пяти неприятных, беспощадных улыбок по ее спине забегали мурашки. Незаметно опустив руку, Корби сжала рычаг своего кресла. Она одарила мистера Таймс-Ромэна своей самой широкой, самой радужной улыбкой.

— О, какая прелесть! Какая прелесть! — засмеялась Корби сквозь стиснутые зубы. —

Должно быть, это новый номер, который вы репетируете!

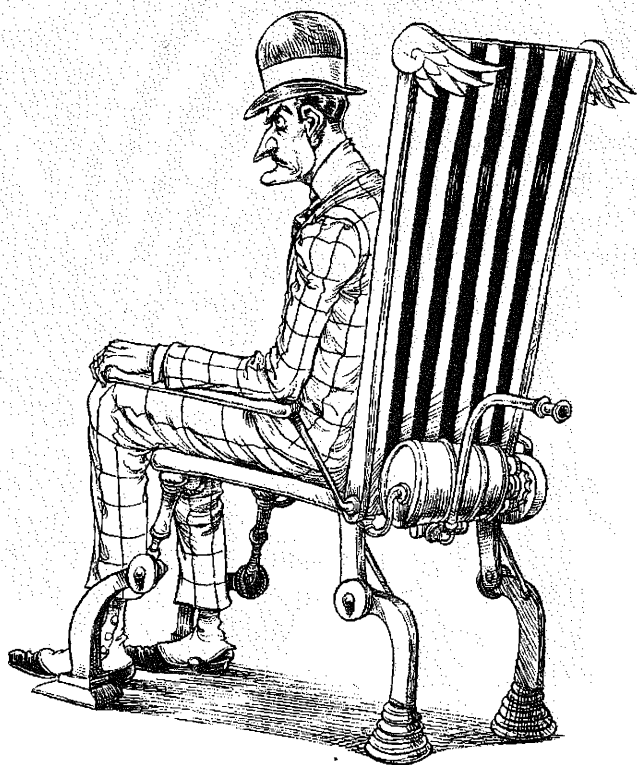
Она рванула рычаг своего кресла, которое, за-скрежетав, прыгнуло вперед, растолкав кресла мистера Таймс-Ромэна и мистера Гарамонда. Корби загрохотала по палубе, а за ее спиной пять механических кресел, со скрипом развернувшись на своих ножках, поскакали за ней вслед.

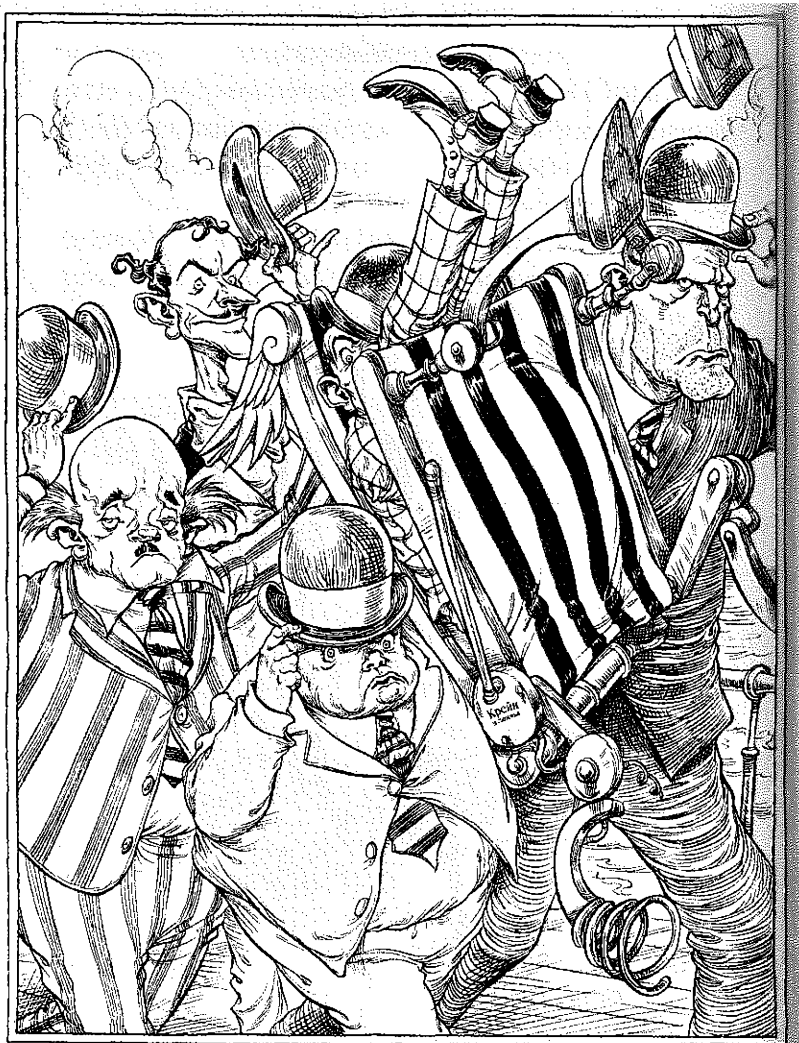
— Ловите ее! — гремел зловеющий голос мистера Таймс-Ромэна. — Отрежьте ей все пути!

Корби в ужасе увидела, как мистер Бембо и мистер Палатино, галопом проскакав мимо нее, остановили свои кресла посреди единственного выхода с палубы. Она со всей силы потянула рычаг влево. Ее кресло крутанулось вокруг себя, и Корби нос к носу столкнулась с мистером Таймс-Ромэном. По бокам от него сидели в своих креслах Гарамонд и Франклин-Готик.

— Попалась, как акробат-недоучка на шаткой трапедии! — торжествующе захохотал мистер Таймс-Ромэн.

Корби зажмурилась и что было сил рванула рычаг. С невероятным грохотом ее кресло врезалось в кресло мистера Таймс-Ромэна.

— Ффу! — выдохнул мистер Таймс-Ромэн, когда его кресло сложилось вдвое, а сам он оказался зажат внутри.

Корби вскочила на ноги и бросилась бежать. За спиной слышался треск и злобные вопли — один за другим клоуны налетали на обломки ее собственного механического кресла. Но Корби даже ни разу не оглянулась.

«Теперь-то ты узнаешь, каково это — быть начинкой для сэндвича», — думала Корби, поворачивая за угол. Она не останавливалась, пока не добежала до кресла своей мамы.

— Занимаешься спортом, дорогая? — произнесла мама, не поднимая головы от школьного проспекта, который она читала. — Очень мило.

Корби плюхнулась в кресло возле нее и постаралась успокоить дыхание. Через несколько мгновений послышалось ворчание, сопровождаемое руганью и скрипом, и со стороны носовой палубы появилось Братство Клоунов.

Клоуны несли сложенное пополам механическое кресло. Его заклинило, и мистер Таймс-Ромэн оказался зажат внутри, как гамбургер в булочке. Проходя мимо миссис Флад, они кидали на Корби мрачные взгляды, но все же приподнимали свои бутылочно-зеленые котелки, здороваясь с ее матерью.

— О нет! — произнесла миссис Флад, выглядывая из-под своей соломенной шляпы и тщетно

стараясь сдержать смех. — Вам, джентльмены, действительно не везет! Сперва столик в столовой, а теперь это... — Она не выдержала и расхохоталась. — О, прошу меня извинить... Просто вы такие смешные...

— Никто... умфф! не смеется... умфф! над Братством Клоунов... — пропыхтел мистер Таймс-Ромэн, багровея.

Клоуны уже сносили сложенное пополам кресло по лестнице, ведущей на нижнюю палубу

— Тише, босс, — проговорил мистер Франклин-Готик. —

Лучше пока помолчать. Мы быстро разыщем этого третьего механика, и он вас оттуда вытащит.

Как только клоуны исчезли, миссис Флад вернулась к чтению своего проспекта.

— Ничего себе! Ты только послушай! — воскликнула она минуту спустя. — «Директриса Люцида Старопечаттер, изображенная здесь со своей знаменитой коллекцией туфель ручной работы и экзотических сумочек, приветствует учеников Школы Высокой Бухты».

Мама протянула Корби проспект, чтобы та взглянула на фотографию.

Корби вздохнула. Ей и раньше не слишком-то нравилась сама затея идти учиться в эту школу,

но вид директрисы, с глубоко посаженными глазами и тонкими губами, в окружении туфель и сумочек, сделанных из мертвых животных, просто леденил кровь.

Внутренне содрогнувшись, Корби открыла путеводитель Хоффендинка и взяла карандаш...

ГОРОДА ПОБЕРЕЖЬЯ ДАЛЬКРЕЦИИ

ЛИССАРИ

Построенный на склонах крутых гранитных утесов, Лиссари — один из самых живописных и очаровательных городов Далькреции. Благодаря великолепным «висячим тавернам» и «подвесным кухням» трапезы в Лиссари могут стать уникальным переживанием для всех любителей острых ощущений.

В пещерных магазинах Восточного района продают красивейшую ткань ручной работы. Женщины Лиссари закручивают ее в огромные тюрбаны, ширина которых может достигать полутора метров.

Танцы — основное времяпровождение лиссарианцев на

Лиссарианский тюрбан

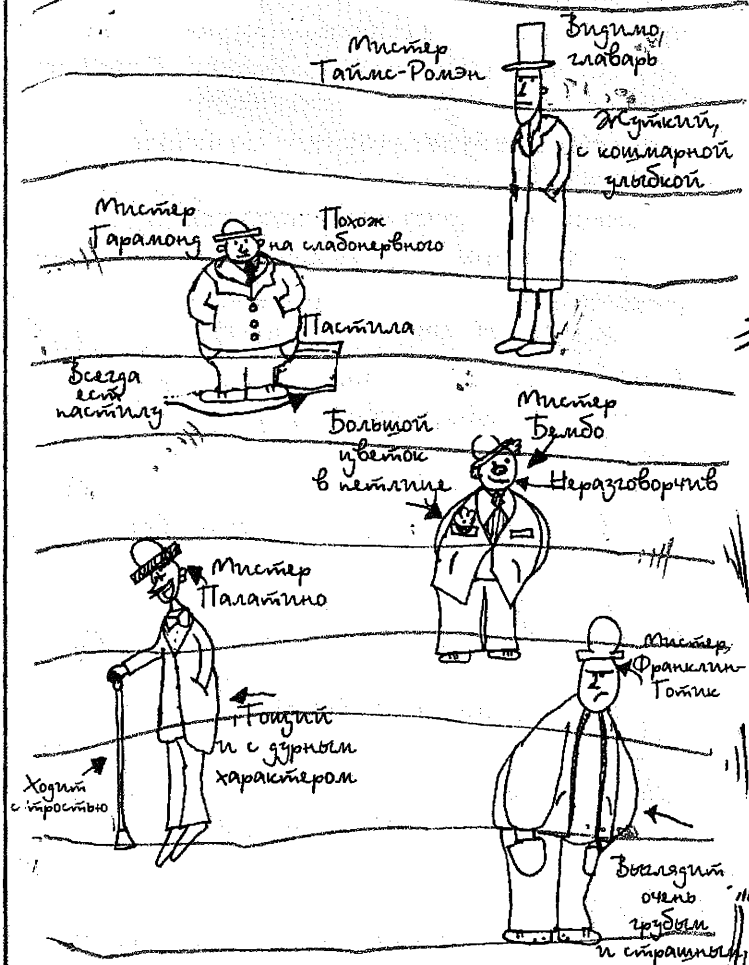

Считающий Бык

отдыхе, но гостям города при посещении высокогорных танцплощадок следует соблюдать осторожность, чтобы не упасть со скалы.

Лиссари также знаменит своим замечательным Считающим Быком, который живет в большой пещере у подножия одной из гор.

Заметки Братство Клоунов

— Не возражаете, если я присяду? — донесся до Корби елеиный голос.

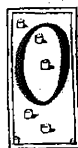
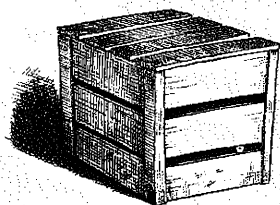
Она захлопнула путеводитель Хоффендинка и подняла глаза. Неподалеку сидела Серена и читала потрепанную книжку, которая называлась «Галантный всадник». Над девушкой в полупоклоне нависал Жон-Жолион Сластворт-Хруст.

— Как вам будет угодно, — спокойно ответила Серена.

Сластворт-Хруст сдержанно улыбнулся.

— Благодарю, — произнес он, усаживаясь в кресло рядом с Сереной. — Поскольку мне кажется, что нам пришло время поговорить...

9. Дорожка из пастилы

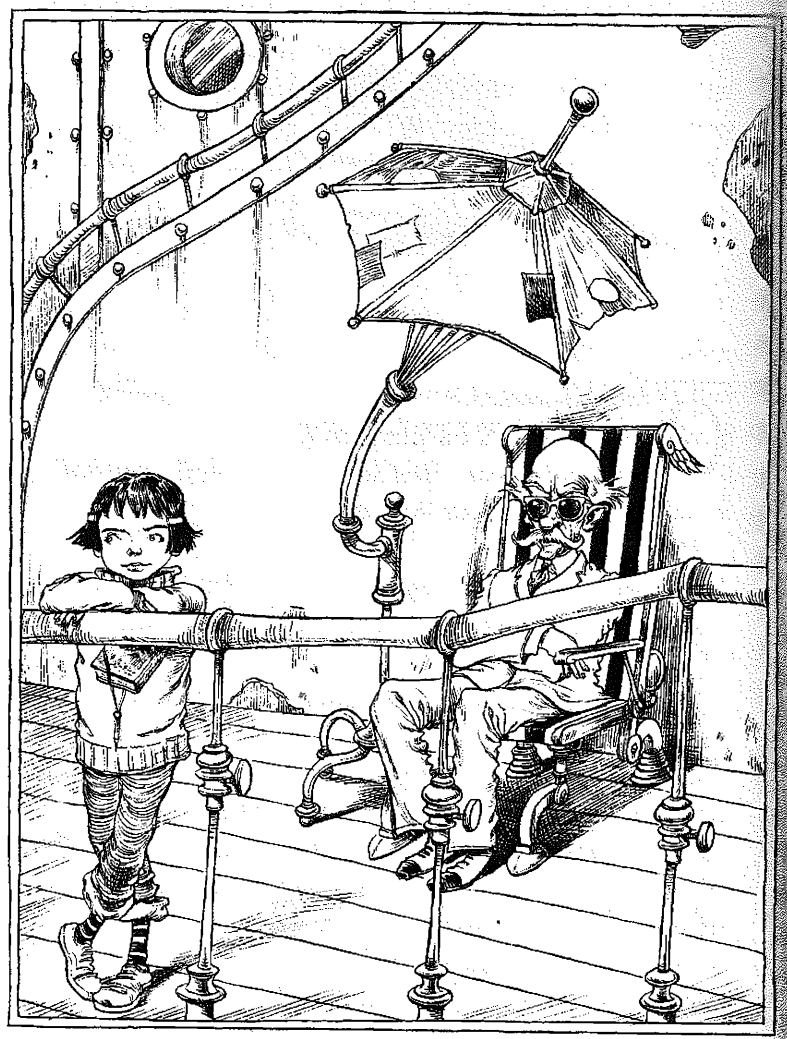
дин белый лепесток, сладкий и восхитительный. Я съедаю его и жду следующего. Но его нет. Человек с зеленой головой и скрипучими ногами уходит.

Я снова один...

Может, если я буду петь, то печаль уйдет, и мое сердце не разорвется... хотя бы пока.

Корби поднялась, неспешно подошла к поручням и принялась старательно делать вид, что ее очень интересует побережье Далькреции. Только не подумайте, что ее на самом деле не интересовало побережье Далькреции. Отнюдь. Просто на тот момент ей было интереснее услышать, что именно Жон-Жолион скажет Серене, только ей не хотелось, чтобы это было заметно.

Неподалеку от себя Корби увидела человека из каюты 21. Он, как обычно, сидел в своем кресле, смотрел, как всегда, на море и, как водится, был одет в синие туфли, белый костюм и темные

очки. Выглядел он так, словно ему тоже вовсе не было интересно, о чем разговаривают Серена и Жон-Жолион.

— Я слышал, ты вчера вечером встречалась с Артуром, — небрежно произнес Жон-Жолион.

— С третьим механиком? — спросила Серена, зардевшись. — Д-да... Он показался мне очень милым.

— О да, конечно же, — произнес Жон-Жолион с горькой усмешкой. — Он и вправду кажется очень милым, не так ли?

— Что ты хочешь этим сказать? — сказала Серена, выпрямляясь в кресле. Лицо ее вспыхнуло, а глаза засверкали.

— Моя дорогая девочка, — голосу Жон-Жолиона вернулась прежняя бархатистость, — мне просто очень неприятно видеть, как ты позволяешь себя дурачить.

— И почему же ты решил, что я позволяю себя дурачить?

— Ну, одна птичка мне нашептала, что вчера вечером вы с Артуром были как две Рыбки Любви...

Корби внезапно заметила крайне интересную горную вершину на горизонте и стала пристально ее изучать, чувствуя, как стремительно краснеют ее щеки.

— Ну и что, даже если и так? — взорвалась Серена. — Тебе-то какое до этого дело?

— Серена, пожалуйста, — произнес Жон-Жолион, кладя свою безупречно чистую руку поверх руки Серены. — Я просто пытаюсь тебе

помочь. Ты ведь не знаешь Артура, как знаю его я. В его жизни всегда была только одна любовь, и он никогда ее не покинет...

Серена выдернула руку, но было ясно, что она жадно ловит каждое слово лейтенанта.

— Кто? — выдохнула она.

Жон-Жолион рассмеялся:

— Конечно же, «Гармония», наш прелестный кораблик.

Серена улыбнулась и встала, собираясь уходить:

— Полагаю, это я смогу пережить.

— Так говорят все девушки, — произнес Жон-Жолион в пространство, рассматривая свои ногти.

— Все девушки? — переспросила Серена, садясь назад в кресло.

— Неужели я забыл упомянуть девушек? — делано удивился Жон-Жолион. — Вот именно. У Артура есть девушка в каждом порту. Конечно, если ты его спросишь, он будет все отрицать. Но одно он отрицать не сможет — то, что никогда не покинет «Гармонию». В то же время я, с другой стороны, имею грандиозные планы. На днях я говорил твоей матери, что...

Но Серена уже не слушала. Она вскочила на ноги и бросилась к поручням. Ее губы задрожали, а глаза наполнились слезами.

И тут случилось невероятное. Человек из каюты 21 поднялся с кресла, порывшись в кармане своего белого пиджака, вытащил носовой платок (который также был белым, с вышитой в уголке

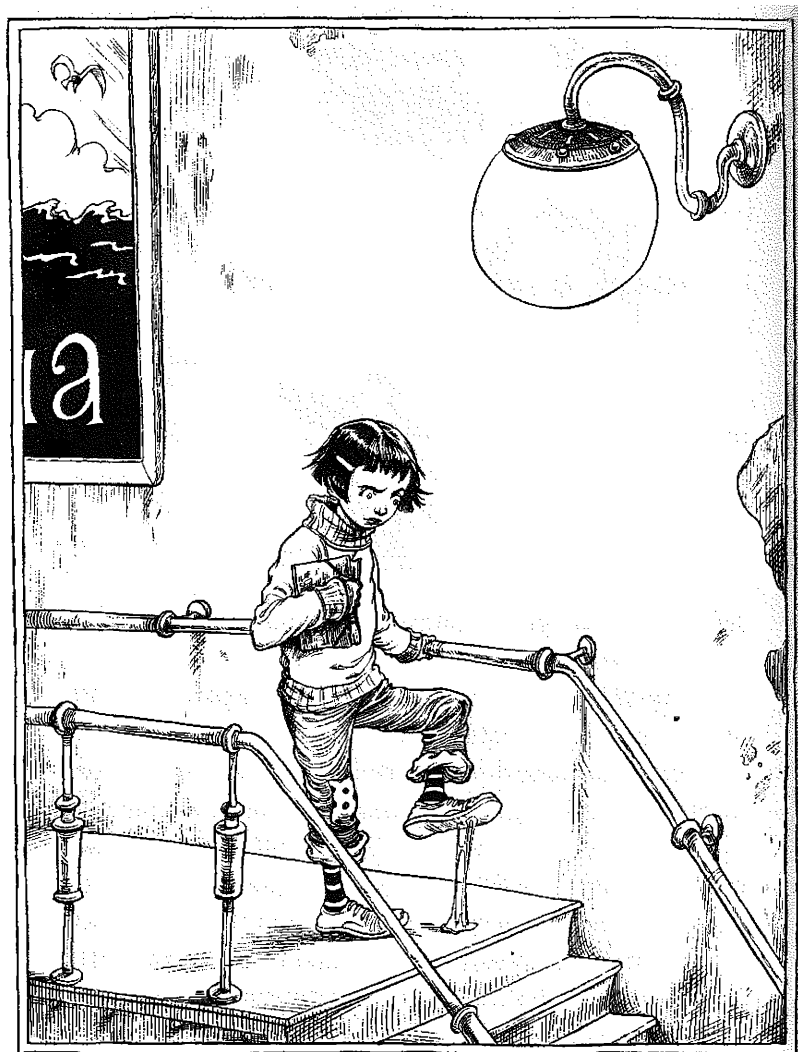

литерой «Х») и протянул его Серене. Затем он медленно удалился.

Жон-Жолион подбежал к Серене, размахивая своим платком (красным в белый горошек), но Серена, прижимая к глазам белоснежный платок человека из каюты 21 и не глядя на лейтенанта, бросилась к своей каюте. Корби повернулась на пятках, одарила Жон-Жолиона яростным взглядом и зашагала прочь.

Она как раз подходила к лестнице, когда ее левая нога опустилась на что-то мягкое, вязкое и невероятно липкое.

— Тьфу! — воскликнула Корби, поднимая ногу, чтобы посмотреть, к чему это она прилипла.

Длинные нити какого-то белого вещества протянулись между полом и подошвой ее ботинка. Она пригляделась, ковырнула вязкую массу и поднесла пальцы к носу. Они пахли сладостью и ванилью.

— Пастила, — пробормотала она, скривив губы. — Какая гадость!

Не то чтобы Корби не любила пастилу. Иногда, выезжая на природу, Корби и ее братья допоздна не ложились спать, сидели вокруг костра, рассказывая друг другу истории про привидений, и уплетали за обе щеки пастилу. Было ужасно вкусно. Но пастила на подошве — это совершенно другое, особенно в такой жаркий день, когда она превращается просто в липкую массу.

Корби раскрыла путеводитель Хоффендинка и очень аккуратно оторвала уголок от страницы заметок. Ее внимание привлекло изображение Смеющейся Козы на соседней странице. Она принялась читать, что написано над картинкой...

ГОРОДА ПОБЕРЕЖЬЯ ДАЛЬКРЕЦИИ

ДОРАЛАКИЯ

Небольшой уединенный городок Доралакия широко известен как жемчужина побережья Далькреции. Он расположен на самом окончании Далькрецианского полуострова, и огни его необычайных домов-башен хорошо знакомы проплывающим мимо кораблям.

Дома-башни Доралакии уникальны в своем роде и достойны вашего посещения, так же как и симпатичная бухточка с ее гостеприимной таверной и маленькой бакалейной лавкой.

Смеющаяся Коза

Доралакийцы — одни из самых гостеприимных и дружелюбных людей Далькреции. Их фестиваль «Длиннейший вечер» считается наиболее веселым и пышным среди всех. Эти фестивали особенно славятся выступлениями замечательной Смеющейся Козы, живущей в Доралакии.

Заметки

«Какое интересное место», — подумала Корби, закрывая путеводитель.

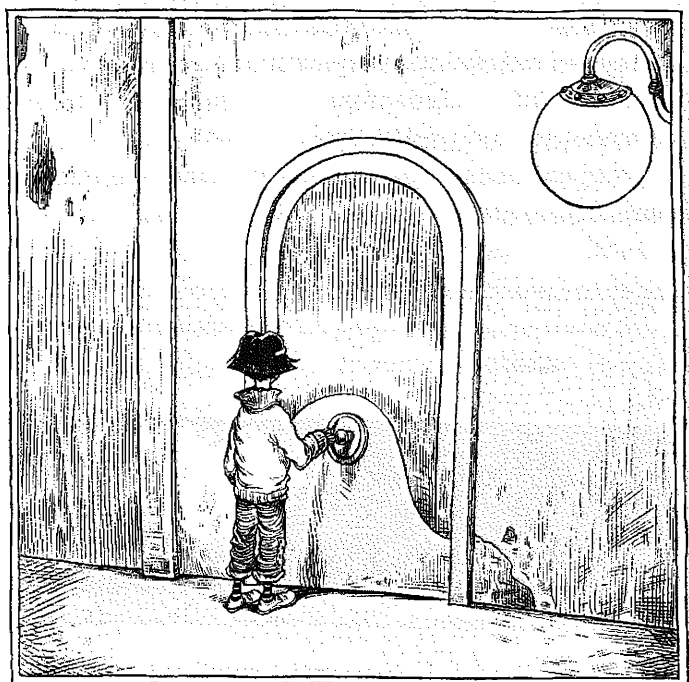
С помощью клочка бумаги она, как могла, соскребла пастилу с подошвы и пошла дальше, слегка прилипая к полу при каждом шаге. Сходя по ступенькам, она случайно глянула вниз и нахмурилась: там лежал еще один кусочек пастилы. На этот раз — розовый.

Подняв его, Корби стала спускаться дальше и вскоре нашла третий кусочек — тоже розовый, — лежащий на площадке между лестничными пролетами. Корби в задумчивости остановилась.

Один потерянный кусочек пастилы мог оказаться случайностью. Два кусочка могли быть небрежностью. Но три кусочка — это уже дорожка, и Корби принялась искать дальше. Как и следовало ожидать, посередине следующего пролета обнаружили еще два кусочка — белый и розовый, — слипшиеся вместе. Их она тоже подняла.

На следующей палубе Корби увидела белый кусочек, лежащий посреди исцарапанного палубного настила, чуть дальше был еще один, а после него — еще. Она взглянула вниз и судорожно вздохнула.

Было очень похоже, что дорожка из пастилы ведет к двери, расположенной под каютой 21. Корби пошла по этой дорожке, не забывая собирать пастилу, и наконец уперлась в дверь. И тогда, с сердцем, бьющимся громче, чем когда-либо, Корби взялась за дверную ручку и повернула ее. Дверь открылась, Корби шагнула внутрь и оказалась...

...в чулане для метел!

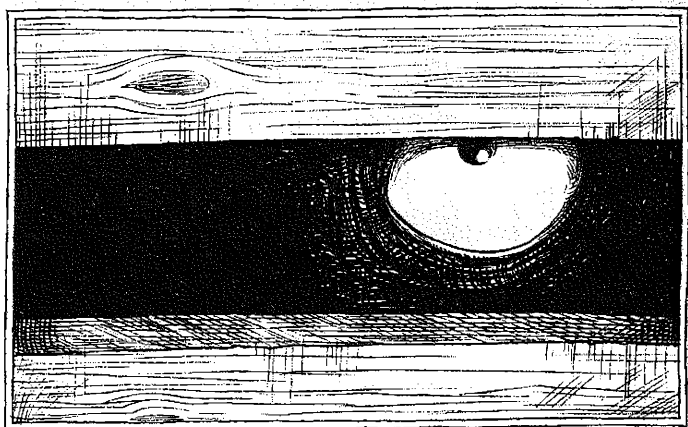
Какое-то время Корби стояла, окруженная швабрами, метлами и ведрами, с пригоршней пастилок в одной руке и путеводителем Хоффендинка в другой, и чувствовала себя довольно-таки глупо.

И тут она услышала. Печальнейшая из песен то становилась громче, то затихала, словно бы тоскующий волк выл на луну или одинокая певчая птица призывала свою пару. Казалось, что источник звука находится где-то совсем рядом.

Корби вытянула руку и толкнула заднюю стену чулана. Только это вовсе была не стена. Это

была еще одна дверь, тяжелая, металлическая, но все же слегка приоткрывшаяся от толчка. Затаив дыхание, Корби подалась вперед и заглянула в следующую комнату.

Сперва ей вообще ничего не было видно. Но постепенно глаза привыкли к темноте.

Корби увидела гигантский трюм, до потолка забитый мешками, коробками, маркированными ящиками и огромными лакированными сундуками, в некоторых из них Корби признала сундуки, принадлежащие ее семье. Что же касается печальной песни, то было ясно, что она доносится со стороны больших деревянных ящиков в дальнем углу трюма.

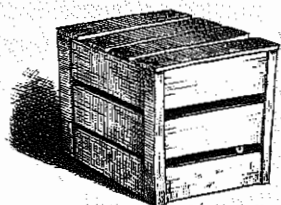
Тихо, как только могла, Корби шагнула в дверь. Стараясь не дышать, она на цыпочках прошла через весь лабиринт грузов и оказалась

возле деревянных ящичков. У нее под ногами что-то зашуршало, и в тот же миг пение прекратилось.

Взглянув вниз, Корби увидела большой бумажный пакет с дырявым дном. Она поддала его ногой. Пакет был пуст. Затем Корби услышала какое-то сопение и посмотрела вверх. Между реек одного из деревянных ящичков что-то было.

Приглядевшись, Корби поняла, что это большой печальный глаз и он смотрит прямо на нее.

10. Церемония «Полпути-до-цели»

Она услышала мою песню и пришла. Маленькая девочка пришла ко мне. Не та маленькая девочка из дворцовых садов, а другая. В ее глазах были слезы.

Она дала мне белых лепестков, много сладких белых лепестков, и что-то мне шептала. Я не смог понять ее слов, но голос был добрым и ласковым. И мне не было грустно... некоторое время.

— Чуть-чуть помедленнее и чуть-чуть поосторожнее, — мрачно произнес капитан Бельведер, с трудом подымаясь на ноги.

— Извините, капитан, — сказала Корби, которая, выскочив из чулана, с разбегу налетела на капитана Бельведера.

Опустившись на четвереньки, Корби принялась собирать бумажки, выпавшие из путевода-теля Хоффендинка. Там была карточка мистера Таймс-Ромэна, брошюрка, объясняющая, как

правильно пользоваться раковиной для мытья ног в ее каюте, мятая фотография переправы Тамберлейн-Маркса, сделанная непосредственно перед тем, как она рухнула, и...

— Я думаю, что это тоже твое, девочка, — мрачно сказал капитан Бельведер, протягивая ей полуразорванную наклейку, прилипшую к его ботинку.

— Да, спасибо, — сказала Корби, беря наклейку, втайне благодаря капитана за то, что ему не пришло в голову ее прочесть.

Она раскрыла свой путеводитель Хоффендинка и поспешно прилепила наклейку на пустую страницу...

ЦЕРЕМОНИЯ «ПОЛПУТИ-ДО-ЦЕЛИ»

Происхождение церемонии «Полпути-до-цели» столь же загадочно, сколь и сама церемония. Основанная на борту корабля «Гармония» во время его первого плавания, церемония неукоснительно проводилась при каждом последующем пересечении океана, и эта традиция вскоре распространилась и на другие корабли. Считается, что в случае, если церемония не будет проведена, корабль никогда не сможет достигнуть пункта своего назначения и будет навеки обречен плавать в океане, на «полпути-до-цели».

Церемония подразумевает большую вечеринку, на которую команда и пассажиры приходят в маскарадных костюмах. По традиции все допоздна играют в такие игры, как «Буйвол слепой русалки» и «Музыкальные айсберги», для того чтобы умиловить морского бога Нептуна и его жену Флотсэм Флорри, которых изображают капитан и его главный помощник.

ИДЕИ ДЛЯ МАСКАРАДНЫХ КОСТЮМОВ:

Федрунская Танцующая Свинья

Капитанская форма

Форма старшего помощника

Русалка (все, что угодно, кроме клоунского костюма, поскольку это, как считается, приводит к несчастью)

Заметки

Грузовой контейнер
парохода

«Гармония»

верх

Пункт назначения:

Высокая Бухта

Содержимое:

Клоуны костюмы
и реквизит

Владелец:

Мистер Табл-Розен

Затем Корби быстро захлопнула путеводитель и, придав лицу невинное выражение, улыбнулась капитану.

Наклейку она оторвала от деревянного ящика. Корби была уверена: если показать наклейку отцу и рассказать ему о запертом в ящике существе и о печальной песне, которую оно пело, отец сразу же поймет, что нужно делать.

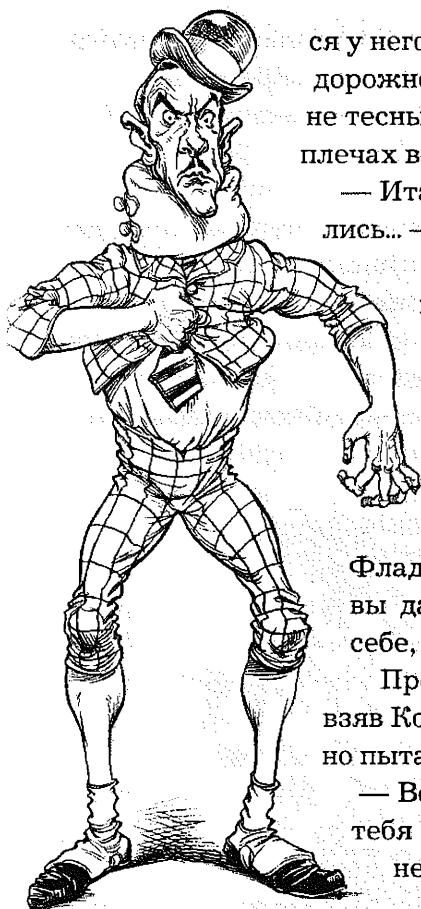
И Корби устремила к каюте родителей, находящейся на другом конце корабля.

— Не забудь про церемонию «Полпути-до-цели», — доносился до нее мрачный голос капитана. — Явка обязательна для всех без исключения — даже для меня. Хуже того...

Но Корби его уже не слышала, поскольку высматривала клоунов, чтобы случайно на них не наткнуться. Она без приключений добежала до коридора, ведущего к каютам, и уже было вздохнула с облегчением, когда дверь каюты, где была прачечная, с громким лязгом распахнулась.

Корби остановилась как вкопанная, в ужасе наблюдая за тем, как в коридор выходит мистер Таймс-Ромэн в сопровождении мистера Франклин-Готика, мистера Бембо, мистера Палатино и мистера Гарамонда, несущего в руке большой пакет пастилы. Все они были одеты в свежестиранные костюмы, которые в результате стирки сели на несколько размеров.

Мистер Таймс-Ромэн как-то одеревенело повернулся к Корби, и она увидела, что на шее у него большая медицинская шина. Он сделал шаг в сторону девочки. Зеленый котелок затряс-

ся у него на голове, пальцы судорожно скрючились, а крайне тесный пиджак собрался на плечах в складки.

— Итак, мы снова встретились... — зловеще изрек он.

Как раз в этот момент послышался громкий смех. С гримасой боли мистер Таймс-Ромэн повернулся.

— О, прошу меня извинить, — еле выговорила миссис Флад. — Просто, господа, вы даже не представляете себе, до чего вы смешные!

Пройдя мимо клоунов и взяв Корби за руку, она тщетно пыталась унять свой смех.

— Вот ты где, дорогая! А я тебя обыскала! Если мы не поторопимся, то опоздаем на церемонию «Полпути-до-цели», а это недопустимо — не правда ли, господа? — Она хихикнула.

Клоуны приподняли свои зеленые котелки, но улыбка мистера Таймс-Ромэна была тонкой, как бумага, когда он провожал глазами миссис Флад, увлекающую Корби за собой в каюту. Изнутри каюты до него донеслись не сдерживаемые более раскаты смеха.

Лицо мистера Таймс-Ромэна исказилось.

— Никто не смеется над Братством Клоунов, — прорычал он, — и это никому не сойдет с рук!

Граммофон завели вновь, и теплый вечерний воздух над носовой палубой в который уже раз наполнили звуки «Элегии Ромашки» в исполнении баронессы Оттолайн Ффард. Стоящее рядом крайне необычное существо, в зеленом парике, очень длинной юбке и с трезубцем в одной руке,

протянуло свободную руку и подняло иголку с пластинки. Как только музыка прекратилась, сборище страннейших танцоров замерло на месте.

Толстячок, одетый в огромную картонную ракушку, покачнулся, пытаясь устоять на одной ноге.

— Ты шевельнулся! — сказал лейтенант Жон-Жолион Сластворт-Хруст, указывая своим трезубцем.

Мистер Гарамонд, который, как подразумевалось, был наряжен в костюм плюющегося трубо-рога, глянул на лейтенанта и поплелся в сторону кресел.

— Нет, не вы! — сказал Сластворт-Хруст. — Ты!

Артур, неподвижный, как скала, и ужасно симпатичный в белоснежной форме старшего помощника, только пожал плечами.

— Как скажешь, Флотсэм Флорри! — рассмеялся он.

Артур уселся в кресло возле накрытого столика. На нем стояло большое блюдо с горкой бутербродов с сардинами, огромный кувшин кокосового молока, на котором красными буквами было написано «Неп-

туново пойло», и миска холодного рисового пудинга, в который был воткнут флажок с надписью «Бланманже Флорри».

— Для вас, третий механик, я — сэр, — произнес Жон-Жолион со всем достоинством, на какое только был способен. Поправив замысловатый зеленый парик, он вновь опустил граммофонную иглу на пластинку.

«Милый, милый Альфред, мое сердце разбито...» — несся из скрипучего граммофона голос баронессы Оттолайн Ффард.

«...А мои ноги натерты!» — думала Корби, пытаясь танцевать, что было совсем непросто, особенно учитывая надетый на нее костюм пчелы, который придумала ей мама. Вдобавок

в ее сторону все время злобно косились клоуны, переодетые в Лемюзля Гиббонса и четырех плюющихся труборогов.

Музыка снова внезапно оборвалась.

— Вы, вы, вы и вы! — сказал Жон-Жолион, указывая на мистера Гарамонда, Корби, миссис Шляппенглоттер (которая, похоже, нарядилась заварочным чайником) и человека из каюты 21, который, как догадывалась Корби, был одет федрунской Танцующей Свиньей, хотя наверняка сказать было трудно.

Таким образом, оставалась лишь Серена, одетая в ослепительно белое платье, с серебряными молниями в волосах и лентой через плечо, на которой сверкающими буквами было написано: «Душа „Гармонии“».

— Ты выиграла, — мрачно сказал Нептун со своего кресла, изображающего трон. — Полагаю, Нептун и Флотсэм Флорри умиловивлены, но нам лучше еще разок сыграть в «Буйвола слепой русалки», просто для верности...

Корби застонала. Это была худшая вечеринка из тех, где ей доводилось бывать. Начать с того, что никому не позволялось прикасаться

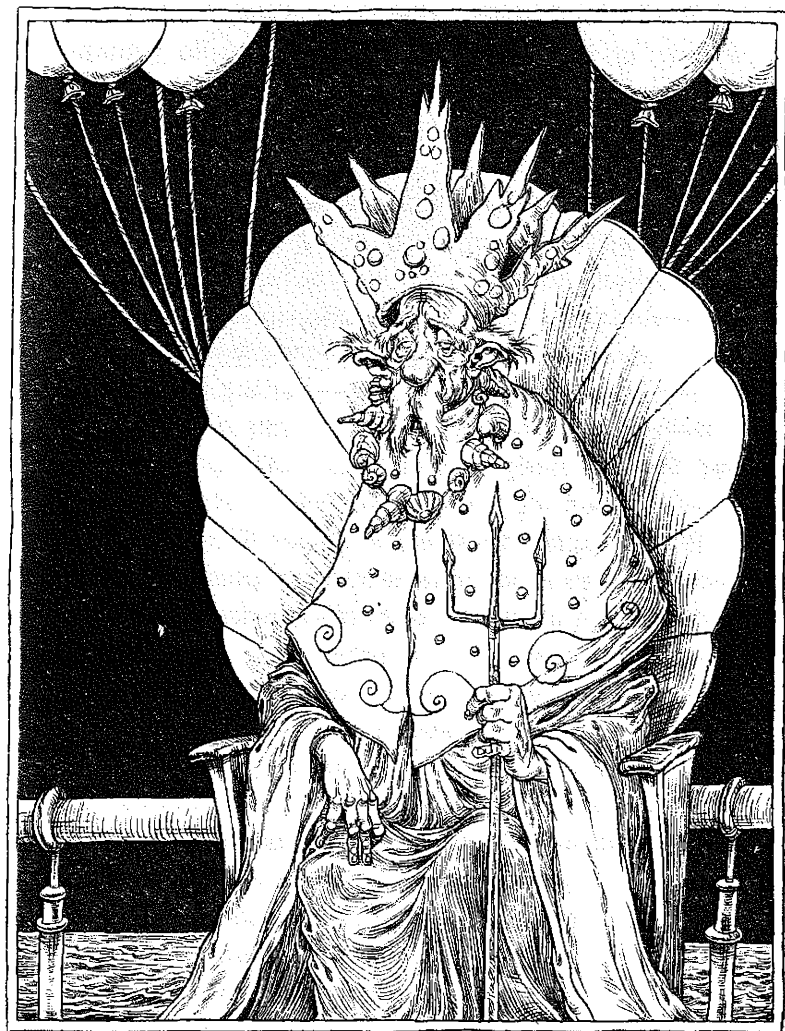

к еде. «Еда — чисто символическая», — нагло заявил Жон-Жолион, хотя это ничего и не меняло, поскольку есть такое все равно никто бы не стал. Еще хуже было то, что играли только в две игры, и обе они были мучительно скучными, а приходилось играть в них снова и снова, чтобы «умилостивить Нептуна», о чем Жон-Жолион время от времени всем напоминал.

Корби была не одинока в своих страданиях — ее братья скучали так же, как и она. Они были переодеты в своих спортивных кумиров. Седрик был Бычарой Мандрэйком, героем палубного крокета. Губерт нарядился Л. П. Смайтом из команды «Старых Горчичников». Эрнест оделся Шулером Эндрюсом, чемпионом настольного хоккея с мячом. А Тоби изображал Тедди Люскомба, который в последнем сезоне обошел всех соперников, первым допрыгав в мешке до финиша.

Серена, похоже, старательно избегала Артура. Мистер Флад, одетый в национальный далькрецианский костюм, с огромным «федруном» на голове, ни на что не реагировал, прислушиваясь к «загадочному стуку» и одновременно подсчитывая что-то у себя на тыльной стороне руки. Было похоже, что одна лишь миссис Флад наслаждается праздником. Она расхаживала в просторной юбке, покачивая гигантским лиссарианским тюрбаном, и поддразнивала клоунов, которые выглядели как никогда смешно в своих нелепых костюмах.

— Буйвол слепой русалки! — провозгласил Жон-Жолион, надевая бумажный пакет на

голову мистера Палатино и раскручивая клоуна вокруг оси.

Всем остальным тем временем полагалось стоять на одной ноге. Мистер Палатино, украдкой глянув через дырку в пакете, на цыпочках стал приближаться к Корби, угрожающе бормоча. Корби уже собиралась заорать, когда мистер Палатино, поскользнувшись на упавшем со стола бутерброде с сардинкой, грохнулся на пол, а бутерброд при этом взмыл высоко в воздух.

— Атака с воздуха! — заорал Губерт, подпрыгнув и поймав бутерброд одной рукой.

— Отлично сыграно, сэр, — сказал Седрик.

— А давайте-ка... — начал Эрнест, и остальные братья одобрительно закивали.

— Едѹ к бою! — заорал Седрик.

Мальчишки принялись хватать бутерброды с сардинами и зачерпывать пригоршнями рисовый пудинг, а Артур завладел кувшином с кокосовым молоком.

— Послушайте! — протестующе закричал Жон-Жолион. — Эта еда...

В этот момент Артур опрокинул кувшин на голову Флотсэм Флорри.

— ...чисто символическая! — со смехом закончил он за лейтенанта.

На участников церемонии неожиданного обрушился шквальный огонь из сардин и промасленного хлеба. Чайник и чашка — миссис и мистер Шляппенглоттер, — пытаясь убежать, врезались в федрунскую Танцующую Свинью. Миссис Флад просто согнулась от смеха, когда

Братство Клоунов приняло на себя артиллерийский удар рисовым пудингом.

— Никто не смеется над...

Шлеп! Шматок пудинга залепил рот мистера Таймс-Ромэна.

Мистер Флад, похоже, и вовсе не замечал прилипшую к его федрунской шляпе сардинку, лихорадочно высчитывая передаточное отношение зубчатых колес Уибблера. Серена направилась к своей каюте в сопровождении насквозь промокшего Жон-Жолиона.

— Мальчишки остаются мальчишками! — хохотала миссис Флад. — Они просто выпускают пар. В конце концов, мы ведь собирались здесь именно повеселиться!

— Виффл-виффл, — сказала миссис Шляппенглоттер.

— Ммум-мумм, — согласился с ней мистер Шляппенглоттер.

Федрунская Танцующая Свинья вновь надела свои темные очки и направилась к каюте 21.

— Нептун удовлетворен, — мрачно сказал капитан Бельведер, снимая свою картонную корону. — Объявляю церемонию «Полпути-до-цели» завершенной! — Он вытер пот со лба. — Хвала небесам — вот все, что я могу сказать...

Братья Флад и Артур одобрительно заулюлюкали.

— Пора спать, — сказала миссис Флад. — И тебе тоже, моя маленькая пчелка, — обратилась она к Корби. — Сегодня был длинный день.

— Но я только хотела показать папе... — начала Корби, раскрывая путеводитель Хоффендинка.

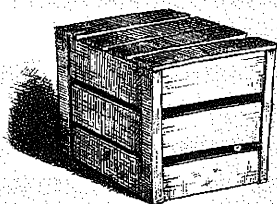
— Чтоб мне провалиться! Вот оно! — воскликнул ее отец, еще раз взглянул на уравнение у себя на запястье и подбежал к Артуру. — Артур, дитя мое! — сказал он. — Скорее переодевайся. Нам предстоит долгая ночь!

Корби смотрела вслед удаляющейся парочке. Мама взяла ее за руку.

— Что бы это ни было, дорогая, — сказала она, — уверена, оно может подождать до завтра.

— Надеюсь, — сказала Корби, оглядывая опустевшую носовую палубу. — Я и вправду очень надеюсь.

11. Каюта 21

на пришла, когда я пел. Маленькая девочка пришла и дала мне сладких белых лепестков, и она шептала мне...

Но вот она ушла, и моя печаль возвратилась. Может, если я запою снова...

Когда Корби вернулась в свою каюту, Серена все еще была одета Душой «Гармонии», хотя ее серебряные молнии лежали на полу, а распущенные волосы спадали на плечи. Было видно, что она плакала.

— Что стряслось, Серена? — спросила Корби, аккуратно присаживаясь на кровать сестры. Она до сих пор еще не слишком доверяла кроватям в каюте, несмотря на то что мистер Флад уже давно всё починил.

— Душа «Гармонии», — горько усмехнулась Серена. Сорвав с себя ленту, она бросила ее на пол рядом с молниями. — Со смеху помереть.

Корби взяла ее за руку.

— Артур меня любит, — продолжила Серена, сжав руку Корби. — Но еще больше он любит это ржавое корыто, как верно сказал Жон-Жолион...

— Жон-Жолион? — загорячилась Корби. — Да что он вообще знает?!

— Больше, чем тебе кажется, Корби, — сказала Серена, и в ее глазах заблестели слезы. — Однажды он станет капитаном какого-нибудь нормального корабля, не то что Артур...

Корби обняла сестру.

— Может быть, однажды он тоже... — начала она.

— Нет! — в сердцах воскликнула Серена, отстраняясь от Корби. — Он никогда не покинет «Гармонию». Он сказал мне об этом сегодня вечером. Какая бы она ни была ржавая и разбитая и сколько бы ему ни приходилось здесь работать из-за того, что вся остальная команда разбежалась, он сказал, что *никогда* не покинет «Гармонию». Даже ради... — Серена всхлипнула и спрятала лицо в белоснежном платке, который дал ей человек из каюты 21. — Даже ради меня!

— Никогда нельзя знать наверняка, — сказала Корби. — Может, однажды он передумает...

Серена повернулась к Корби, ее глаза сверкали гневом.

— Ну, теперь-то уже поздно! — сказала она. — Потому что между нами все кончено! — Она шмыгнула носом. — Зато у Жон-Жолиона есть теперь *настоящие* перспективы. Он-то, по крайней мере, действительно меня любит, он мне

сам говорил. Представляю себе лицо Артура, когда я ему об этом скажу! Дурацкие Рыбы Любви! Что они-то в этом смыслят?!

— Послушай, Серена, — запротестовала Корби, — только не Жон-Жолион! Он такой приторный, и он жульничает, играя в регби, и он...

— Мне все равно, — отрезала Серена, залезая в постель и натягивая на голову одеяло. — Пускай теперь Артур пеняет на себя!

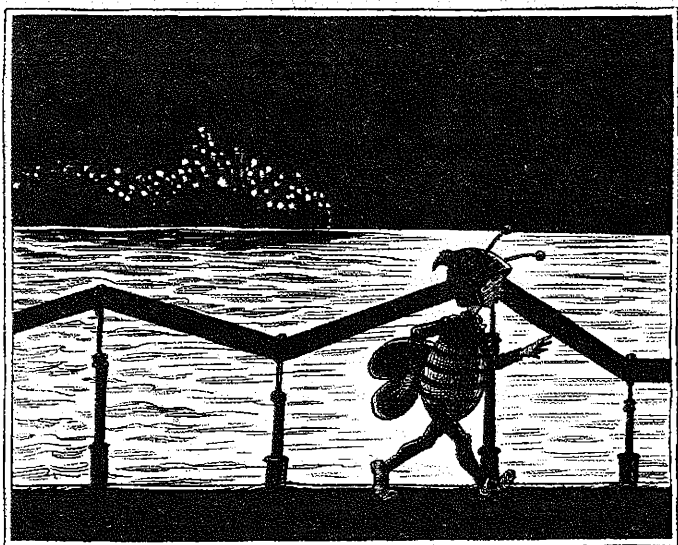
И она снова расплакалась, на этот раз явно не собираясь прекращать. В конце концов Корби взяла свой путеводитель Хоффендинка и тихонько выскользнула из каюты.

«В этом-то и беда Серены, — думала Корби. — Она слишком романтична — верит всему, о чем читает в этих своих дурацких книжках».

Корби направилась напрямиком на нос корабля. Зазубренные очертания Далькрецианского полуострова выделя-

лись на горизонте черным на фоне темного неба. Оконечность полуострова мерцала огнями, напоминая пирог со свечками. Огней было сотни, и их свет отражался в ряби на морской воде. Зрелище было волшебным. Корби могла бы стоять и смотреть на это всю ночь — и она именно так бы и поступила, если бы...

Если бы не печальная песня.

Да, это была она — очень тихая и очень далекая, но, без сомнения, именно она. Существо в ящике звало ее, в этом Корби не сомневалась, и надо было спешить.

Она пошла вдоль палубы, направляясь к лестнице, ведущей в грузовой трюм, стараясь как можно меньше шуметь. Хотя не шуметь, как вы-

яснилось, было крайне трудно, учитывая наде-
тый на Корби костюм пчелы, крылья которого
при каждом шаге громко шуршали. Откуда-то из
глубины корабля доносилось клацанье и лязга-
нье — это Артур и мистер Флад работали в мо-
торном отсеке.

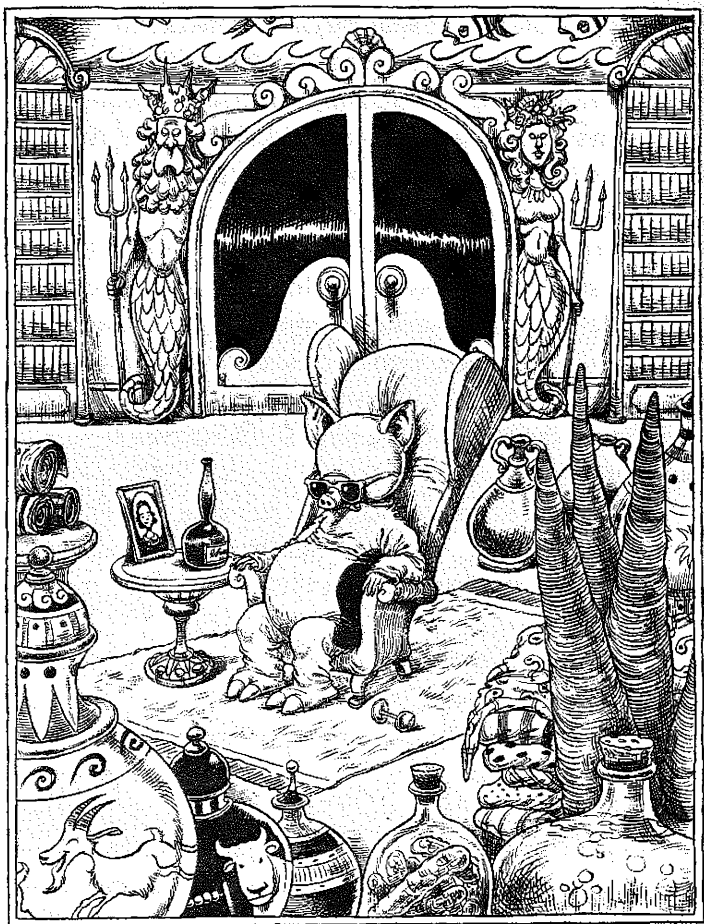
Завтра она расскажет обо всем отцу. Уж он-то
сразу поймет, что делать. Но сейчас нужно схо-
дить к этому несчастному существу и успокоить
его. Как, наверное, оно страдает, сидя взаперти
в этом кошмарном деревянном ящике! Корби
уже чувствовала, как ее кровь закипает от пра-
ведного гнева.

«Как люди могут быть так жестоки? — спра-
шивала она себя. — Дайте мне только рассказать
обо всем отцу! Эти клоуны еще пожалеют о том,
что они сделали!»

Внезапно Корби застыла на месте: она увиде-
ла, что дверь каюты 21 приоткрыта.

Корби не могла пройти мимо. Подкравшись на
цыпочках к двери, она осторожно заглянула
внутрь.

Внутри каюта была просто великолепна. С по-
толка свисала огромная люстра, а сам потолок
был разукрашен замысловатым орнаментом, по-
среди которого нарисованные Рыбы Любви пле-
скались среди нарисованных морских волн.
Книжные стеллажи вдоль стен перемежались
с прекрасными мозаичными панелями. Нептун и
Флотсэм Флорри, искусно вырезанные из дере-
ва, с обеих сторон охраняли внушительную дву-
створчатую дверь.

Там были столики и застекленные шкафы, изобилующие удивительными вещами, среди которых Корби заметила конические шапки федрунских рыбаков, огромные вазы, разрисованные замысловатыми сюжетами со смеющимися козами и считающими быками, рулоны рос-

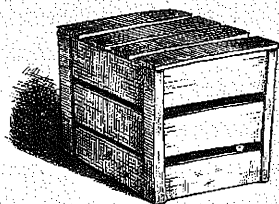
кошной материи и круглые бутылки со сладкими огурцами и медом, заткнутые пробками.

Посреди всего этого в кресле с высокой спинкой, тихонько похрапывая, сидел человек в костюме свиньи. Возле него на столике стояла полупустая бутылка, на этикетке которой было написано «Лучший столовый херес Доралакии», а рядом в серебряной рамке стояла фотография красивой женщины с черными глазами.

Корби уже собралась уходить, когда заметила нечто еще более странное. Книжные полки были заставлены одинаковыми книгами в кожаных переплетах, которые Корби тотчас же узнала.

— Путеводители Хоффендинка, — прошептала она. — Сотни путеводителей Хоффендинка.

12. Полночь в грузовом трюме

то это? Маленькая девочка? Это она пришла, услышав мою песню?

Я ничего не вижу. В лесу слишком темно, и я не могу пошевелиться в этом пустом дереве...

— Что это было? — прошептал мистер Гарамонд.

— Что именно? — злобно прошипел мистер Франклин-Готик.

— Какой-то звук, — сказал Гарамонд. — Будто бы кто-то чихнул. Похоже, где-то вон там... — Он приподнял свою лампу, указывая в сторону штабеля ящиков в дальнем углу трюма.

— Лично я ничего не слышал. — Франклин-Готик усмехнулся и покачал головой. — Вижу, эта работенка действует тебе на нервы, — я прав, старина Гэри?

— Ничего не могу с собой поделаться, Фрэнк, — сказал Гарамонд, пиная ногой стоящий перед

ним деревянный ящик. — Все из-за этого пения. Оно меня и вправду нервирует, не выходит из головы... Из-за него мне так печально...

— Тебе станет еще печальнее, если старик Роми услышит эти твои слова. Ладно, засунь ему эти пастилки, и валим отсюда, — сказал Франклин-Готик.

Мистер Гарамонд нагнулся и поднял лежащий возле ящика бумажный пакет.

— Странно, — сказал он. — Предыдущий пакет был дырявым, а теперь и этот почти что пуст. — Гарамонд огляделся. — Должно быть, крысы. Я знал, что не надо было его здесь оставлять...

— Наплюй, — оборвал его Франклин-Готик. — Давай заканчивать. Мне самому уже здесь становится не по себе.

— Одна... две... — считал Гарамонд, стоя на четвереньках и проталкивая пастилки в щель между деревянных реек, — три... четыре...

— Хорош, Гэри! Хватит, — сказал Франклин-Готик. — Ты же помнишь, шеф сказал — не больше трех зараз.

Он наклонился, забрал у мистера Гарамонда четвертую пастилку, поднес ее к лампе и присвистнул.

— В каждой из этих малышей достаточно снежного порошка, чтобы ты проспал добрую неделю, братуха Гэри, так что будь спок.

Мистер Гарамонд поднялся на ноги и еще раз пнул ящик.

— По крайней мере, хоть больше не поет, — сказал он.

В этот момент со стороны двери до них донеслось позвякивание ключей.

— Пора делать ноги, Фрэнк, — прошептал мистер Гарамонд.

— Читаешь мои мысли, Гэри, — ответил мистер Франклин-Готик, выключая лампу. — Главное, опять не споткнись о какие-нибудь швабры, когда будем выходить. И перестань ты скрипеть своими башмаками!

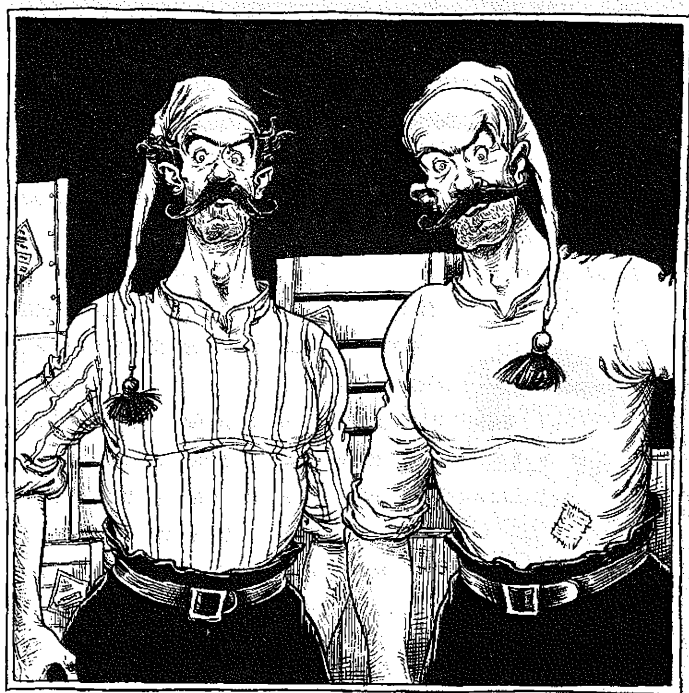
Лишь только оба клоуна исчезли в чулане, дверь в грузовой трюм, на которой было написано «Каюты 22—40», открылась и капитан Бельведер прошаркал внутрь помещения. Вслед за ним зашли два огромного роста человека в мешковатых штанах и потертых рубахах. У каждого из них были большие черные усы и красная шапка с кисточкой на конце.

— Давайте поторапливайтесь, — мрачно сказал капитан Бельведер. — У нас мало времени. Остановка здесь вообще не положена.

Не то чтобы замедление хода корабля для выгрузки нескольких ящичков можно было назвать «остановкой». Но подобное все равно не слишком понравилось бы владельцам «Гармонии», как бы это ни называлось. И все же то, о чем хозяева ко-

рабля не узнают, не сможет им и повредить — так рассудил капитан Бельведер. Вдобавок Мама Месаполики неплохо заплатила ему за эту «не совсем остановку», чтобы ее сыновья смогли подплыть к кораблю на своей лодке и забрать ее товар.

— Багаж пассажиров четко помечен, — медленно и внятно произнес капитан Бельведер, словно бы разговаривая с детьми. Он указал на наклейку сбоку одного из ящиков. — Так что оставьте те, что с наклейками, там, где они стоят. Это понятно?

Братья одновременно кивнули, так что кисточки на их шапках заплясали вверх и вниз.

— Ваши ящики там, — продолжил капитан Бельведер, — в той части трюма, которая когда-то была ванной с гидромассажем в тридцать седьмой каюте... — Выражение лица капитана стало задумчивым. Он потянул себя за ус. — Чудо морской сантехники — вот что это было. Королева Рита, собственной персоной, купала здесь своего спаниеля — Мичи, так его звали. Как сейчас помню, она купала его в кокосовом молоке...

Братья озадаченно переглянулись.

— Без наклеек — берем, — сказал один.

— С наклейками — оставляем, — сказал другой.

— Простите? — переспросил капитан, глядя в темноту и словно бы возвращаясь откуда-то издалека.

— Все в порядке, — хором сказали оба брата. — Мы поняли.

Корби открыла один глаз. «Патентованная печеная фасоль с чиполатскими сосисками Миллигана», — прочла она. Корби открыла другой глаз. Прямо перед ее лицом, закопанная в солому, лежала древняя и порядком заржавевшая консервная банка. Этикетка выпцвела, но все еще читалась.

Что-то упиралось ей в спину. Она перевернулась, вытащила из соломы еще одну ржавую банку и стала изучать этикетку. «Макаронные циферки», — прочла она.

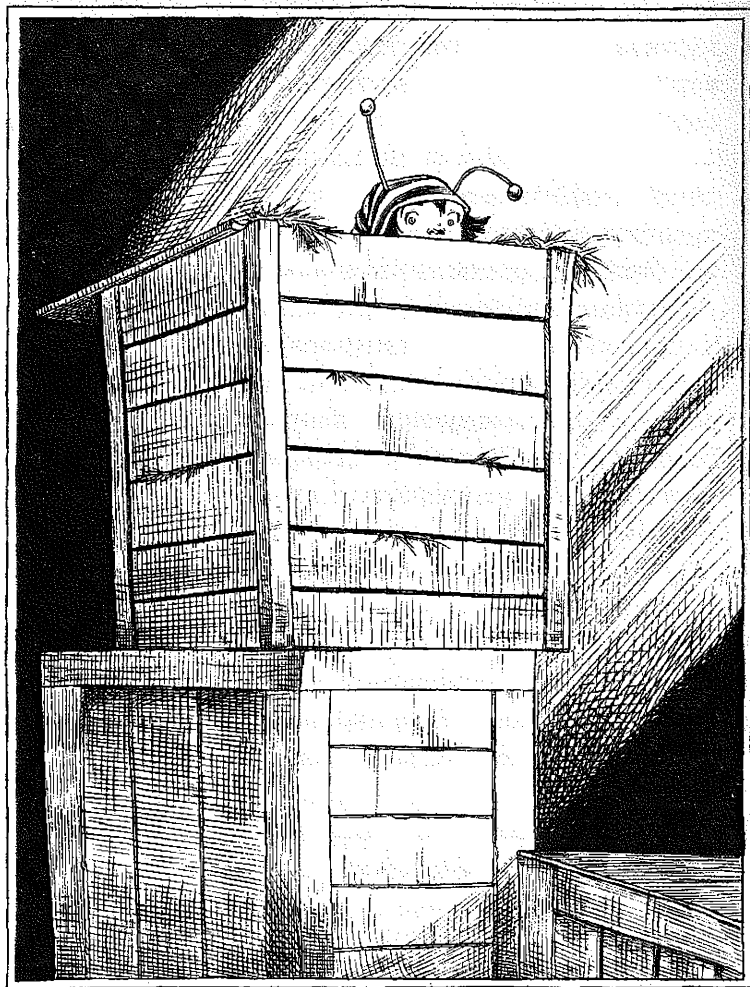
Где она? Корби попыталась сесть и ударилась головой о крышку ящика. Ну конечно же! Внезапно она все вспомнила.

Пройдя на цыпочках мимо каюты 21, она направилась напрямик к чулану. В чулане Корби на всякий случай положила швабру поперек двери и через следующую дверь проникла в грузовой трюм. Существо прекратило петь, как только Корби заговорила с ним, и тогда Корби скормила ему несколько пастилок, которые нашла в бумажном пакете возле ящика.

Затем, облизав пальцы от сахарной пудры, которой были обсыпаны пастилки, она взяла карандаш и уже собралась записать кое-что в путеводителе Хоффендинка, как из чулана донесся грохот, как если бы кто-то споткнулся о швабру.

Корби молниеносно забралась в первый же ящик, с которого ей удалось снять крышку. То, что ящик, по-видимому, оказался наполненным обычной соломой, Корби ничуть не смутило. Гораздо больше она беспокоилась о том, что ее могут обнаружить эти кошмарные клоуны. Солома щекотала ей нос, так что один раз она даже чихнула, но, к счастью, ее не услышали.

Клоуны очень долго о чем-то шептались, но Корби не смогла разобрать ни слова. Вдобавок она внезапно почувствовала такую сонливость, что едва могла удерживать глаза открытыми. На самом деле она, похоже, не смогла удержать их открытыми, поскольку, по-видимому, заснула прямо там, в набитом соломой ящике.

Вот только он оказался набит не только соломой. Он оказался набит еще и ржавыми консервными банками. Корби пошуровала вокруг и извлекла еще пару банок.

«Сливы с кремом Мамаши Леонардс», — прочла Корби, — и «Лучший свиной рулет в соусе Колдуэлла».

Тут Корби решила, что не очень-то разумно будет пролежать тут весь день, читая этикетки на ржавых банках. Ей нужно немедленно найти своего отца.

Она сдвинула крышку ящика в сторону и выглянула наружу — и тут до нее начало понемногу доходить...

Она была уже не в грузовом трюме корабля «Гармония».

Но если не там, то где?

13. Столетняя Бакалейная Лавка

какой прекрасный сон...

Я вновь в дворцовом саду, и мою кожу обдувает свежий ветерок. Скоро придет маленькая девочка со сладкой луговой травой и медовыми цветами...

Мне так не хочется просыпаться...

Корби вылезла из ящика. Выяснилось, что она находится на самом верху высокого штабеля точно таких же ящиков. Помещение было похоже на магазин, хотя таких магазинов ей прежде видеть не приходилось.

Корби спустилась по ящикам вниз и чихнула. Здесь было так пыльно! Тонкий слой пыли лежал повсюду: на полу, на множестве полок и на закрытых окнах, сквозь которые проникал свет, заставляя сверкать кружащиеся в воздухе пылинки.

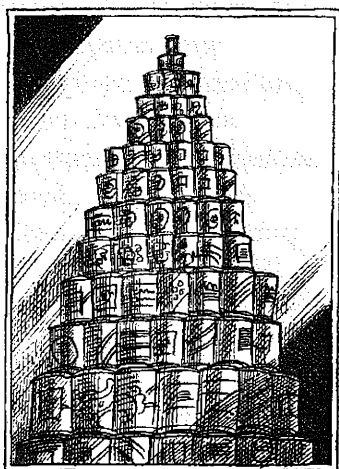
В дальнем углу комнаты находился огромный прилавок с причудливым резным орнаментом.

С одной стороны на нем стоял самый древний кассовый аппарат, какой Корби доводилось видеть, а с другой стороны были огромные медные весы. Посередине возвышалась пирамида консервных банок, которая выглядела так, словно в любой момент могла обрушиться на пол. Что же касается самих банок...

Корби огляделась. Никогда в своей жизни она не видела такого множества консервов, собранных в одном месте. Все полки, от пола до потолка, были забиты ими. Большие банки и маленькие банки; плоские широкие банки и высокие узкие банки; банки с металлическими ключами, приделанными сверху, и банки с отвинчивающимися крышками. Одни банки были квадратными, другие круглыми; одни рифленые, другие гладкие. Но какой бы формы и размера они ни были, у всех была одна общая особенность — все банки без исключения были ржавыми. Глядя на них, можно было подумать, что их не касались уже добрую сотню лет.

Корби обратила внимание на выцветшие этикетки. Они были похожи на те, что она читала в ящике, из которого вылезла.

«Гороховая каша Амброуза», «Свекольные сердечки Уэбстера»,

«Домашний абрикосовый сироп Бабушки Марго», «Дандунские лесные фрукты в маринаде», «Утиное масло»...

В этот момент дверь позади прилавка открылась, и внутрь магазина прошаркала миниатюрная старушка. На ней было черное платье и гигантский тюрбан. Увидев Корби, старушка тоненько взвизгнула и выскочила за дверь.

До Корби донеслись ее визгливые крики:

— Нико! Спиро!

Корби уже собиралась последовать за ней, когда двое огромного роста мужчин с черными усами и в красных шапках с кисточками уверенным шагом вошли в комнату. Корби застыла на месте.

Увидев Корби, они остановились и уставились на нее. Корби показалось, что они смотрят на нее уже целую вечность, хотя на самом деле вряд ли могло пройти более нескольких секунд. Затем оба запрокинули головы и разразились смехом.

Корби слабо улыбнулась, ожидая, пока они прекратят смеяться.

Наконец, когда мужчины кулаками вытерли свои глаза от слез, Корби заговорила.

— Меня зовут Корби Флад, — вежливо сказала она. — Не могли бы вы сообщить мне, где я нахожусь?

— Простите, мисс, — сказал один из огромных мужчин. — Мы не хотели вас обижать, но Мама, она напугалась. Решила, что вы — чуполо.

Мама Месаполики

— Чуполо? — переспросила Корби. — Что это?

— Это вроде... как сказать, Спиро? — Он посмотрел на своего брата.

— Фея, — сказал Спиро. — Маленькая, злая, уродливая фея. Вы должны прощать Маму. Она из Месаполи. Очень суеверные в Месаполи.

— Нет, я не чуполо, — сказала Корби. — Я маленькая девочка в костюме пчелы, и мне бы очень хотелось

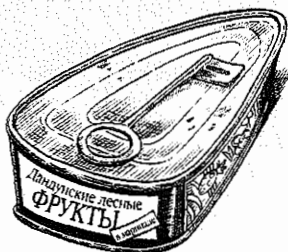
узнать, где я нахожусь.

— Да, мисс. Вы в Маминой лавке. Бакалейная лавка, — сказал Нико.

— Это я уже поняла, — сказала Корби. — Но где это?

— В Доралакии, мисс, — сказал Спиро.

— Доралакия? — проговорила Корби, пытаясь вспомнить, что она читала про этот

Нико

город в путеводителе Хоффендинка. — Жемчужина побережья Далькреции? С домами-башнями и симпатичной бухточкой?

Спиро захохотал и захлопал в ладоши.

— Точно!

— С гостеприимной таверной и маленькой бакалейной лавкой?

— Да! — засмеялся Нико. — Столетняя Бакалейная Лавка!

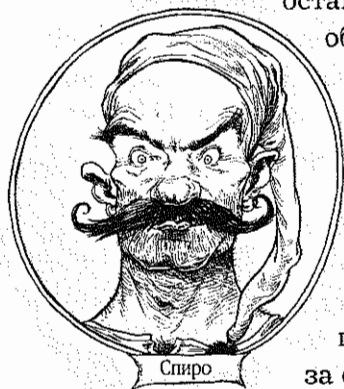
— И с замечательной Смеющейся Козой?

Оба брата неожиданно прекратили смеяться и уставились на свои ботинки.

— Как мы вам уже говорили, мисс, — печально произнес Нико, — это Доралакия.

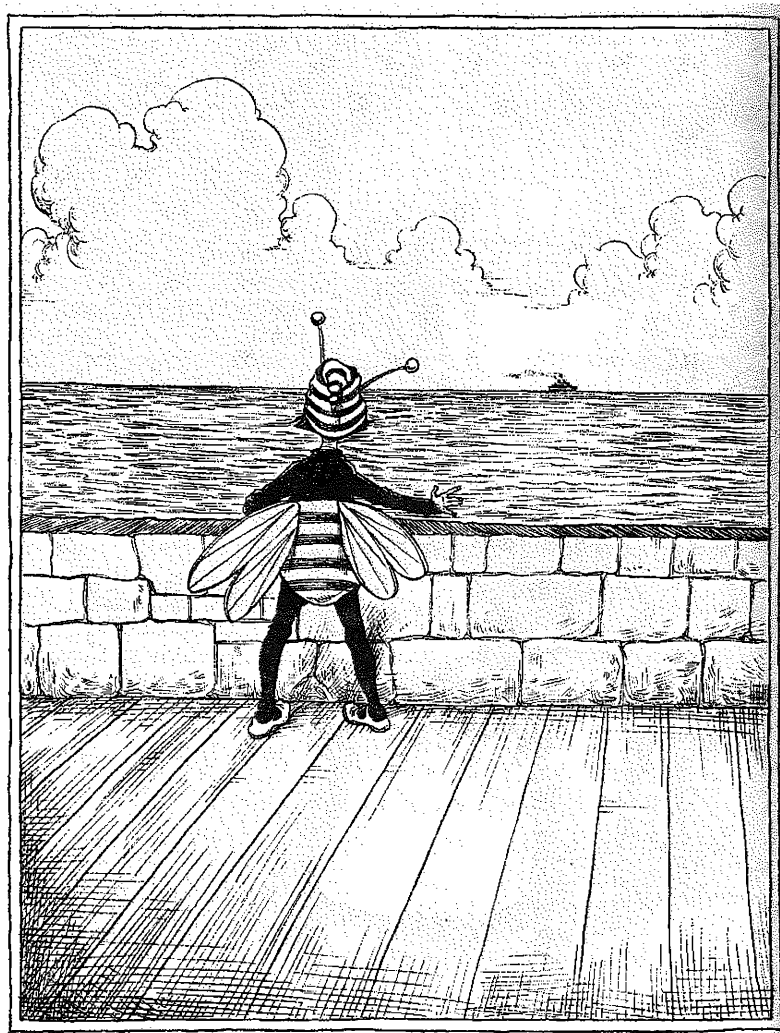
Внезапно в дверь заскочила маленькая старушка с огромной метлой в руках и уже собралась было погнаться за Корби, но двое сыновей остановили ее и принялись

объяснять, долго и путано, на языке, которого Корби не понимала, что перед ней вовсе не злая фея, а девочка в костюме пчелы. Наконец эти объяснения удовлетворили старушку, и, рассмеявшись, она поманила Корби за собой.

Спиро

Девочка последовала за ней. Они прошли в дверь и стали подниматься по длинной винтовой лестнице, которой, казалось, не будет конца. Старушка на ходу спрашивала что-то своим визгливым голосом, но Корби не понимала этого языка.

— Мама говорит, — сказал Нико, шедший по лестнице вслед за ними, — как ты попала в бакалейную лавку?

— Я случайно забралась в ящик в грузовом трюме парохода «Гармония», — сказала Корби, понимая, как сложно ей будет сейчас объяснить про странное существо в деревянном ящике. — А когда я проснулась, то была уже здесь.

Старушка спросила что-то еще.

— Мама говорит, — сказал Спиро, — почему у тебя крылья и тело в полоску?

Корби вздохнула. Если рассказать, зачем она забралась в ящик, было довольно трудно, то объяснить про церемонию «Полпути-до-цели» было сейчас практически невозможно.

— Это костюм пчелы, — сказала Корби. — Так придумала моя мама.

— Пчела! — тоненько засмеялась старушка. — Пчела! Пчела!

Наконец лестница закончилась, и старушка открыла дверь, выходящую на широкую плоскую крышу. Корби ахнула. Они стояли на самом верху великолепного дома-башни, окруженного еще доброй сотней таких же домов. А далеко в море плыл, почти уже скрывшись за горизонтом, пароход «Гармония».

Корби бросилась к парапету, размахивая руками и дико крича:

— Вернитесь! Вернитесь! Мама! Папа!

Маленькая старушка, что-то лопоча, суетилась вокруг Корби, пока та боролась с собой, отчаянно пытаясь не залиться слезами.

— Мама говорит, они тебя не слышат, — сказал Спиро. — Но корабль, он вернется с новыми банками в будущем году.

— В будущем году! — застонала Корби, все-таки заливаясь слезами.

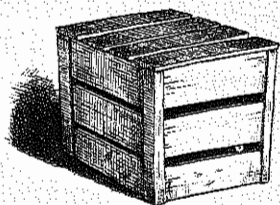
Старушка обняла ее своими сильными жилистыми руками и принялась гладить по голове.

— Пчелка, пчелка, пчелка, — напевала она тихонько над ухом Корби.

Когда Корби немного успокоилась, Мама Месаполики повернулась к своим сыновьям и стала им что-то говорить, размахивая руками, как ветряная мельница. Наконец Спиро обернулся к Корби.

— Мама, она говорит, тебе нужно увидаться с мэром, — сказал он. — Мэр, он знает, что делать.

14. Печальная история Смеющейся Козы

акой прекрасный сон...

— Если инженерное дело меня хоть чему-то научило, так это тому, что иногда мелочи оказываются важнее всего, — сказал Уинтроп Флад, вытирая испачканные маслом руки о протянутый ему Артуром кусок ветоши. — Взять, к примеру, хотя бы передаточное отношение зубчатых колес Уибблера.

Он вышагивал взад и вперед по дощатому настилу моторного отсека между плавно двигающимися поршнями.

— Это снизошло на меня, когда я увидел, как Губерт поймал бутерброд с сардиной. Он схватил его за краешек и, как бы это сказать... слегка подкрутил. «Конечно! — подумал я. — Все дело в зубчатом колесе!» Ты видишь, Артур, вроде бы

сущая мелочь! И эти мелочи так легко упустить из виду!

Артур улыбнулся.

— Нам, вне всякого сомнения, удалось избавиться от этого загадочного стука, — сказал он. — Вы творите чудеса, мистер Флад. Все палубные кресла теперь работают как новые, не говоря уже о солнечных зонтиках и саморегулирующихся поручнях, а что касается камбуза...

— Я просто кое-что там подлатал, мой мальчик, — улыбнулся мистер Флад, — всего лишь немного подлатал.

— Но вы так многому меня научили! — воскликнул Артур. — Вы возродили «Гармонию». Я в жизни не видел, чтобы ее поршни работали столь четко. Если так пойдет и дальше, мы в два счета окажемся в Высокой Бухте, и тогда...

Произнеся эти слова, Артур внезапно сник и изменился в лице.

— Да ладно, не преувеличивай, — счастливым голосом сказал мистер Флад. Но тут он увидел лицо Артура. — Мой дорогой друг! Что стряслось? — Он похлопал Артура по плечу. — Ты сможешь в любое время навещать нас в Высокой Бухте. Мы всегда будем тебе рады. Серена так будет просто счастлива. — Он улыбнулся. — Жена говорила мне, что наша старшая дочь к тебе равнодушна...

— Это невозможно, мистер Флад, — сказал Артур, отворачиваясь. — Я не могу покинуть «Гармонию» — так я обещал своему отцу. Он до сих пор не оправился после смерти моей матери, и я — вот все, что у него осталось...

— Достойно похвалы, — сказал мистер Флад, прочищая горло и теребя промасленную тряпку. — В трудное время дети — истинное утешение...

— Папа! Папа! Скорее сюда! Мама тебя зовет! — закричали братья Флад, скатываясь по лестнице и врываясь в машинное отделение.

— Что за суматоха? — сказал мистер Флад. — Эрнест, не приближайся к фланцевым тегам! Губерт, отойди от выпускного коллектора!

— Корби! — в один голос закричали мальчишки. — Она исчезла!

— Что значит «исчез»? — угрожающе тихо проговорил мистер Таймс-Ромэн. — Как мог огромный ящик просто взять и исчезнуть?

— Без понятия, шеф, — сказал мистер Франклин-Готик.

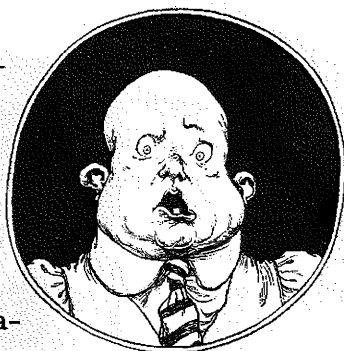
— Да уж, загадка, — проворчал мистер Палатино.

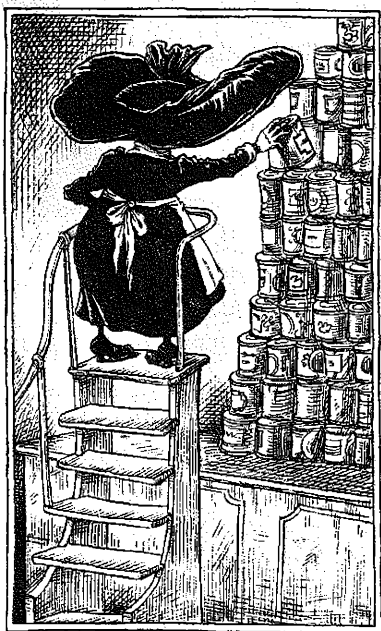
— Запутки с непонятками, — просипел мистер Бембо.

— Кто-то там явно побывал, — бормотал мистер Гарамонд. — Сперва эта проклятая швабра в чулане, затем какая-то ерунда с пастилками...

Все взгляды обратились на мистера Гарамонда. И как раз в этот момент с правой палубы донесся неистовый вопль миссис Флад:

— Корби! Корби! Ты где?!

Корби смотрела на огромный прилавок, пытается удержаться, чтобы не чихнуть.

— Мама говорит, если ты идешь к мэру на чай, нужно приносить ему что-то очень особенное, — сказал Нико.

Старушка взобралась по специальной лестнице на колесиках и теперь, покачиваясь вместе со всей этой конструкцией, стояла на последней ступеньке. Затем она потянулась к пирамиде консервных банок.

Корби было страшно смотреть — она не сомневалась, что все сооружение сейчас рухнет.

Рука пожилой женщины ухватила банку, стоящую прямо посередине пирамиды, и мед-

ленно вытянула ее оттуда. Пирамида дрогнула и заскрипела. Сотни древних банок словно бы слегка сдвинулись и перегруппировались. Пирамида зашаталась, но устояла. Старушка торжественно подняла банку над головой.

— Люди приходят из самого Лиссари, чтобы посмотреть, как Мама достает банку! — сказал Нико, широко улыбаясь.

Старушка спустилась вниз и протянула Корби пыльную ржавую банку. «Макаронный сыр в сырном соусе Снеда и Мопвелла», — гласила этикетка. Затем старушка прошаркала к древнему кассовому аппарату и своими костлявыми пальцами воткнула в него ключ. В воздух поднялось облачко пыли, и на аппарате, сопровождаемая ржавым *керр-чин!*, высочила надпись «НЕ ДЛЯ ПРОДАЖИ».

Корби чихнула.

— Пошли, — хором сказали Нико и Спиро. — Мы возьмем тебя к мэру.

Они вышли на мощеную улицу, спускающуюся к гавани. Улица была запружена черными, коричневыми и серыми козами, которые оглушительно блеяли, а за столиками возле обветшавшей таверны сидело несколько угрюмого вида пастухов. Нико нагнулся, одной рукой поднял Корби и посадил ее себе на плечи. Затем они, протискиваясь сквозь блеющее стадо, направились вверх по улице.

— А кто из них Смеющаяся Коза? — спросила Корби, глядя вниз на теснящие друг друга косматые тела.

Спиро грустно посмотрел на Корби.

— Ни одна из них, — сказал он печально. — Смеющаяся Коза, она умерла. — Спиро покачал головой.

— Мне так жаль, — проговорила Корби, стараясь удерживать равновесие, пока Нико вышагивал по круто забирающей вверх улице.

— История Смеющейся Козы, — сказал Нико, — это печальная история.

— Она заставляет скорбеть всех доралакийцев, — кивнул Спиро.

— Что произошло? — спросила Корби.

— В Федруне, у них есть Танцующая Свинья, — начал Нико. — В Лиссари есть бык, который может считать. Даже в Месаполи, где родилась Мама, есть осел, который может прокашлять «Элегию Святого Джорджа».

— Здесь, в Доралакии, — продолжил Спиро, — у нас была Смеющаяся Коза. И люди Далькреции, они приходили очень издалека на наш «Длиннейший вечер», только чтобы послушать ее смех.

— И какой это был смех! — сказал Нико. — Такого смеха никто не слышал ни до, ни после нее. — Он грустно улыбнулся. — И вот однажды...

— В день стирки, — сказал Спиро.

— В день стирки, — кивнул Нико. — Все белье висит на веревках между башнями.

Он указал вверх, и Корби увидела, что высоко над ними, между домами-башнями, и вправду натянуты веревки.

— Коза, — продолжал он, — она видит штаны мэра.

— Штаны? — переспросила Корби.

— Штаны, — кивнул Спиро. — Высоко, на веревке для белья. И она лезет на самый верх его башни.

— Зачем? — спросила Корби.

— Чтобы съесть штаны, конечно, — сказал Нико. — Какая коза! — Он восхищенно покачал головой. — Так вот, — сказал он, — она забирается на его башню и тянется, чтобы откусить кусочек, все дальше и дальше...

— И дальше, — добавил Спиро, — а потом...

— Она падает! — воскликнул Нико, внезапно остановившись, отчего Корби чуть не перелетела через его голову. — Вон там!

Он указал перед собой, на площадку возле двери самого высокого дома-башни из всех, что Корби видела до сих пор.

— Дом мэра? — спросила Корби.

Спиро и Нико скорбно кивнули.

— Это ужасно, — сказала она. — Насмерть?

Нико кивнул.

— Хуже того, — сказал Спиро.

— Кто-то как раз звонил мэру в дверь, когда коза, она упала, — сказал Нико. — Кто-то очень важный. Большой друг мэра и Доралакии.

— Кто? — спросила Корби.

Нико пригнулся, и Спиро помог Корби слезть на землю.

— Всемирно известный автор путеводителя, того, что ты с собой носишь, — сказал Нико, указывая на потертую книгу в кожаном переплете у Корби под мышкой.

— Не может быть... — выдохнула Корби.

Спиро и Нико кивнули:

— Хоффендинк.

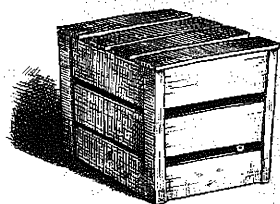
— Погиб? — сказала Корби.

Спиро и Нико помотали головами.

— Нет, хвала Святому Джорджу, — сказал Спиро. — Смеющаяся Коза, она промахнулась.

— А вот его жена, — сказал Нико. — Ей не повезло.

15. Чаепитие в доме-башне

открываю глаза и вижу, что все еще заточен в этом пустом дереве. Дворцовые сады, маленькая девочка — все это был сон. Прекрасный сон...

А теперь я проснулся, и все еще взаперти...

Погодите-ка. Что-то изменилось. Как будто бы лес стал другим... Что это?

У меня щеко́тно в носу... кажется... кажется, я сейчас... чихну...

Нико осторожно приблизился к двери мэра и сделал шаг в сторону, одновременно развернувшись, так что теперь он стоял сбоку от двери, спиной к стенке. Он взглянул на Корби и на своего брата.

— Никто не стоит перед дверью, — прошептал Спиро Корби. — С тех пор, как миссис Хоффендинк, она там стояла, в тот страшный день.

Корби кивнула, глядя на дверь мэра и представляя себе эту ужасную сцену. Нико взялся за

увесистую ручку на цепочке и трижды потянул вниз. Высоко над их головами Корби услышала едва различимое позвякивание.

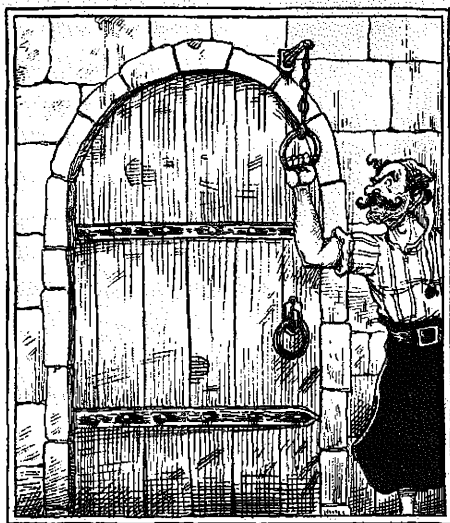
— Братья Месаполики! Нико и Спиро! — раздался голос. — Как вижу, вы привели ко мне юную посетительницу.

Корби огляделась и заметила короткую, украшенную орнаментом серебристую трубку, выдающуюся из стены. Голос шел оттуда.

— Мэр, — прошептал Спиро, — он все видит. Если в Доралакии где-то чихнет кошка, то мэр, он сразу об этом узнает.

— Впустите маленькую гостью внутрь и передавайте Маме Месаполики мои наилучшие пожелания, Нико и Спиро, — произнес голос мэра.

Нико толкнул тяжелую дверь, и она открылась.

— Мэр, он поможет тебе, Корби Флад, — сказал он, жестом предлагая Корби войти. — Он очень мудрый.

Корби вошла. В следующую секунду тяжелая дверь закрылась за ней с громким скрипом, эхом отозвавшимся внутри башни, и все вокруг мгновенно погрузилось во мрак.

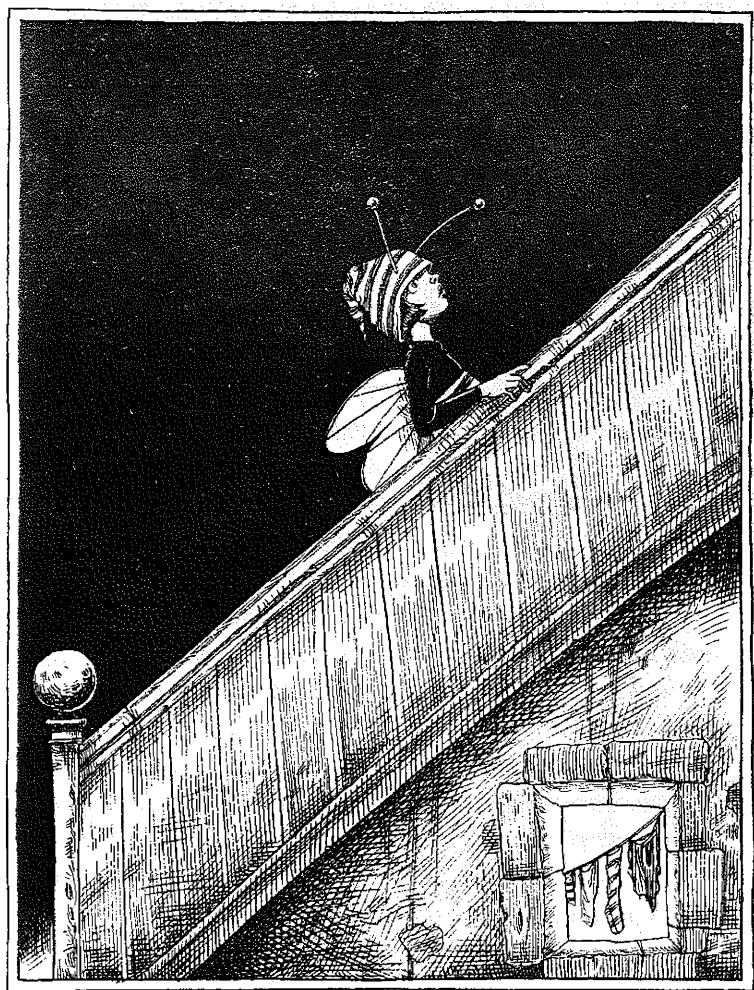
— Поднимайся по лестнице, юная гостя, — донесся голос мэра. — Мы будем пить чай на крыше. У нас в Доралакии такой обычай.

Итак, Корби начала свое восхождение на крышу башни — а это и вправду оказалась высокая башня. Очень, очень высокая башня...

Тогда как стены башни были построены из розоватого местного камня, все, что находилось внутри, — лестница, двери и полы — было сделано из

дерева, которое за многие годы потемнело до черноты.

Ступеньки располагались внутри прямоугольной башни ломаной спиралью — каждый пролет из двенадцати ступенек, упираясь в стену, менял направление, уводя все выше и выше. Поднявшись на шесть пролетов, Корби уже запыхалась.

К двенадцатому ее начала нервировать зияющая под ней пустота. Единственным, что поддерживало Корби и заставляло ее двигаться дальше, был потолок — ее цель, которая становилась все ближе и ближе. Преодолев восемнадцать пролетов, Корби пролезла в отверстие в платформе, и внезапно... потолок стал для нее полом.

— Какой ужас, — застонала Корби. — А я-то думала, что уже пришла!

Но до этого было еще далеко. Пролеты уходили и уходили вверх. Время от времени Корби заглядывала в маленькие окошки, всякий раз отмечая, как уменьшаются внизу булыжники мостовой.

Всего в этой башне оказалось шесть платформ. Сто восемь пролетов. Одна тысяча двести девяносто шесть ступенек...

И наконец, хватая ртом воздух и сжимая путеводитель Хоффендинка в одной руке и банку из Столетней Бакалейной Лавки в другой, Корби ввалилась в огромную комнату.

Вся обстановка комнаты состояла из множества богато вышитых ковров и огромных пышных подушек. На самой большой из них сидел

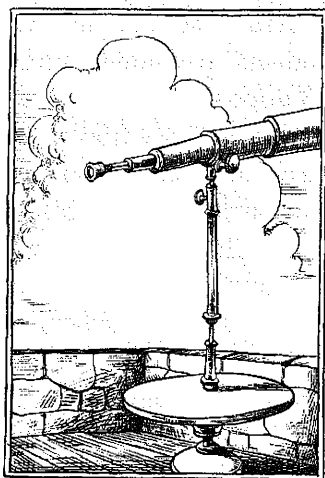
старичок в красной шапке с кисточкой на конце и с самой длинной и самой белой бородой, какую Корби до сих пор доводилось видеть.

— Приветствую тебя, юная гостья, — сказал старичок. — Это был долгий подъем, но, уверяю тебя, он того стоил. Я Константин Павел, мэр Доралакии. Добро пожаловать в мой дом-башню!

— Спасибо, — пропыхтела Корби, пытаюсь унять дыхание. — Меня зовут... Корби... Флад.

— Пожалуйста, следуй за мной, Корби Флад, — широко улыбнулся ей мэр, вставая и ловко оборачивая вокруг руки свою бороду, чтобы на нее не наступить. Он прошел через комнату и резким движением распахнул двойную дверь, за которой обнаружилась крыша, еще более просторная, чем у Мамы Месаполики.

В одном из углов стояла гигантская подзорная труба, водруженная на вращающуюся платформу. В другом углу был круглый столик, покрытый белой скатертью и сервированный на двоих. Мэр сделал Корби знак располагаться на одной из двух больших подушек возле столика. Сев, Корби взглянула поверх невысокого парапета, идущего вдоль всей крыши, и у нее перехватило дыхание.

Под ними раскинулся маленький городок Доралакия. Его великолепные дома-башни золотились в лучах заходящего солнца. На севере виднелись холмы, за которыми тянулись возделываемые плоскогорья, с полями и фруктовыми садами, а еще дальше высились заснеженные горные вершины. С востока на запад вилось побережье, перемежая песчаные пляжи скалистыми обрывами. В море виднелись маленькие островки. Ну а к югу простиралось просто открытое море. Гладкое, как огромное бирюзовое зеркало, оно доходило до горизонта и исчезало за ним.

— Доралакия — красивый город, правда? — сказал Константин.

— О да, — ответила Корби. — Самый красивый из всех, что я видела.

— И все же, — сказал Константин, — я вижу, что ты не очень рада оставаться здесь, в Доралакии.

— Не в этом дело, — произнесла Корби, почувствовав, что у нее из глаз вот-вот брызнут слезы. — Просто я попала сюда случайно. Я плыла со своей семьей на пароходе «Гармония», а потом я забралась в ящик в грузовом трюме и...

— Ты забралась в ящик? — переспросил мэр.

— Да, я там пряталась от клоунов.

— От клоунов? — переспросил мэр.

— Да, потому что они заточили в ящик какое-то существо, и оно пело печальную песню.

— Печальную песню? — Мэр качал головой и поглаживал свою белоснежную бороду. — Я не уверен, что хорошо тебя понимаю, Корби Флад.

— Ну, сейчас это не так уж и важно, — затопилась Корби. — А что действительно важно, так это, что когда я проснулась, то была уже не на борту «Гармонии». Я была в Столетней Бакалейной Лавке, а «Гармония» была там, уплывала за горизонт с моими мамой и папой и сестрой и братьями... — Слезы уже всю текли у Корби из глаз, но ей было все равно. — И Мама Месаполики сказала, что «Гармония» не вернется еще целый год! — рыдала она. — И она сказала, что вы подскажете мне, что делать...

Константин Павел прекратил поглаживать свою бороду.

— Мама Месаполики не ошиблась. «Гармония» проходит мимо Доралакии один раз в год, но не останавливается здесь... с некоторых пор... — Его лицо омрачилось, и какое-то время мэр не произносил ни слова. — Сыновья Мамы Месаполики, Спиро и Нико, подплывают к кораблю на

лодке, а капитан замедляет ход лишь настолько, чтобы дать им возможность выгрузить Мамины товары.

Он ласково улыбнулся, нагнулся вперед и похлопал Корби по руке:

— Похоже, что на этот раз Нико и Спиро выгрузили тебя вместе с Мамиными товарами. Но плакать не стоит. Константин Павел поможет тебе вернуться к твоим родителям, братьям и сестре...

— Правда? — проговорила Корби, вытирая глаза.

— Да, — сказал мэр. — Но сперва мне нужно узнать одну вещь.

— Какую? — спросила Корби.

— Почему ты одета пчелкой?

— Как я уже говорил мистеру Таймс-Ромэну, — мрачно произнес капитан Бельведер, — возвращение корабля совершенно исключается. Ему и его компаньонам придется подавать жалобу в главное управление по прибытии в Высокую Бухту.

— Это Артур виноват, — сказал лейтенант Жон-Жолион Сластворт-Хруст. — В конце концов, вряд ли это должно быть заботой первого помощника — проверять наклейки на ящиках в грузовом трюме.

— Все это крайне неприятно, — сказал капитан Бельведер, ударяя ладонями по штурвалу. — И именно тогда, когда «Гармония» в таком хорошем техническом состоянии. Вы только послушайте ее мотор. Звук совсем как у нового. Это

переносит меня во времена ее первого круиза с Бинки Бейдербеккером и королевой Ритой...

— Да-да, сэр, как я вам уже доложил, — раздраженно перебил капитана Жон-Жолион, — клоуны взяли спасательную шлюпку и уплыли на ней в ночь, всей своей компанией. Шляппен-глоттеры разбудили меня сегодня утром, чтобы это рассказать. Ей-богу, не мог понять ни слова из того, что они говорили, так что им пришлось писать на этих своих смешных листочках. Похоже, они сильно обеспокоены...

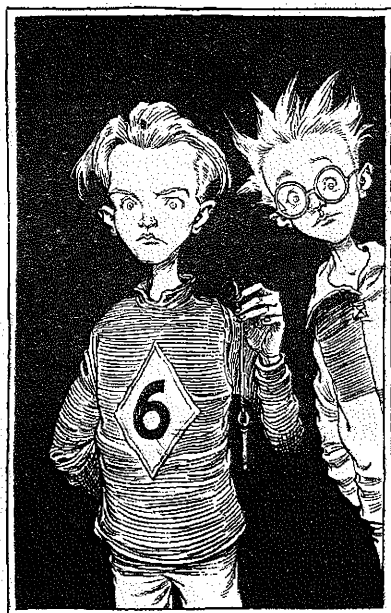

— Все это чертовски дрянная комедия, и больше мне тут сказать нечего, — произнес капитан Бельведер, потрянув головой. — И все же — есть ящик или нет ящика, а поворачивать назад я не намерен.

В этот момент дверь на капитанский мостик распахнулась, и в нее ввалилось все семейство Флад. Все семейство, за исключением, конечно же, Корби.

— Мальчики, покажите капитану, что вы нашли, — сказала миссис Флад, складывая на груди руки.

Тоби сделал шаг вперед и протянул капитану ржавую банку с этикеткой «Кремово-банановый

пудинг Малхолланда». А Эрнест протянул ему небольшой пучок соломы.

— Мы нашли это в грузовом трюме, — торжественно объявили они.

Усы капитана дернулись.

— Просто небольшое частное соглашение с маленькой бакалейной лавочкой в Доралакии, — сказал он. — Должно быть, выпало из одного из ящиков, что я вез. Я говорил им быть аккуратнее...

— А это, — сказал Губерт, доставая карандаш на шнурке, — мы нашли рядом с консервной банкой!

Миссис Флад коротко вскрикнула.

— О нет! Скажите мне, что это неправда, — простонала она. — Вы отправили мою дочку в бакалейную лавку в Доралакии вместе со своими дурацкими ящиками. Моя милая, дорогая, бедная Корби!

Серена обняла маму за плечи, чтобы ее успокоить, а Жон-Жолион подошел и обнял за плечи Серену.

— Государыня, мне так жаль... — начал совершенно обескураженный капитан Бельведер. — Я и понятия не имел...

— Не беспокойтесь, капитан, — сказал мистер Флад. — Мы с Артуром пустим машины на полную мощность. От вас же потребуется только одно...

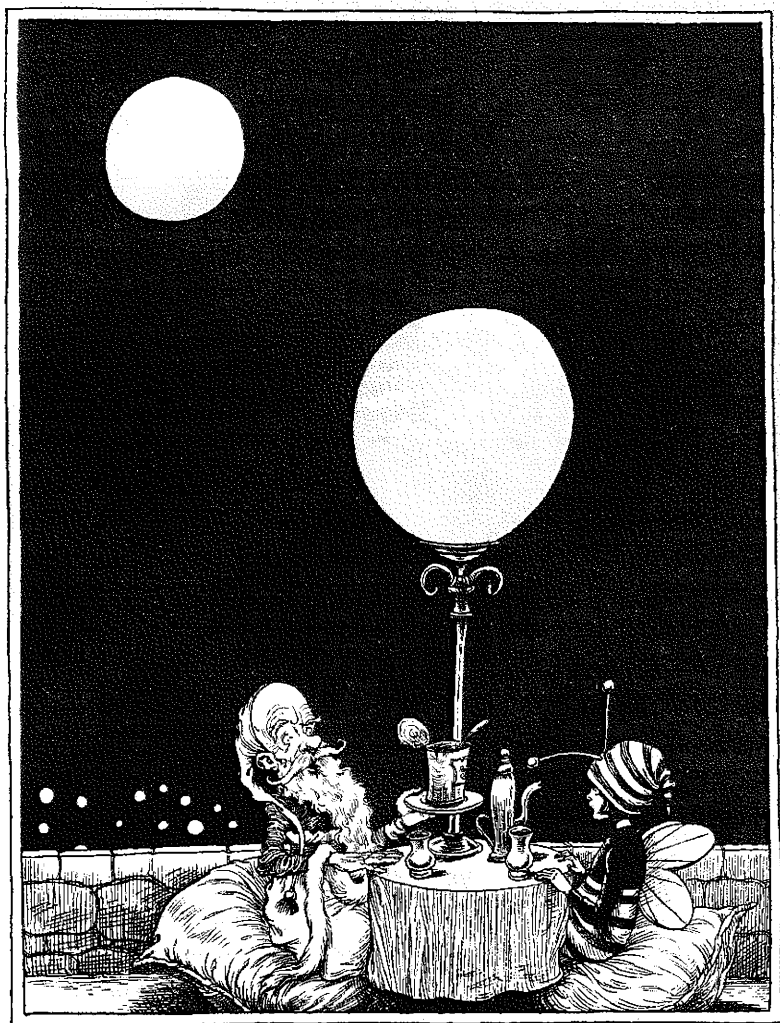
— Все, что угодно, — сказал капитан Бельведер, крепко сжимая штурвал.

— Немедленно разворачивайте «Гармонию»! — сказал мистер Флад. — Курс на Доралакию!

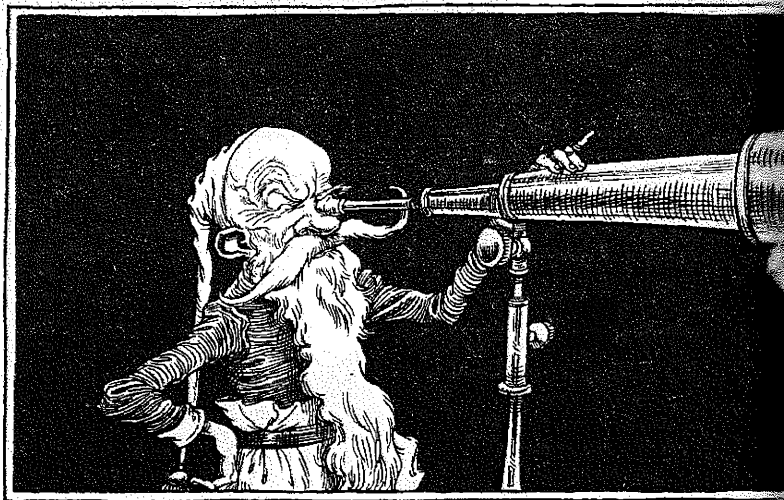
— Еще вербенового чая? — спросил Константин. — Или угодно еще ложечку этого изысканного кушанья, которое ты столь любезно принесла мне из Столетней Бакалейной Лавки?

— Нет, спасибо, — сказал Корби, морща нос при взгляде на банку макаронного сыра в сырном соусе Снеда и Мопвелла, которую протягивал ей мэр.

— У нас в Доралакии, — сказал Константин, глядя на банку, — вдоволь маслин, сладких огурцов, меда и вина. Но ничто не сравнится с теми

великолепными яствами, что раскладывают по банкам и доставляют в Столетнюю Бакалейную Лавку! В каждой из этих банок скрыт уникальный секрет восхитительнейшего вкуса! — Мэр радостно засмеялся.

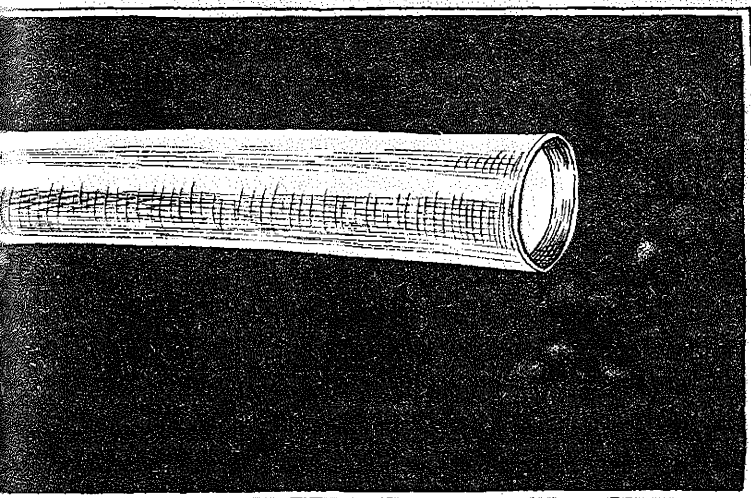

Они сидели вдвоем за круглым столиком, на котором стояла гигантская лампа на длинной медной ножке, высокий чайник, две маленькие чашки и ржавая консервная банка. В небе светила огромная полная луна, и повсюду вокруг, на всех крышах Доралакии, горели лампы, образуя загадочное созвездие, спускающееся к симпатичной гавани в самом низу города.

— Большое спасибо за ваш восхитительный чай, Константин, — сказала Корби. — Я так

прекрасно провела время, но я хотела спросить...

— Как я смогу помочь тебе вернуться к семье? — сказал Константин, поднимаясь из-за стола.

— Да, — сказала Корби.

— Я покажу тебе, — сказал мэр, подбирая свою длинную бороду и проходя через всю крышу к подзорной трубе в противоположном углу.

Он взобрался на вращающуюся платформу и развернул подзорную трубу так, что она теперь была направлена в открытое море. Мэр прильнул к окуляру и подкрутил несколько маленьких колесиков, фокусируясь на горизонте. Затем он подозвал Корби, чтобы она взглянула.

Корби приложилась к трубе.

И там, далеко в море, окруженный игривыми стайками Рыб Любви и освещенный мириадами огней, плыл прекрасный океанский лайнер. Он напомнил Корби полюбившийся ей выцветший плакат, изображающий «Гармонию» в ее лучшие времена.

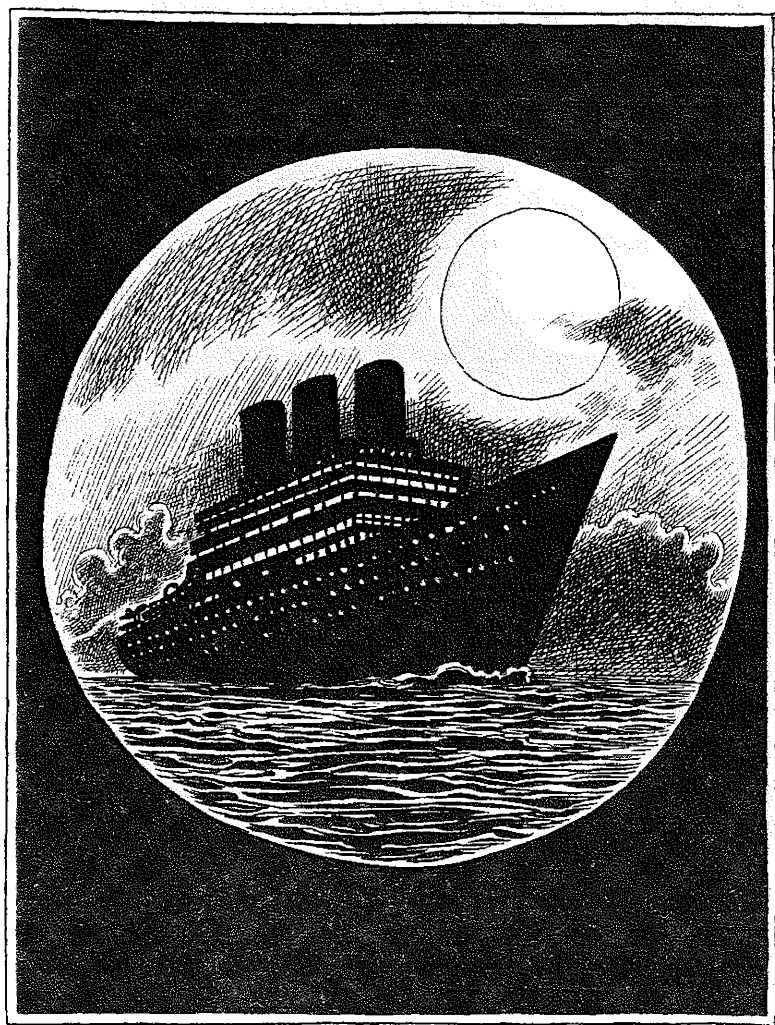
— «Королева Рита Вторая», — сказал Константин. — Этот корабль слишком велик для любой из маленьких далькрецианских бухточек. Он плавает по всем океанам и морям и бывает в самых дальних уголках Земли. Но он убодаивает нас чести, замедляя ход, чтобы пассажиры могли насладиться видом огней Федруна, Месаполи, Лиссари и, конечно же, Доралакии, мерцающих в ночи, а на следующее утро наблюдать волнующий восход солнца над домами-башнями.

— Какой он красивый, — выдохнула Корби, не в силах оторваться от подзорной трубы.

— Ты так считаешь? — сказал Константин с легкой печалью в голосе. — А что до меня, то «Гармония» всегда останется в моем сердце на первом месте...

На несколько мгновений мэр погрузился в свои мысли, но тут же взял себя в руки.

— Завтра, с первым лучом солнца, Нико и Спиро смогут отвезти тебя в своей лодке на корабль «Королева Рита Вторая». Я дам тебе тридцать золотых далькрецианских крон, которых тебе хватит, чтобы оплатить самую лучшую каюту. И ты, моя дорогая Корби Флад, доберешься до Высокой

Бухты на целый день раньше, чем твоя семья. Только представь себе, как они удивятся!

— Но как я смогу вам отплатить? — взволнованно спросила Корби.

— Ты отплатишь мне тем, что всегда будешь с теплотой вспоминать Доралакию, — сказал мэр, подавая Корби руку и помогая спуститься с вращающейся платформы. — И еще тем, что когда-нибудь вновь наведишь наш маленький городок.

В этот момент где-то рядом зазвенел колокольчик.

— Прошу прощения, — сказал Константин, подходя к серебристой трубке — точно такой, какую Корби видела в стене рядом с дверью внизу. Мэр взял трубку и поднес ко рту. — Алло?

Терраса наполнилась звуками двух голосов, кричащих и перебивающих друг друга на языке, которого Корби не понимала. Но голоса она сразу же узнала. Это были Нико и Спиро.

— Ага. Ага, — сказал Константин. Он повернулся к Корби, и было видно, что он озадачен. — Страннейшая вещь, — сказал он. — Нико и Спиро, они говорят, что Мама обнаружила в Столетней Бакалейной Лавке чуполо. И на этот раз это не маленькая девочка, одетая пчелкой...

— Нет? — сказала Корби.

— Нет, — ответил Константин. — Они просили скорее прийти, потому что на этот раз чуполо — настоящий!

16. Чуполо

то-то пришел. Но это не маленькая девочка, это старушка с огромной черной головой. Мне страшно. В какой части леса я оказался? Здесь странный запах, от которого свербит в носу...

Я... сейчас... чихну...

Апчихи! Апчихи! Апчихи! Апчихи!

Из Столетней Бакалейной Лавки доносилось чье-то чихание, и всякий раз это заставляло толпу доралакийцев, одетых в ночные рубашки и пижамы, отпрянуть. Все беспокойно переговаривались друг с другом на неизвестном Корби языке.

— Люди Доралакии ложатся спать очень рано, — объяснял Константин, торопливо спускаясь вместе с Корби по крутой мощеной улице, ведущей к бакалейной лавке. — Доралакия превратилась в сонный маленький городок, с тех пор как Смеющаяся Коза, она...

Голос Константина потонул в гуле толпы.

Нико и Спиро, одетые в одинаковые ночные рубахи с заплатками, стояли впереди толпы горожан, и кисточки на их красных шапках плясали в такт их возбужденному разговору. Спиро держал большую сковороду, а у Нико в руке была увесистая скалка для теста. Посередине стояла Мама Месаполики, что-то щебеча своим высоким голосом и размахивая огромной метлой, каждым взмахом словно бы подтверждая свои слова. Толпа вокруг них беспокойно переглядывалась.

— Мама, она говорит, чуполо в ящике, который приплыл на корабле, — сказал Нико.

— Она говорит, чуполо пришел вслед за маленькой пчелкой сюда, в нашу лавку, — сказал Спиро. — Нехорошо носить крылья и полоски на теле. Мама говорит, потому что чуполо, он думает, ты над ним смеешься!

Взоры толпы обратились к Корби, которая внезапно почувствовала, что все ее лицо горит.

Апчи!

Толпа отпрянула. Мама выставила перед собой метлу и что-то проворчала себе под нос.

— Мама, она говорит, — хором сказали Нико и Спиро, — чуполо, он сердится!

Апчи! Апчи! Апчи!

Внезапно раздался грохот, и из полуоткрытой двери Столетней Бакалейной Лавки посыпались консервные банки, прыгая по ступенькам крыльца и выкатываясь на булыжную мостовую.

— Мамина пирамида банок! — воскликнули Спиро и Нико.

Константин покачал головой:

— Сперва Смеющаяся Коза, а теперь еще и бакалейная лавка со злыми духами. Бедная Доралакия! Кто теперь захочет нас посетить, когда люди прознают, что у нас завелся чуполо!

Корби в негодовании топнула ногой.

— Какая ерунда! — воскликнула она. — Я всего лишь маленькая девочка в костюме пчелы, но я точно знаю, что это никакой не чуполо. — Она нагнулась и подняла одну из консервных банок.

— Нет? — спросил Константин.

— Нет! — ответила Корби. — И я собираюсь это доказать.

Она протиснулась сквозь изумленную толпу и поднялась по ступенькам бакалейной лавки.

— Хочешь мою сковороду? — заботливо спросил Нико.

— Или мою скалку? — предложил Спиро.

Мама Месаполики протянула свою метлу.

— Пчелка? — ласково произнесла она.

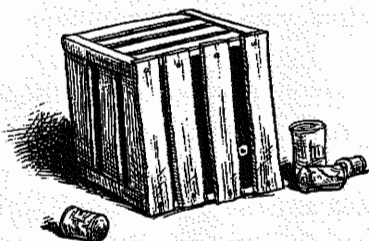
Корби помотала головой и посмотрела на ржавую банку у себя в руке.

— Спасибо, не нужно, — сказала она. — Но кое-что мне действительно понадобится.

— Что? — спросил Константин, перекидывая бороду через плечо. — Меч? Ружье? Магическое заклинание?

— Нет, — сказала Корби. — Открывалка.

17. Столетние ананасовые ломтики

амнепад прекратился, и пыль улеглась, но я все еще заточен в этом пустом дереве. Как сильно я ни колотил ногами по стволу дерева, у меня ничего не вышло. Но погодите-ка! Кажется, кто-то идет...

Корби вошла в бакалейную лавку. Пол был усеян консервными банками, а на прилавке сохранились лишь два нижних ряда банок — все, что осталось от пирамиды Мамы Месаполики. Рядом с огромными весами были в беспорядке навалены деревянные ящики с парохода «Гармония». Самый нижний слегка сдвинулся, скинув с себя все остальные, поставленные на него ящики. Большой печальный глаз выглядывал между деревянных реек.

Корби открыла свой путеводитель Хоффендинка и нашла страницу с наклейкой.

Во всем виновата только она сама! Если бы Корби оставила наклейку на ящике, тогда Нико и

Спиро не решили бы, что он предназначен для Маминой лавки, и не забрали бы его с корабля. Корби прочла имя на наклейке.

«Мистер Таймс-Ромэн... А может, это и к лучшему, что ящик уже не на корабле», — подумала она.

Корби медленно приблизилась, держа открытую банку «Ананасовых ломтиков в сиропе со Счастливого острова» в одной руке и перочинный нож Константина с дополнительным лезвием-открывалкой в другой. За Корби неотрывно наблюдал большой печальный глаз.

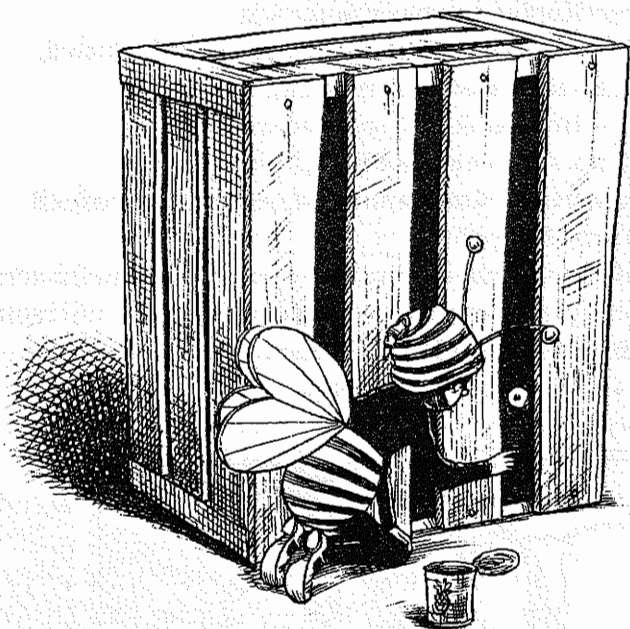

Она наклонилась, засунула руку в банку, вытащила поблескивающий ананасовый ломтик и аккуратно просунула его между реек. Послышалось сопение, которое быстро сменилось громким чавканьем.

— Кушай, кушай, — ласково шептала Корби. — Бедняжка, кто-то же наконец должен вытащить тебя из этого ужасного ящика — кем бы ты ни был.

И тут Корби внезапно поняла, что этим «кто-то» должна стать именно она.

Взглянув на нож Константина, Корби перевела взгляд на деревянные рейки. Они были похожи на прутья решетки, прибитые гвоздями через равные промежутки. Она подумала, что, используя нож, сможет один за другим вытащить гвозди и освободить это существо. Это зай-

мет немало времени, но у нее, по крайней мере, оставался еще приличный запас ананасовых ломтиков.

— Мама говорит, почему Корби Пчелка там так долго? — прошептал Нико мэру. — Может, чуполо ее заколдовал?

Они все вместе сидели на ступеньках Столетней Бакалейной Лавки: Нико, Спиро, Мама Месаполики и Константин Павел. Еще там были Яни Фульда, часовых дел мастер, и его красавица дочь Лара, живущие в соседнем доме. Они были единственными из горожан, которые до сих пор

не отправились спать. Луна низко висела на небе, а над скалами уже занимался рассвет.

— Корби нас заверила, что это не чуполо, — сказал Константин. — Ты ведь сам слышал. И она велела нам сидеть очень тихо.

— Но это было два часа назад, — возразил Спиро, — и если она не выйдет из Маминой лавки в самое ближайшее время, то опоздает на большой корабль.

Он кивнул в сторону бухты — там, далеко в море, только что показались огни величественной «Королевы Риты Второй».

Лара, дочка часовщика, тихонько вздохнула.

— Большой корабль, — прошептала она.

В этот момент из двери высунулась голова Корби. Она выглядела уставшей, а в волосах у нее застряли пучки соломы.

— Шшшш, — сказала она. — Тише. Вы его напугаете. Я только-только его успокоила.

— Чуполо? — спросил Нико.

Константин бросил на него выразительный взгляд.

— Зайдите и посмотрите сами, — сказала Корби. — Только, пожалуйста, очень тихо. Бедняжка тысячу лет просидел в этом кошмарном ящике, так что он в ужасном состоянии.

Нико и Спиро нагнулись и что-то зашептали на ухо Маме. Затем все прошли вслед за Корби в лавку, аккуратно прикрыв за собой дверь.

— Это изумительно! — сказал Нико.

— Потрясающе! — прошептал Спиро. — Мама говорит, она не видела ничего подобного, а ведь Мама, она родилась в Месаполи!

— Какая прелесть! — выдохнула Лара, дочка часовщика.

— Если бы я не увидел это своими глазами, ни за что бы не поверил, — сказал ее отец.

— Счастье для Доралакии — иметь у себя подобное существо! — Константин Павел радостно улыбался. — Смеющаяся Коза была действительно замечательной, но это... это... — На глаза ему навернулись слезы. — Это вернет нашему городу былую славу. Мы будем заботиться о нем как ни о ком другом, обещаю тебе, Корби Флад.

— Только до тех пор, пока я не доберусь до Высокой Бухты и не поговорю с отцом, — сказала Корби. — Он разберется, что нужно делать.

— Кстати, — сказал мэр, — тебе стоит поторопиться, если не хочешь опоздать на «Королеву Риту Вторую».

Они повернулись и на цыпочках вышли из Столетней Бакалейной Лавки.

Из угла, расчищенного от консервных банок, с копны соломы им вслед донесся вздох облегчения.

18. Прекраснейшая из песен

Здесь так хорошо, на этой свежайшей высушенной траве. Маленькая девочка освободила меня из пустого дерева. Приходили и другие. Я пел, а они улыбались и смеялись и гладили меня.

А теперь взошло солнце, и я так счастлив, что мое сердце может взорваться! Лучшие я буду петь. Если я стану петь, то выпущу радость наружу, и тогда мое сердце не взорвется...

Внизу, в симпатичной гавани Доралакии, Корби залезла в лодку Нико и Спиро. У лодки был старый мотор, подвешенный к деревянному корпусу голубого цвета. Спереди на лодке были нарисованы глаза.

— Чтобы видела, куда плыть, — пояснил Нико. Удостоверившись, что Корби устроилась на скамейке, он принялся заводить мотор, дергая за длинный шнур.

Мотор ожил лишь после третьего рывка.

— Доброго пути, Корби Флад, — сказал Константин Павел, махая носовым платком. — И да хранит тебя Святой Джордж. Жаль, что ты не можешь остаться, поскольку сегодня в Доралакии состоится «Длиннейший вечер» и люди придут, чтобы посмотреть на это прекрасное существо, которое ты вверила нашим заботам.

— Прощайте, Константин! — сказала Корби. — Прощайте, Мама Месаполики, прощай, Доралакия! Жаль, что не смогу остаться на «Длиннейший вечер»...

Спиро опустил мотор в воду, и голубая лодка на неожиданно большой скорости устремилась в открытое море. Корби махала быстро умень-

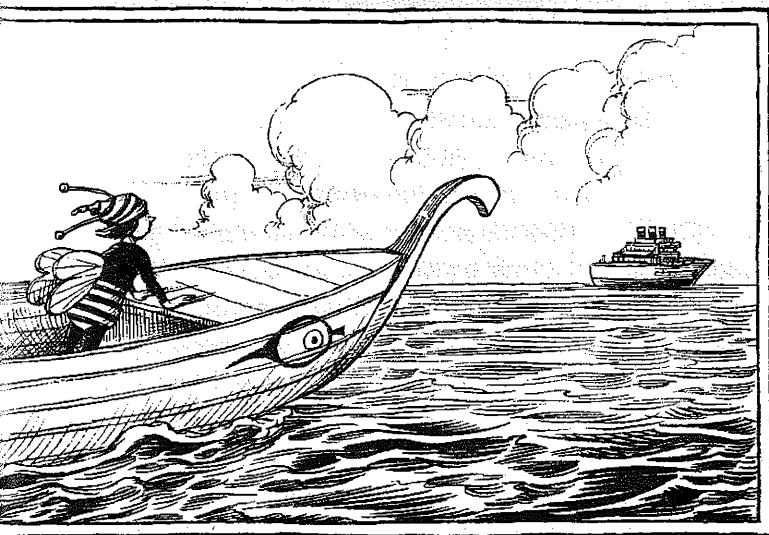

шающимися людям на пристани, за спинами которых, словно золотистые сталагмиты, в лучах восходящего солнца высились дома-башни.

Корби отвернулась и почувствовала, как ком подкатывает ей к горлу. Она посмотрела вниз и взвесила в руке маленький кожаный мешочек. Внутри позвякивали тридцать далькрецианских крон, которые дал ей Константин.

Спустя четверть часа гигантский сверкающий корпус океанского лайнера стал заметно ближе, и Корби могла уже разглядеть его палубы, украшенные лентами, шарами и мишурой.

Церемония «Полпути-до-цели» на «Королеве Рите» представлялась Корби значительно веселее той, что проводилась на «Гармонии». Казалось,

это было так давно: игры, швыряние едой, Серена и Артур, Серена и Жон-Жолион, зловещее Братство Клоунов...

Корби передернуло.

— Ты замерзла, Корби Пчелка? — спросил Нико. — Мы уже почти добрались, но ты можешь надеть мою куртку. Отличная козья шкура...

— Спасибо, мне не холодно, — сказала Корби, поворачиваясь к ним с улыбкой на лице.

И тут, над левым плечом Нико, вдали, Корби что-то увидела... Она увидела, как к берегу подплывает белая спасательная шлюпка.

Весла ритмично поднимались и опускались, пока лодка не зашла в крошечную, совершенно безлюдную песчаную бухту. Четыре человека спрыгнули прямо в воду и стали вытягивать лод-

ку на берег, а пятый, замахав руками, опрокинулся в лодке на спину, так что из нее остались торчать только ноги.

Но не это привлекло внимание Корби в первую очередь, и даже не то, что шляпка выглядела на удивление знакомой. Нет, Корби увидела кое-что другое, и это заставило ее похолодеть.

Люди, вытаскившие лодку на берег и бредущие теперь по песчаному пляжу, были в бутылочно-зеленых шляпах!

— Повторяю последний раз, — сказал Янни Фульда, часовщик, — пойдем, Лара, хватит уже глазеть на этот корабль.

— Но, папа! — запротестовала Лара. — Ты не понимаешь!

Мэр города стоял рядом с ними и вытирал глаза носовым платком. Он повернулся спиной к пристани и уже направился было вверх по крутой мощеной улице, ведущей к его дому, когда прохладный утренний воздух наполнили совершенно необычайные звуки.

Это были прекрасные, радостные звуки, словно певчая птица приветствовала утреннюю зарю или же кит звал своего маленького китеныша, и звук этот шел из Столетней Бакалейной Лавки. Это была прекраснейшая из песен, какие доводилось слышать Константину Павлу. По всей Доралакии горожане распахивали ставни на окнах своих домов и выглядывали наружу.

Константин засмеялся и пошел вверх по улице, выкрикивая на ходу:

— Сегодня в Доралакии состоится «Длиннейший вечер»! Передайте всем! Длиннейший вечер из всех!

— Как это понимать — «поверните назад», Корби Пчелка? — недоверчиво спросил Спиро.

— Мы уже почти приплыли на большой корабль, — сказал Нико.

— Я знаю, знаю, — простонала Корби, до боли в пальцах сжимая путеводитель Хоффендинка. — Но Братство Клоунов! Они приплыли сюда! Нужно предупредить мэра!

— А как же твоя семья? — спросил Спиро.

— Твоя мама, твой папа, твоя сестра и твои братья? — добавил Нико.

— Я знаю, знаю, — повторила Корби, и по ее лицу потекли слезы. Это было самым тяжелым

решением в ее жизни, но она знала, что не сможет взойти на борт «Королевы Риты Второй» и запросто отсюда уплыть. Только не тогда, когда Братство Клоунов спокойно разгуливает на свободе. — Поверните назад! — всхлипнула Корби. — Просто поверните назад!

Спиро потряс головой, а Нико проговорил

что-то на языке, которого Корби не понимала, но они развернули лодку по широкой дуге и, оставив громадный океанский лайнер у себя за спиной, направились в сторону берега.

Тут-то и произошла неприятность.

Старенький мотор издал хриплый захлебывающийся звук, фыркнул и заглох. Лодку начало сносить в открытое море.

— И что же теперь? — спросила Корби, стараясь, чтобы ее голос звучал спокойнее, чем она себя чувствовала на самом деле.

Нико и Спиро достали со дна лодки два маленьких весла.

— Поплывем, как это сказать...

— Своим ходом, — сказал Спиро.

— Вот только, — добавил Нико, — это займет много времени!

19. «Длиннейший вечер»

меня выкупали, а кожу смазали маслом. На меня надели гирлянды из ароматнейших цветов. Все это так, точно я вновь очутился в дворцовых садах, только еще лучше...

Но что это? Сладкий белый лепесток? Откуда он взялся?

Вкусно... А вот еще один... и еще...

Ммм!

Доралакия впечатляла. Все утро жители города лихорадочно трудились, делая цветочные гирлянды и готовя разноцветные ленты, которые украшали теперь каждый городской дом.

Между высокими стенами домов были протянуты веревки с бумажными фонариками, а по всей набережной расставлены длинные столы, которые ломились от

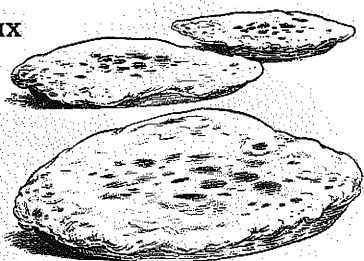
всевозможных изысканных

блюд, какие только могла предложить Доралакия.

Гирлянды ароматных сосисок и большие банки сочных олив стояли среди огромных тарелок, на которых стопками лежали

медовые оладьи и громоздились сладкие огурцы. Свежий, только что из печи, хлеб наполнял гавань восхитительным ароматом, который соперничал с запахом эспадоритов — огромных пирогов с заварным кремом, которыми Далькреция по праву гордилась.

Почетное место занимал стол перед Столетней Бакалейной Лавкой, на который Мама Месаполики выставила свои самые бережно хранимые консервные банки: «Тушеные сливы Амберсай-

Эспадориты

да», «Рагу из говяжьей солонины с луком Шотландца Боба» и великолепную рифленую банку квадратной формы с двумя ключами на крышке — «Сардины на тосте с маслом, с добавочным тостом эрцгерцога Фердинанда»!

Фасад Столетней Бакалейной Лавки был украшен гирляндами

высокогорных луговых цветов, а на площади перед ней была сооружена деревянная сцена, покрытая красным ковром. Там музыканты городского оркестра, в свежестиранных красных шапочках с кисточками, настраивали свои восемнадцатиструнные балуки — большие медные трубы, на которых можно было играть смычком и одновременно в них дуть.

Люди повсюду разговаривали и пели, танцевали и хлопали в ладоши, смеялись и обменивались поздравлениями. И там были не только жители Доралакии, ибо новость о «Длиннейшем вечере» невероятно быстро распространилась по всему побережью Далькреции. В течение всего утра в Доралакию небольшими группами прибывали люди из Федруна, Лиссари и Месаполи, принося с собой подарки и праздничные гостинцы. Среди них были и рыбаки в высоких федрунских шапках, несущие банки

с медом, и домохозяйки в живописных тюрбанах с рулонами разноцветной материи, и компания из пятерых старушек в длинных черных плащах и больших месаполианских тюрбанах, несущая гигантский свернутый ковер. Было похоже, что старушки весьма озабочены какими-то своими проблемами, так что никто не обращал на них особого внимания.

Улицы и дома Доралакии буквально гудели от слухов и пересудов, касающихся удивительного существа в бакалейной лавке. Одни говорили, что это чихающий медведь, другие — что это читающая собака, тогда как большинство было твердо убеждено, что это Смеющаяся Коза, которая вернулась в Доралакию.

Достоверность всех этих слухов могла вызывать сомнения, но в одном можно было быть уверенными: ни мэр Павел, ни Мама Месаполики, ни часовщик со своей красавицей дочерью Ларой никому не сказали об этом ни слова. А что же касается Спиро и Нико Месаполики, то их никто не видел с тех пор, как они повезли маленькую девочку в костюме пчелы на большой корабль.

— Ждите полудня, — вот все, что отвечал мэр Павел любопытствующим, улыбаясь и помахивая своей белой бородой. — Но одно я могу сказать вам уже сейчас: вы не будете разочарованы!

Солнце уже светило высоко в небе, когда голубая лодка наконец-то достигла берега. Хотя Спиро и Нико гребли изо всех сил, мощные далькрецианские течения отнесли их довольно далеко в сторону от Доралакии.

— По крайней мере, — проговорил запыхавшийся Спиро, вытаскивая лодку на каменистый пляж, — на суше мы сможем двигаться быстрее.

— Теперь мы пойдем козьими тропами, — сказал Нико, нагибаясь, чтобы Корби могла забраться ему на плечи. — Спиро, он знает кратчайший путь в Доралакию.

Они начали восхождение, прыгая с валуна на валун, все выше забираясь в гору. Корби оглянулась назад. Нико был прав: двигались они действительно быстро. Берег остался далеко позади, а через несколько минут они были уже почти на вершине горы. Перевалив через вершину, они увидели множество горных коз, которые тре-

можно блеяли, завидев людей. Вдали уже показались верхушки домов-башен Доралакии.

Словно горные козы, братья уверенно сбежали с горы и стали забираться на следующий склон. Через полчаса Корби могла уже видеть не только верхушки домов, но и улицы между ними, а также нарядно украшенную набережную, запруженную разноцветной толпой, собравшейся на «Длиннейший вечер».

— Теперь недалеко, — пропыхтел Спиро.

— Почти уже там, — с трудом выговорил Нико.

— Смотрите! — воскликнула Корби.

Там, куда указывала Корби, посреди козьей тропы, сидели пять маленьких старушек в желтоватых нижних рубашках и с крепко связанными за спиной руками.

— Тетушки! — резко остановившись, закричали в один голос Нико и Спиро. — А где же ваши черные плащи, ваши большие тюрбаны?..

Наступил полдень, и огромная толпа на площади уже с трудом сдерживала возбуждение. Мэр Павел поднял руку, и доралакский городской оркестр грянул «Элегию Святого Джорджа» в бравурной интерпретации. Когда оркестр закончил, Мама Месаполики открыла дверь Столетней Бакалейной Лавки и люди замерли в ожидании...

Ожидание длилось... и длилось... и длилось...

В толпе возник ропот. Где же удивительное существо? Мэр Павел и Мама Месаполики озадаченно переглянулись и исчезли внутри лавки.

Через несколько мгновений они вновь появились на улице.

— Мама Месаполики, она говорит, — выдохнул мэр Павел, — что задняя дверь распахнута. А это существо, оно исчезло!

В этот момент послышался хор негодующих голосов и все увидели стайку старушек в желтоватых нижних рубашках, сбегающих к ним по крутой мощеной улице, а также Нико и Спиро, несущего на плечах Корби Флад.

— Мамины сестры из Месаполи, — кричал Нико. — Они говорят, пятеро мужчин в зеленых шляпах цвета бутылочного стекла, они похитили их одежду и их почти самый лучший ковер для пикника!

— Смотрите! — закричала Корби, тыкая пальцем. — Вот они!

Толпа обернулась в сторону, куда показывала Корби, и там, на набережной, все увидели пятерых пожилых женщин, пришедших, как все до сих пор считали, из Месаполи. Они пытались незаметно выбраться из города, унося с собой гигантский свернутый ковер. Люди смотрели то на крошечных старушек в нижних рубашках, окруживших Маму Месаполики и размахивающих руками, как миниатюрные ветряные мельницы,

то вновь обращали взгляды на старушек на набережной. Толпа разгневанно загудела.

— Не стойте же просто так! — в отчаянии закричала Корби, видя, как Нико и Спиро с трудом проталкиваются сквозь толпу. — Сделайте что-нибудь!

Как только последняя из старушек в черных плащах исчезла за углом, люди, наконец очнувшись, бросились за ними, крича, тыча пальцами и размахивая руками. Они вбежали наверх по улице Шляпников, пересекли площадь Торговых и свернули в переулок Смеющейся Козы, преследуя старушек, которые оказались довольно прыткими для своего возраста. Забежав за водокачку в конце улицы Вязальщиков Шапочных Кисточек, толпа в замешательстве остановилась.

Сидя на плечах у Нико, Корби в отчаянии озиралась по сторонам. Куда же они делись? Она не знала, так же как и остальная толпа. Люди тыкали пальцами в разные стороны и чесали затылки.

И тут с самой высокой башни Доралакии послышался знакомый голос.

— Мэр, — взволнованно сказал Спиро, — он говорит, они побежали туда!

— Назад в гавань, — добавил Нико.

Люди помчались вниз с горы и, выскочив на набережную, обнаружили там старушек в черном. Четверо из них все еще крепко держали свернутый ковер, а пятая тем временем пыталась отвязать качающуюся у причала рыбацкую лодку.

— Хватайте их! — крикнула Корби. — Они сейчас уплывут!

Когда люди приблизились, одна из старушек внезапно поскользнулась и налетела на другую, которая тоже поскользнулась и налетела на следующую, которая, в свою очередь, тоже поскользнулась и налетела на последнюю старушку. Все четверо попадали и лежали теперь на мостовой, суча в воздухе ногами.

В толпе кто-то хихикнул. Затем хихикнул кто-то еще, и вот уже всю набережную сотрясал неудержимый хохот.

Пятая старушка повернулась и сорвала с себя плащ.

— Мистер Таймс-Ромэн! — воскликнула Корби, перекрывая хохот толпы.

— Никто не смеется над Братством Клоунов, — прорычал мистер Таймс-Ромэн, потрясая кулаками, — и это никому не сойдет...

Пуффф!

Эспадорит с заварным кремом просвистел по воздуху и шмякнулся прямо ему в лицо.

— Эй! — угрожающе закричала вторая старушка, тоже сбрасывая свой плащ.

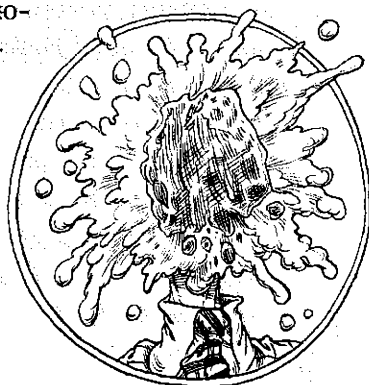
Шлеп!

Мистер Франклин-Готик тоже получил в лицо порцию далькрецианского кремового пирога, а толпа захохотала пуще прежнего.

Шлеп! Шлеп! Шлеп!

Мистер Бембо, мистер Палатино и мистер Гарамонд — каждый из них удостоился своего отдельного пирога. Запнувшись за огромный ковер, все они полетели в воду, увлекая за собой и дико размахивающих руками Таймса-Ромэна с Франклином-Готиком.

Все бурно зааплодировали. От стола, уставленного эспадоритами, к толпе приблизились четверо мальчишек и церемонно поклонились.

— Седрик! Губерт! Эрнест! Тоби! — закричала Корби.

Нико наклонился и спустил Корби на землю.

— Эти гадкие клоуны, — сказал Спиро.

— Мы вытащим их из воды, — проговорил Нико, — затем Мама, она будет с ними очень строго разговаривать!

— Привет, сестренка! — закричал Тоби, подбегая и обнимая Корби. — Нам показалось, что тут может понадобится наша помощь.

— Отлично сыграно! — засмеялся Эрнест.

— Неплохо сделано! — согласился Губерт.

— Чисто, как рубашка Гиббонса в день стирки, — добавил Седрик.

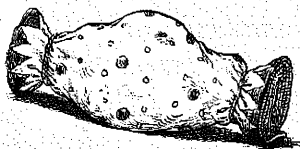
Корби обняла каждого из них.

— А мама с папой? — спросила Корби. — А Серена?

— Немного поотстали, — сказал Тоби, махнув рукой в сторону моря. — Папа сказал, что мы можем отправиться впереди них на одной из спасательных шлюпок, которые он усовершенствовал. Они просто великолепны!

Внезапно раздался мощный корабельный гудок, и в ответ толпа радостно зашумела. Корби повернулась и увидела, как впервые за много, очень много лет в гавань крошечного городка Доралакия заходит пароход «Гармония».

20. Мистер Хоффендинк

де я? Здесь темно...

Я слышу смех... рукоплескания... радостные крики...

Пароход «Гармония» пришвартовался за считанные минуты, и на пристань, на безупречно действующих механических кронштейнах, плавно опустились сходни. Толпа улюлюкала и подбрасывала в воздух красные шапочки с кисточками, а городской оркестр грянул «Элегию Святого Джорджа», ведь это было единственное, что они умели играть.

Мистер и миссис Флад, сходя на берег, приветственно махали руками, а за ними спускалась Серена в сопровождении лейтенанта Жон-Жюлиона Сластворта-Хруста.

— Дорогая! — воскликнула миссис Флад, подбегая к Корби и заключая ее в объятия. — Мы так волновались!

Мистер Флад снял свои очки, и по тому, как он моргал, можно было подумать, что ему что-то попало в глаз.

— Дочка! — произнес он, становясь на одно колено и обнимая Корби.

— Папа! — всхлипывала Корби. — Я пыталась рассказать тебе об этом существе, но...

— Жонни! — раздался громкий возглас, и Лара, красавица дочка часовщика, прорвалась к ним сквозь толпу. — Жон-Жонни! Это ты! С большого корабля! — И она с разбегу заключила лейтенанта Жон-Жолиона Сластворта-Хруста в свои объятия.

Жон-Жолион явно чувствовал себя не в своей тарелке.

— Серена, — произнес он неестественно спокойным голосом. — Позволь мне представить тебе Лару Фульда. Я познакомился с ее отцом несколько лет назад, когда я был... эээ... четвертым механиком на борту «Королевы Риты Второй»...

— Большой корабль! — сказала Лара. — Но, Жон-Жонни, почему ты такой бука? И почему ты не приезжал? Ты ведь говорил, что любишь меня, ты помнишь, Жонни?

— Серена, пожалуйста, — произнес Жон-Жолион, — позволь мне объяснить...

Хлоп!

Серена отвесила ему звонкую пощечину, затем подошла к Корби и обняла ее.

— Лара, пожалуйста, — начал было Жон-Жолион, — я...

Хлоп!

Лара, ударив Жон-Жолиона по другой щеке, развернулась и зашагала к дому своего отца.

И тут на самом верху трапа появился Артур. Он стоял рядом с человеком из каюты 21, придерживая его за плечи. Было похоже, что Артур пытается уговорить его сойти по трапу, но без особого успеха.

— Давай же, папа, — говорил Артур. — Ты так давно не сходил на берег...

— Папа? — произнесла Серена. Она вбежала вверх по трапу. — Я и понятия не имела, что вы отец Артура, — сказала она.

— Да, — немного грустно сказал Артур. — Отец — это та причина, из-за которой я не могу покинуть «Гармонию».

Серена повернулась к отцу Артура и ласково ему улыбнулась.

— Давайте, — сказала она. — Возьмите меня за руку. Поверьте, все будет хорошо.

Человек из каюты 21 задрожал, но все же поставил одну ногу на трап.

— Вот так, — сказала Серена. — Не волнуйтесь, с вами ничего не случится.

Медленно и неуверенно человек из каюты 21 спустился по трапу и, на мгновение замерев, ступил на набережную Доралакии.

— Мой давний друг! — воскликнул мэр Павел, подбегая и падая на колени. — Сможешь ли ты когда-нибудь простить меня и Доралакию за свою ужасную утрату?

Человек из каюты 21 дрожащими пальцами снял свои темные очки и заглянул мэру в глаза.

— Прошло уже столько лет, Константин, — произнес он слабым голосом. — Все эти годы я жил один на один со своими воспоминаниями... — Он взглянул на Артура с Сереной, которые держались за руки, а потом вновь посмотрел на мэра. — Пришло время изменить свою жизнь, — сказал он. — Конечно же, я прощаю тебя, мой старший друг.

Тут Константин заметил Корби и знаком попросил ее подойти ближе.

— Я хочу, чтобы ты кое с кем познакомилась, — сказал он. — Корби Флад, это мистер Хоффендинк. — И он улыбнулся, глядя, как изумилась при этих словах Корби.

— Очень рад с вами познакомиться, Корби Флад, — сказал мистер Хоффендинк. — Действительно очень рад.

Наверное, целую минуту Корби не могла вымолвить ни слова. Затем дрожащими руками она

протянула ему свой экземпляр путеводителя Хоффендинка.

— Я прочла здесь каждое слово, — еле говорила она.

В этот момент на трапе появились мистер и миссис Шляппенглоттер, вслед за которыми спускался капитан Бельведер. Капитан, вопреки обыкновению, не выглядел мрачным. У него в глазах появились живые искорки, а шаг приобрел упругость.

— Ага, вот ты где, маленькая девочка! — улыбнулся он, подкручивая свои моржовые усы. — Шляппенглоттеры желают выразить восхищение твоей храбростью и находчивостью.

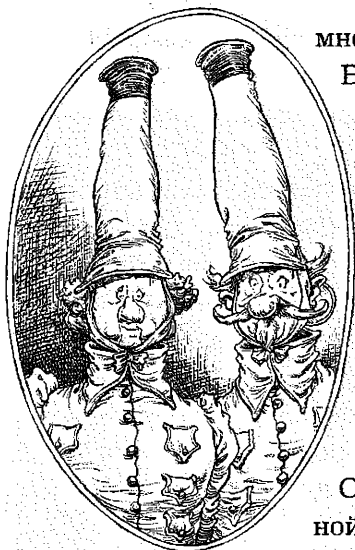
— Правда? — не поверила Корби.

— Виффл-виффл! — сказала миссис Шляппенглоттер.

— Ммумм-мумм! — сказал мистер Шляппенглоттер.

— Вот видишь! — радостно сказал капитан Бельведер. — Шляппенглоттеры — всемирно известные частные детективы. Они специализируются на клоунской преступности и уже

много месяцев выслеживают Братство Клоунов.

— Вы хотите сказать, что понимаете, о чем они говорят? — спросила потрясенная Корби.

— Конечно! Их речь ясна, как звон корабельной рынды! — Капитан рассмеялся. Это был первый раз, что Корби видела, как он смеется. —

Они прознали о краже личной собственности бегумы Дандуна. Похищение в дворцовом саду — так они сказали. Они сразу же догадались, что это работа Братства Клоунов, и собирались захлопнуть ловушку немедленно по прибытии в Высокую Бухту. Но это было прежде, чем Братство Клоунов столкнулось с тобой...

— Ммумм-ммм, — сказал мистер Шляппенглоттер, кивая на Корби своей конической шляпой.

— Вот именно, — сказал капитан Бельведер и вновь засмеялся. — Лучше и не скажешь, дружище Шляппенглоттер. Короче, ты, моя дорогая Корби, поймала их на месте преступления! Зная бегуму Дандуна, не удивлюсь, если она очень щедро тебя наградит!

Но Корби уже не слушала, потому что до нее донеслись знакомые звуки. Словно бы тоскующий волк выл на луну или одинокая певчая пти-

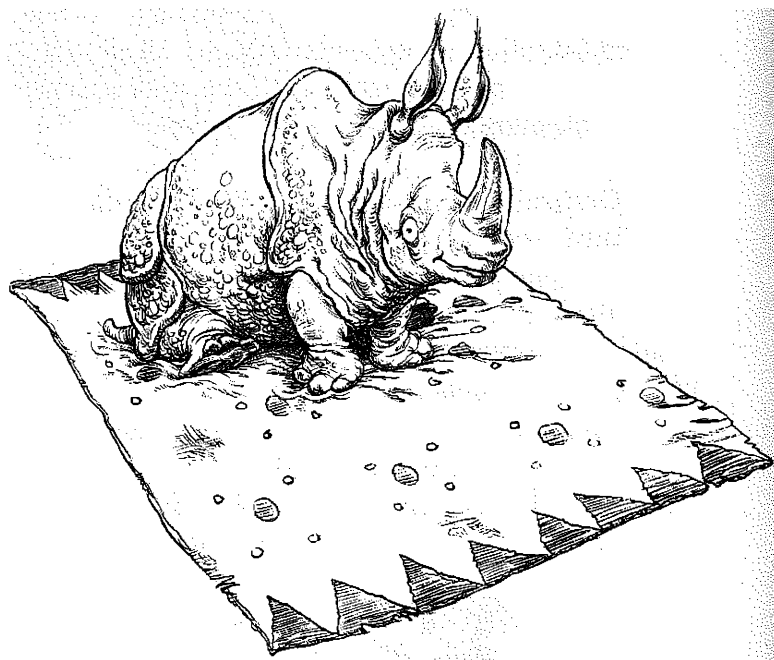
ца призывала свою пару... И звуки шли из гигантского свернутого ковра, который лежал на набережной у самой воды.

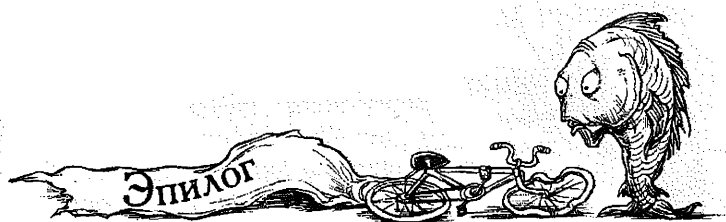
Корби бросилась к коврику, и за ней вслед кинулись мэр, мистер Хоффендинк, ее родители, ее братья, капитан Бельведер, Шляппенглоттеры, Артур с Сереной, лейтенант Жон-Жолион Сластворт-Хруст, горестно потирающий обе свои свекольно-красные щеки, Мама Месаполики, ее сестры, а также Спиро и Нико, крепко держащие за шкурки пятерых очень мокрых клоунов.

— Стойте! — приказал мэр Константин Павел. Затем он выдержал подобающую случаю паузу и провозгласил: — «Длиннейший вечер» объявляется открытым!

Затаив дыхание, все наблюдали, как Корби разворачивает ковер...

ГОРОДА ПОБЕРЕЖЬЯ ДАЛЬКРЕЦИИ

ДОРАЛАКИЯ

Интереснейшим событием любого круиза может стать посещение маленького городка Доралакия, жемчужины побережья Далькреции. Он расположен на самом окончании Далькрецианского полуострова, и огни его необычайных домов-башен при взгляде с моря представляют собой поистине волшебное зрелище.

Доралакийцы — одни из самых дружелюбных и гостеприимных людей Далькреции, и чаепитие на крыше любого из их домов-башен при свете восходящей луны может стать для вас незабываемым переживанием. Рекомендуем прогуляться по набережной, а также посетить знаменитую Столетнюю Бакалейную Лавку с ее бесподобной коллекцией старинных консервированных продуктов.

Но «гвоздем» программы любого посещения Доралакии может стать «Длиннейший вечер», на котором непременно выступит замечательный Поющий Носорожек. Изумрудный носорожек из дельты Дандуна был спасен доралакийцами и позднее передан в дар городу бегумой Дандуна, увидевшей, насколько он счастлив в своем новом доме. Бегума со своей внучкой навещают его в Доралакии каждый год.

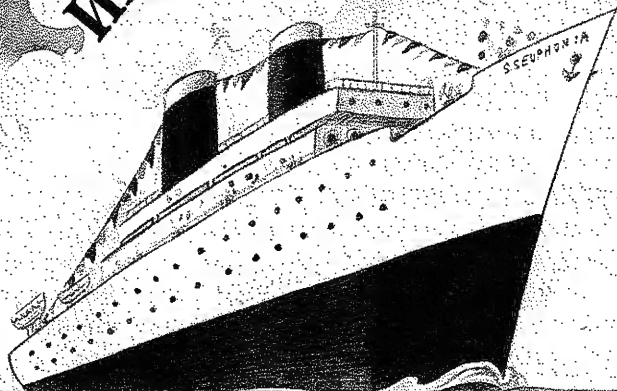
Поющий Носорожек

Заметки

С доски объявлений на набережной
близ Мыса Циклопа:

Пароход
«ГАРМОНИЯ»

Императрица морей

НАСЛАДИТЕСЬ

незабываемым путешествием на борту недавно
модернизированного чуда морской техники!

БОРОЗДИТЕ ОКЕАНЫ

и исследуйте волшебство берегов и островов,
которые повстречаются на вашем пути!

ПРЯМО СЕЙЧАС ЗАКАЖИТЕ МЕСТО

на феенебельный круиз
с заходом в десять портов и бесплатно получите
знаменитый путеводитель Хоффендинка
(исправленное издание).

Хоффендинк, Бельведер и Флад,
Круизное пароходство Ltd

Вестник Монморанси

Клоунская преступность — это не смешно!

(От нашего криминального
корреспондента)

Сегодня полиция Бухты официально объявила об аресте Люциды Старопечаттер, директрисы Школы Высокой Бухты, произведенном в результате блестящей операции. Устроив засаду в большом деревянном ящике, полицейские выскочили из него, когда мисс Старопечаттер пришла в портовый склад, чтобы забрать свой груз.

Мисс Старопечаттер, известный коллекционер туфель ручной работы и экзотических сумочек, обвиняется в организации похищения и контрабандного провоза изумрудного

Мисс Люцида Старопечаттер носорога. Носорог был похищен из дворцовых садов бегумы Дандуна Братством Клоунов, печально известной бандой, в настоящий момент ожидающей суда. Мисс Старопечаттер планировала изготовить из шкуры носорога, когда он полностью вырастет, туфли и сумочки.

Мисс Старопечаттер отказалась от комментариев, но начальник полиции Уилсон Марчмэйн сказал: «Клоунская преступность — это совершенно не смешно!»

~ *Объявление* ~

МИСТЕР И МИССИС УИНТРОП ФЛАД
С ГОРДОСТЬЮ ОБЪЯВЛЯЮТ
О ПРЕДСТОЯЩЕМ БРАКОСОЧЕТАНИИ
ИХ ДОЧЕРИ СЕРЕНЫ
И АРТУРА, СЫНА МИСТЕРА ХОФФЕНДИНКА.
ЦЕРЕМОНИЯ БУДЕТ ПРОВОДИТЬСЯ
НА МАЯКЕ МЫСА ЦИКЛОПА
ПОД РУКОВОДСТВОМ КАПИТАНА БЕЛЬВЕДЕРА.
ЗАВЕРШИТ ЦЕРЕМОНИЮ ВЕЧЕРНИЙ КРУИЗ
НА БОРТУ ПАРОХОДА «ГАРМОНИЯ».

Народ
Доралакии!

ЛАРА ФУЛЬДА,
ДОЧЬ ЧАСОВЩИКА,
ВЫХОДИТ ЗАМУЖ ЗА
ЖОН-ЖОЛИОНА СЛАСТВОРТА-ХРУСТА
С БОЛЬШОГО КОРАВЛЯ,
НА СЛЕДУЮЩЕЙ НЕДЕЛЕ.

БРАКОСОЧЕТАНИЕ СОПРОВОЖДАЕТСЯ
ПРАЗДНОВАНИЕМ
«ДЛИННЕЙШЕГО ВЕЧЕРА».

Танцы до рассвета —
козы на крыши не допускаются!

Приказ
Константина Павла, мэра города

Из «Хмурой Русалки»,
периодического школьного журнала
учебного корабля «Бетти-Джин»:

ХМУРАЯ РУСАЛКА

летний

семестр

ШКОЛЬНЫЙ ЖУРНАЛ УЧЕБНОГО КОРАБЛЯ
«БЕТТИ-ДЖИН»
РЕДАКТОР ФЕРГУС КРЕЙН

НОВЫЕ УЧЕНИКИ НАШЕЙ ШКОЛЫ

«Хмурая Русалка» рада сообщить о прибытии на учебный корабль «Бетти-Джин» пяти новых учеников. Дети инженера Флада — Седрик, Губерт, Эрнест, Тоби и Корби — приехали учиться в нашу школу из дельты Дандуна, где их отец до последнего времени занимался строительством мостов.

Мальчики изъявили желание организовать в следующем сезоне команду для палубных игр (следите за информацией на доске объявлений).

ШКОЛА ВЫСОКОЙ БУХТЫ ЗАКРЫВАЕТСЯ

Наш школьный корабль ожидает прибытия гораздо большего количества новых учеников, поскольку власти Высокой Бухты заявили, что

И телеграмма, полученная сегодня утром:

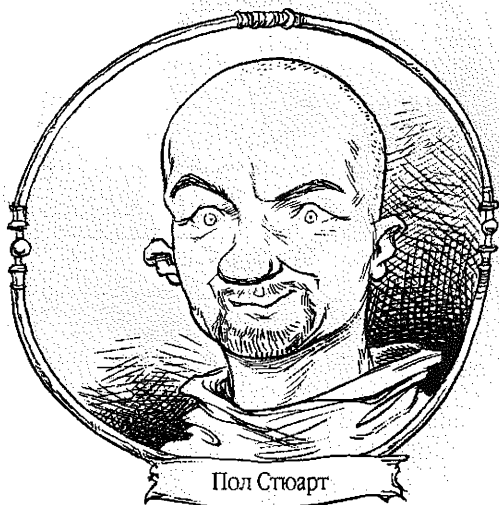
МИСС КОРБИ ФЛАД ТЧК

КЛОУНЫ БЕЖАЛИ ТЧК

НУЖНА ВАША ПОМОЩЬ ТЧК

НЕМЕДЛЕННО ВЫЕЗЖАЙТЕ ТЧК

ШЛЯППЕНГЛОТТЕРЫ

ПОЛ СТЮАРТ —
заслуженный автор книжек
для юных читателей.

Среди его книг
наиболее известна серия бестселлеров
«Воздушные пираты».

Пол Стюарт непревзойден
в искусстве игры
в «Музыкальные айсберги».

КРИС РИДДЕЛ,
соавтор «Воздушных пиратов» —
художник-иллюстратор
и мастер политической карикатуры,
неоднократно награжденный
различными призами.

Ему ни разу в жизни
не довелось встретить смеющуюся козу,
но он не теряет надежды.

ЭМИЛЬ ХОФФЕНДИНК —
автор напумевшего
путеводителя Хоффендинка,
верного спутника
любого мореплавателя.

от создателей бестселлера
«ВОЗДУШНЫЕ ПИРАТЫ»

Приглашает тебя раздел
фендинк, Белый

Корби Флад,

странствующей по морям и океанам на борту парохода
«Гармония»

ВОСХИТИТЬСЯ

живописным побережьем Далькреции, родиной
Считающего Быка, Танцующей Свины
и Смеющейся Козы!

УКЛОНИСЬ

от запущенного в тебя кремового торта во время
церемонии «Полпути-до-цели»!

И УЗНАЙ

тайну существа в ящике!

«Поразительная отвага!»

Фергус Крейн, староста школьного корабля
«Бетти-Джин»

«Мама, она говорит, это чудесное приключение!»
Спиро Месаполики

ISBN 978-5-352-02146-0

9 785352 021460

www.azbooka.ru